

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ХРАНИТЕЛЬ СМЕРТИ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Annotation

Археологи всего мира предвкушают сенсацию: в запасниках одного из бостонских музеев была найдена прекрасно сохранившаяся египетская мумия, которую называют Госпожой Икс. При томографии находки присутствует специально приглашенная судмедэксперт Маура Айлз. Каково же удивление Мауры и других участников эксперимента, когда в ноге древнего экспоната они обнаруживают... пулю! Как оказалось, Госпоже Икс вовсе не две тысячи лет... Вскоре детектив Джейн Риццоли находит в музейных подвалах еще несколько пугающих артефактов, и становится ясно, что мумифицированные жертвы – это дело рук убийцы, обладающего особыми знаниями и навыками. Роман «Хранитель смерти» – седьмой в серии, посвященной Джейн Риццоли и Мауре Айлз.

- [Тесс Герритсен](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Тесс Герритсен

Хранитель смерти

© О. Лютова, перевод, 2018

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Адаму и Джошуа – тем, ради которых светит
солнце*

*Каждая мумия – это целое исследование, никем не
открытый континент, где вы оказались впервые в
жизни.*

Доктор Джонатан Илайас, египтолог

Благодарности

Я безмерно признательна доктору Джонатану Илайасу из «Консорциума по изучению ахмимских мумий» и Джоанн Поттер из Художественного центра имени Френсиса Лемана Лоэба при Колледже Вассара за то, что позволили поучаствовать в удивительном событии – КТ-исследовании Шеп-эн-Мина. Большое спасибо редактору Линде Марроу за блестящие замечания, Селине Уокер – за глубокое понимание, а также моему неустанному литературному агенту Мег Рули из Агентства Джейн Ротрозен.

Но самая большая благодарность – моему мужу Джекобу. За все.

Он придет за мной.

Я чувствую это нутром. Ощущаю по аромату, висящему в воздухе,

такому же знакомому, как запах горячего песка, пряностей и сотен вкалывающих на солнце людей. Так пахнет пустыня на западе Египта, и я по-прежнему улавливаю ее запах, пусть даже темную спальню, где я сейчас лежу, и эту страну разделяет почти полмира. С тех пор как я ходила по пустыне, прошло пятнадцать лет, но стоит лишь закрыть глаза, и я снова оказываюсь там, на краю палаточного лагеря, – стою, глядя в сторону ливийской границы, наблюдаю закат. Попадая в вади, сухое русло, ветер стонет, словно женщина. Я все еще слышу удары киркомотыг и звяканье лопат, а перед глазами встает целая армия египетских чернорабочих – заполонив место раскопок, они деловито, будто муравьи, вытаскивают землю в ивовых корзинах. Тогда, пятнадцать лет назад, я стояла там, в пустыне, с полным ощущением, что я актриса, снимающаяся в фильме о чьих-то похождениях. Но не о своих собственных. Скромная девочка из Индио, штат Калифорния, конечно же, никогда не мечтала о таких приключениях.

Слабый блеск фар проезжающей мимо машины проникает сквозь закрытые веки. Я распахиваю глаза, и Египет исчезает. Я больше не стою посреди пустыни и не гляжу на небо, измаранное закатом-кровоподтеком. Теперь темную спальню в Сан-Диего, где я сейчас лежу, и пустыню снова разделяет полмира.

Поднявшись с кровати, я босиком иду к окну, чтобы выглянуть на улицу. По соседству располагаются дома типовой застройки 1950-х – заурядные, оштукатуренные, они возведены еще до того, как частью американской мечты стали мини-особнячки и трехместные гаражи. В этих скромных, но прочных домиках ощущается надежность (внешний вид тут не важен, главное – крыша над головой), и, к счастью, здесь я чувствую себя безликой. Обычная мать-одиночка, с трудом воспитывающая непослушную девочку-подростка.

Выглядывая из-за шторы на улицу, я вижу, как, замедляя ход, мимо соседних домов движется какой-то темный седан. Он тормозит у тротуара, фары выключаются. Я жду, когда появится водитель, но он не выходит. Он сидит в машине очень долго. Вероятно, просто слушает радио или же поссорился с женой и боится снова увидеть ее. А возможно, в автомобиле укрылись влюбленные, которым больше некуда пойти. Я способна выдумать массу совершенно безобидных объяснений, но колющий ужас все равно обдаёт мою кожу горячей волной.

Наконец задние габаритные огни седана снова оживают, и, отъехав от тротуара, он удаляется.

Автомобиль скрывается за углом, но даже после этого я нервничаю,

сжимая штору влажными пальцами. А затем возвращаюсь в постель и, обливаясь потом, ложусь прямо на одеяло, но заснуть не могу. Даже сейчас, теплой июльской ночью, я наглухо закрываю окно в своей спальне и всегда настаиваю на том, чтобы моя дочь Тари тоже запирала свое на все шпингалеты. Но Тари не всегда меня слушает.

С каждым днем она прислушивается ко мне все реже.

Я закрываю глаза и, как всегда, вижу Египет. В мыслях я постоянно возвращаюсь туда. И даже раньше, еще ни разу не побывав на этой земле, я мечтала там оказаться. Мне было всего шесть лет, когда я увидела фотографию Долины царей на обложке «Нэшнл джиографик», и у меня сразу возникло чувство, будто я уже бывала там, будто я смотрю в знакомое и почти забытое, но безумно любимое лицо. Дорогие черты, которые жаждешь увидеть вновь, – именно так я отношусь к этой стране.

Шли годы, и я закладывала основы для возвращения. Работала и училась. Заслужив полную стипендию и оказавшись в Стэнфорде, я попала под руководство профессора, который с удовольствием направил меня на летнюю практику – раскопки в западной пустыне Египта.

В июне, по окончании третьего курса, я села в самолет, летевший в Каир.

Даже сейчас, лежа во мраке своей калифорнийской спальни, я прекрасно помню, как болели глаза от яркого солнца, освещавшего раскаленный белый песок. Я по-прежнему ощущаю аромат защитного крема, исходящий от моей кожи, и укусы ветра, бросающего песчинки прямо в лицо. От этих воспоминаний я чувствую себя счастливой. Взять в руки совок, подставить плечи палящему солнцу – вот он, предел девичьих мечтаний.

Но как же быстро мечты становятся страшным сном! В самолет до Каира я села счастливой студенткой. А через три месяца домой вернулась совсем другая женщина.

Из пустыни я приехала не одна. За мной увязалось чудовище.

Мои глаза резко распахиваются в темноте. Может, это звук шагов? Или скрип открываемой двери? Я лежу на влажном белье, а сердце так и колотится в груди. Мне страшно встать с кровати, но лежать я тоже боюсь.

В этом доме что-то не так.

Я скрываюсь уже много лет и точно знаю: не стоит игнорировать еле слышные предостережения, звучащие в голове. Я научилась обращать внимание на любое нелогичное явление, на едва заметные признаки беспокойства. Я замечаю незнакомые машины, проезжающие по моей улице. Вытягиваюсь в струну, стоит одному из сослуживцев сообщить, что

меня кто-то спрашивал. Я тщательно разрабатываю планы бегства, даже если они мне долго не понадобятся. Через два часа мы с дочкой можем пересечь границу и оказаться в Мексике с другими документами. Наши паспорта с новыми именами уже надежно спрятаны в моем чемодане.

Лучше бы мы уехали раньше. Не стоило ждать так долго.

Но разве убедишь четырнадцатилетнюю девочку в том, что уехать далеко от друзей необходимо? Вся сложность в Тари – она не понимает, что мы в опасности.

Открыв ящик прикроватной тумбочки, я достаю пистолет. Он не зарегистрирован легально, и я переживаю, что огнестрельное оружие находится под одной крышей с моей дочерью. Шесть недель подряд я по выходным тренировалась в стрелковом тире и теперь знаю, как пользоваться этой штукой.

Когда я выхожу из своей комнаты и двигаюсь по коридору мимо спальни дочери, мои босые ноги ступают совершенно беззвучно. Как всегда, во мраке, я провожу обычную проверку, которую совершала уже тысячу раз. Безопаснее всего я чувствую себя в темноте – как любая жертва.

На кухне я проверяю окна и дверь. То же делаю и в гостиной. Все в порядке. Возвращаясь по коридору, я останавливаюсь возле двери в комнату дочери. Тари стала фанатично отстаивать свое личное пространство, но на ее двери нет замка, и я ни за что не позволю ему появиться. Я должна иметь возможность то и дело заглядывать к ней, чтобы убедиться: она в безопасности.

Дверь громко взвизгивает, когда я открываю ее, но мою дочь так просто не разбудишь. Как у большинства подростков, ее сон сродни коме. Почувствовав легкий ветерок, я вздыхаю. Тари снова пренебрегла моим наказом и оставила окно открытым, как бывало уже не раз.

Визит в спальню дочки с пистолетом кажется мне почти кощунственным, но окно закрыть необходимо. Шагнув в комнату, я останавливаюсь возле кровати Тари, прислушиваюсь к равномерному ритму ее дыхания и вспоминаю, как впервые увидела ее на руках у акушерки – краснолицую и ревущую. Роды длились восемнадцать часов, и я настолько обессилела, что с трудом отрывала голову от подушки. Но, бросив лишь один взгляд на свою малышку, я готова была подняться с постели и встать на ее защиту, пусть даже мне пришлось бы сразиться с целым легионом злодеев. Именно в тот момент я поняла, как назову ее. Я вспомнила слова, высеченные на стене знаменитого храма в Абу-Симбеле. Рамзес Великий выбрал их, чтобы объявить о своей любви к супруге.

«НЕФЕРТАРИ – ТА, РАДИ КОТОРОЙ СВЕТИТ СОЛНЦЕ».

Моя дочь Нефертари – единственное сокровище, привезенное мною из Египта. И мне страшно потерять ее.

Тари очень похожа на меня. Смотреть на нее спящую – все равно что наблюдать за собой. В десять лет она уже умела читать иероглифы. В двенадцать – могла перечислить все династии вплоть до Птолемеев^[1]. Выходные Тари проводит в Музее человека^[2]. Во всех смыслах она – мой клон, и даже по прошествии времени в ней не проступают черты отца: ни во внешности, ни в голосе, ни – что самое важное – в душе. Она моя дочь, только моя, не оскверненная пороком родителя.

А еще она обычная четырнадцатилетняя девочка. В этом и состоит причина моего расстройств последних недель, когда я начала чувствовать, что тьма смыкается вокруг нас, и перестала спать по ночам, прислушиваясь, не доносятся ли шаги чудовища. Дочка не замечает опасности, потому что я всегда скрывала от нее правду. Я хочу, чтобы Тари выросла сильной и бесстрашной воительницей, которую не пугает мрак. Она не понимает, зачем я хожу по дому среди ночи, зачем наглухо закрываю окна и перепроверяю замки на дверях. Она считает меня мнительной, и это правда – я взяла на себя беспокойство за нас обеих, стремясь сохранить иллюзию, что вокруг все в порядке.

Тари в это верит. Ей нравится в Сан-Диего, и она с нетерпением ждет начала занятий в средней школе, куда впервые пойдет в этом году. Здесь ей удалось завести знакомства, и да сохрани Господь родительницу, рискнувшую встать между девочкой-подростком и ее друзьями. Тари упряма не меньше моего, и мы не смогли уехать отсюда несколько недель назад только потому, что она была против.

В комнату врывается ветерок, холодит потную кожу.

Положив пистолет на прикроватную тумбочку, я иду к окну, чтобы закрыть его, и ненадолго останавливаюсь там, вдыхая прохладный воздух. Если не считать писка москитов, ночь потонула в тишине. Я чувствую болезненный укол в щеку. Укус москита приобретает смысл, лишь когда я тянусь вверх, чтобы опустить оконную раму. И ощущаю ледяное дыхание ужаса, обдающее мою спину.

На окне нет защитного экрана. «Где он?»

Только сейчас я чую присутствие мрака. Он наблюдал, как я с любовью смотрела на дочку. Постоянно следил за мной, выбирая время, выжидая момент, когда можно будет наброситься. И вот он настиг нас.

Обернувшись, я оказываюсь лицом к лицу со злом.

Доктор Маура Айлз никак не могла решить, остаться ей или сбежать.

Она задержалась в полумраке автомобильной стоянки возле больницы «Пилгрим» – в стороне от света прожекторов, подальше от скопления телекамер. Маура вовсе не хотела, чтобы ее увидели, ведь большинство местных репортеров тут же узнает темноволосую женщину, прозванную Королевой мертвых из-за стрижки каре и бледного лица. Однако пока никто не заметил прибытия доктора Айлз – ни одну из камер не повернули в ее сторону. Вместо этого человек десять репортеров сосредоточили свое внимание на белом фургоне – он только что остановился у входа в приемное отделение клиники, чтобы выгрузить свою знаменитую пассажирку. Задние дверцы фургона открылись, и под фотовспышками, которые грозовым шквалом взорвали вечер, прославленную пациентку осторожно перенесли из автомобиля на больничную каталку. Для прессы свет этой недавно открытой звезды отбросил в тень всех прочих, что уж там говорить о самом обыкновенном судмедэксперте. Сегодня Маура была всего-навсего частью преисполненной благоговения публики – этим теплым воскресным вечером ее влекло в клинику то же, что и репортеров, которые сбежались сюда, словно обезумевшие фанаты.

Все они жаждали взглянуть на Госпожу Икс.

Мауре уже не раз приходилось сталкиваться с телевизионщиками, однако теперешняя толпа горела таким нетерпением, что ей становилось не по себе. Она знала: стоит новой жертве попасть в их поле зрения, журналисты тут же переключатся на нее, а сегодня доктор Айлз чувствовала себя уязвленной и ранимой. Маура уже подумывала удрать от этой оравы – просто развернуться и снова сесть в машину. Но бежать было некуда: дома ее ждали лишь тишина и вино – возможно, даже несколько лишних бокалов, ведь Дэниел Брофи не сможет остаться с ней сегодня вечером. В последнее время такие вечера повторялись все чаще, но, полюбив Дэниела, Маура сама пошла на эту сделку. Сердце делает выбор, не заботясь о последствиях. Оно не может предвидеть будущих одиноких ночей.

Каталку с Госпожой Икс вкатили в больницу, и репортеры волчьей стаей ринулись следом. Маура осталась на стоянке одна. Некоторое время она смотрела сквозь стеклянные двери приемного отделения на яркие прожекторы и взволнованные лица, затем вошла в здание и последовала за свитой.

Каталку везли по приемному отделению мимо изумленных посетителей, мимо взволнованных служащих больницы – те уже держали наготове телефоны с фотокамерами, чтобы сделать снимки. Свернув в коридор, процессия продолжила свой путь в сторону отделения визуальной диагностики. Но за двери отделения пропустили только каталку. Один из чиновников больницы, в костюме и галстуке, выйдя вперед, преградил журналистам путь.

– Боюсь, здесь вам придется остановиться, – объявил он. – Понимаю, посмотреть на это хотят все, но помещение слишком мало. – Мужчина поднял руку, пытаясь усмирить возмущенный ропот. – Мое имя Фил Лорд. В больнице «Пилгрим» я руковожу отделом по связям с общественностью. Мы счастливы принять участие в этом исследовании, тем более что пациентки вроде Госпожи Икс встречаются не чаще, чем... э-э-э... раз в две тысячи лет. – Он улыбнулся в ответ на вполне предсказуемый смех. – Томография не займет много времени, так что, если хотите, можете подождать. Кто-нибудь из археологов сразу же выйдет к вам и объявит о результатах. – Фил обернулся к бледному мужчине лет сорока, который отступил в угол, словно в надежде остаться незамеченным. – Доктор Робинсон, может быть, вы хотите сказать несколько слов, прежде чем мы приступим?

По-видимому, общаться с публикой человек в очках хотел меньше всего, однако он смело выступил вперед, вздохнув и поправив очки, которые съехали на кончик его клювообразного носа. У этого археолога не было сходства с Индианой Джонсом. Из-за редящих волос и глаз, немного косивших от обильного чтения, он гораздо больше смахивал на бухгалтера, который совсем некстати оказался в фокусе телекамер.

– Я доктор Николас Робинсон, – представился он. – Куратор...

– Доктор, а можно погромче? – выкрикнул один из репортеров.

– О, простите. – Доктор Робинсон откашлялся. – Я куратор Криспинского музея, это здесь, в Бостоне. Мы безмерно благодарны больнице «Пилгрим» за предложение провести компьютерную томографию Госпожи Икс. Это потрясающая возможность заглянуть в прошлое, и, судя по числу присутствующих, ваше воодушевление ничуть не уступает нашему. Моя коллега Джозефина Пульчилло, египтолог, выйдет к вам после окончания томографии. Она объявит о результатах и ответит на все ваши вопросы.

– Когда публика сможет увидеть Госпожу Икс? – громко спросил один из журналистов.

– В течение недели, я полагаю, – ответил Робинсон. – Новая

экспозиция уже готова, и...

– О ней что-нибудь известно?

– Почему ее не выставляли ранее?

– Она может быть царских кровей?

– Не знаю, – признался Робинсон, нервно замигав под градом вопросов. – Для начала нужно подтвердить, что она женщина.

– Вы обнаружили ее полгода назад и до сих пор не установили пол?

– Для подобных анализов нужно время.

– Да одного взгляда будет достаточно! – воскликнул какой-то репортер, и вся толпа рассмеялась.

– Все не так просто, как вы думаете, – возразил Робинсон, и его очки снова поползли вниз. – Ей две тысячи лет, она чрезвычайно хрупкая и требует невероятной осторожности. Я ужасно нервничал сегодня уже из-за того, что ее перевозили в фургоне. В музее мы прежде всего заботимся о сохранности экспонатов. Я считаю себя хранителем Госпожи Икс, и защищать ее – мой долг. Именно поэтому мы не спешили соглашаться на предложенную больницей томографию. Мы действовали медленно, с осторожностью.

– Доктор Робинсон, что вы надеетесь узнать в ходе сегодняшней томографии?

Лицо археолога воодушевленно вспыхнуло.

– Что я надеюсь узнать? Да все! Возраст, состояние ее здоровья при жизни. Способ мумификации. А если повезет, мы даже сможем понять, от чего она умерла.

– Именно поэтому здесь присутствует судмедэксперт?

И тут вся толпа, словно многоглазое чудище, обернулась к Мауре, стоявшей в дальнем конце зала. Теперь телекамеры были нацелены на нее, и Мауре, как обычно, захотелось спрятаться куда-нибудь подальше.

– Доктор Айлз, – громко обратился к ней один из телевизионщиков, – вы пришли поставить диагноз?

– При чем здесь вообще судмедэкспертиза? – недоумевал другой.

Этот вопрос требовал немедленного ответа, иначе пресса могла все извратить.

– Судмедэкспертиза здесь ни при чем, – твердо возразила Маура. – И уж конечно, мое пребывание здесь не оплачивается.

– Тем не менее вы здесь, – заметил блондинистый красавчик с «Пятого канала».

Этот тип никогда не нравился Мауре.

– По приглашению Криспинского музея. Доктор Робинсон

предположил, что в этом случае может быть полезен взгляд судмедэксперта. А потому позвонил мне на прошлой неделе и спросил, не хочу ли я присутствовать на томографии. Поверьте, любой патолог немедленно согласился бы. Госпожа Икс вызывает у меня такой же восторг, как и у вас, и мне не терпится с ней познакомиться. – Маура многозначительно взглянула на куратора. – Не пора ли начинать, доктор Робинсон?

Последняя фраза была брошена, словно спасательный круг, и куратор тут же ухватился за нее.

– Да. Да, уже пора. Пойдемте со мной, доктор Айлз.

Протиснувшись сквозь толпу, Маура последовала за Робинсоном в отделение визуальной диагностики. Когда дверь закрылась, отрезав их от собрания репортеров, куратор шумно выдохнул.

– Боже, как я ненавижу публичные выступления! – признался он. – Спасибо, что прервали эти мучения.

– Я уже напрактиковалась в этом. И даже слишком.

Они пожали друг другу руки.

– Доктор Айлз, я счастлив наконец познакомиться с вами, – сказал Робинсон. – Господин Криспин тоже был бы рад знакомству, однако несколько месяцев назад он перенес операцию на бедре и ему все еще тяжело стоять. Он просил поклониться вам.

– Приглашая меня, вы не предупредили, что придется протискиваться сквозь эту ораву.

– Сквозь прессу? – Робинсон страдальчески взглянул на Мауру. – Это неизбежное зло.

– Неизбежное – для кого?

– Для музея и его существования. Как только вышла статья о Госпоже Икс, продажи билетов выросли до небес. А ведь мы ее пока что не выставляли.

Робинсон повел Мауру по лабиринту коридоров. Воскресным вечером в отделении визуальной диагностики царила тишина, а залы, мимо которых они проходили, были темными и пустыми.

– Похоже, будет тесновато, – пообещал Робинсон. – Там и для нескольких человек не очень много места.

– А кто еще присутствует?

– Моя коллега Джозефина Пульчилло, рентгенолог доктор Брайер и техник-лаборант. Ах да, еще будет съемочная группа.

– Вы кого-то наняли?

– Нет. Они с канала «Дискавери».

Маура изумленно усмехнулась:

– Что ж, теперь я и вправду потрясена.

– Впрочем, это означает, что нам придется следить за своими словами. – Остановившись перед дверью с надписью «КТ», Робинсон тихо добавил: – Думаю, съемку уже начали.

Они бесшумно проскользнули в просмотровую часть кабинета компьютерной томографии. Действительно, съемочная группа уже работала – доктор Брайер, глядя в камеру, объяснял, как будет происходить сканирование.

– Аббревиатура «КТ» означает «компьютерная томография». Наш аппарат под разными углами направляет пучки рентгеновских лучей на предмет исследования. Затем компьютер обрабатывает эту информацию, создавая трехмерное изображение внутренних органов. Вы увидите его вот на этом мониторе. Оно будет состоять из серии разрезов, как если бы мы в самом деле разделили тело на куски.

Пока шла съемка, Мауре удалось пробраться к просмотровому окну. И там, сквозь стекло, она впервые увидела Госпожу Икс.

Никто не станет спорить, что в изысканном мире музеев египетские мумии всегда были звездами первой величины. Именно вокруг этих витрин собираются толпы школьников; замороженные редкостным видом смерти, они прямо-таки прилипают к стеклу. В наше время только изредка можно увидеть выставленный напоказ человеческий труп – и то лишь в благообразном облике мумии. Публика любит мумии, и в этом смысле Маура не была исключением. Пусть она видела лишь сверток в форме человеческого тела, лежавший в открытом ящике, пусть усохшая плоть была скрыта под полосками старинной льняной ткани – все равно Маура, замерев, безотрывно смотрела на Госпожу Икс. Голову мумии закрывала картонная маска, изображавшая женское лицо с выразительными темными глазами.

Но тут внимание доктора Айлз привлекла еще одна женщина, находившаяся в КТ-кабинете. Молодая особа в хлопчатобумажных перчатках, склонившись над ящиком, убирала разложенный вокруг мумии пенопласт. Лицо женщины обрамляли черные кудряшки. Она выпрямилась, чтобы убрать волосы с глаз – таких же темных и прекрасных, как те, что были изображены на маске. Средиземноморские черты вполне могли бы украсить стену любого египетского храма, а вот одежда была сугубо современной – узкие голубые джинсы и футболка с надписью «Живая помощь»^[3].

– Красавица, правда? – пробормотал подошедший к Мауре доктор

Робинсон.

На мгновение доктор Айлз даже засомневалась, кого он имеет в виду – Госпожу Икс или эту молодую женщину.

– Похоже, она в отличном состоянии. Остается только надеяться, что тело сохранилось так же хорошо, как бинты, – добавил куратор.

– Как вы думаете, сколько ей лет? Есть какие-нибудь предположения?

– Мы отправили образец внешнего слоя ткани на радиоуглеродный анализ. Он съел почти все наши средства, но Джозефина настояла. И пришел ответ: второй век до нашей эры.

– То есть птолемеевский период, верно?

– Вы знаете египетские династии! – радостно улыбнувшись, воскликнул Робинсон.

– Я изучала антропологию в колледже, но, боюсь, уже ничего не помню, кроме египетских династий и племен яномама.

– И все равно я потрясен.

Глядя на обмотанное тканью тело, Маура не переставала изумляться: неужели лежащей в ящике мумии больше двух тысяч лет? Какой путь ей довелось проделать сквозь века, через океан – и все лишь для того, чтобы оказаться на КТ-столе в бостонской больнице под пристальными взглядами любопытных.

– Разве вы не станете вынимать ее из ящика на время сканирования? – удивилась Маура.

– Лучше прикоснуться к ней как можно реже. А ящик не мешает. Мы все равно увидим, что находится под льняной тканью.

– Так вы еще ни разу туда не заглядывали?

– Хотите спросить, не пытался ли я размотать ее? – Добрые глаза Робинсона округлились от ужаса. – Бог мой, нет. Вероятно, сто лет назад археологи поступали именно так, потому-то и уничтожили столько образцов. Под верхним покрытием наверняка есть несколько слоев смолы, и просто так снять ткань не получится. Возможно, придется просто прорубаться сквозь смолу. А это не только разрушительно, но и неуважительно. Я ни за что так не поступил бы. – Робинсон посмотрел в окно на темноволосую молодую женщину. – Да и Джозефина убила бы меня за это.

– Это ваша коллега?

– Да. Доктор Пульчилло.

– На вид ей лет шестнадцать.

– Молода, верно? Но умна как черт. Именно она организовала это сканирование. И даже когда больничные юристы пытались помешать,

Джозефина все равно добила своего.

– А с чего бы это юристам вздумалось возражать?

– Честно? С того, что пациентка не может дать больнице свое обоснованное согласие.

Маура изумленно усмехнулась:

– Они требовали обоснованное согласие от мумии?

– Юристы любят ставить все точки над «і». Даже если пациентка умерла больше двух тысяч лет назад.

Убрав все упаковочные материалы, доктор Пульчилло вошла в просмотровую часть кабинета и закрыла за собой дверь. Теперь освобожденная от всего лишнего мумия лежала в ящике и ждала первого обстрела рентгеновскими лучами.

– Доктор Робинсон! – позвал лаборант; его пальцы застыли над клавиатурой. – Перед тем как начать сканирование, нам нужно предоставить обязательную информацию о пациенте. Какую написать дату рождения?

Куратор нахмурился:

– О господи. Неужели нельзя обойтись без даты рождения?

– Не заполнив эти поля, я не смогу начать исследование. Я попытался ввести нулевой год, но компьютер его не принимает.

– Почему бы не взять вчерашнюю дату? Пусть ей будет всего день.

– Хорошо. Теперь программа хочет знать пол. Мужской, женский или иной?

Робинсон заморгал:

– Есть категория «иной»?

– До сих пор я ни разу не помечал это поле, – улыбнулся специалист.

– Что ж, давайте пометим его сегодня. На маске женское лицо, но уверенности у нас нет. Пол мы узнаем только после исследования.

– Ладно, – согласился доктор Брайер. – Можно начинать.

– Давайте начнем, – кивнул Робинсон.

Столпившись возле компьютерного монитора, все ждали первых изображений. В окно было видно, как изголовье стола вдвинулось в отверстие, похожее на дырку в бублике. Там голову Госпожи Икс начали с разных углов атаковать рентгеновские лучи. Компьютерную томографию нельзя назвать новой технологией в медицине, однако в археологии она используется сравнительно недавно. Собравшиеся в этом кабинете люди впервые в жизни присутствовали на КТ-исследовании мумии, и, когда все они сбились в кучку, Маура ясно ощутила – телекамера, нацеленная прямо на их лица, стремится запечатлеть первые реакции. Николас Робинсон,

оказавшийся прямо за Маурой, без устали качался с пятки на носок, излучая нервозность и заражая ею всех участников события. Слегка вытянув шею, чтобы лучше видеть монитор, доктор Айлз и сама почувствовала, как участился ее пульс. Первое возникшее на экране изображение вызвало лишь нетерпеливые вздохи.

– Это всего лишь очертания ящика, – пояснил доктор Брайер.

Взглянув на Робинсона, Маура заметила, что его сжатые губы превратились в тонкие полоски. А вдруг Госпожа Икс окажется всего-навсего пустышкой, узлом из тряпок? Доктор Пульчилло напряглась так же сильно – она стояла рядом со своим коллегой, ухватившись за спинку кресла, в котором сидел рентгенолог, и поверх его плеча смотрела на монитор в ожидании, что там появится хоть какой-нибудь человеческий признак, хоть что-нибудь, способное подтвердить: под бинтами действительно тело давно умершего человека.

Следующее изображение все переменяло. Как только на мониторе возник удивительно светлый диск, присутствующие, словно по команде, резко втянули воздух.

Кость.

– Это свод черепа, – сказал доктор Брайер. – Поздравляю, там действительно кто-то есть.

Робинсон и Пульчилло радостно похлопали друг друга по спинам.

– Этого момента мы и ждали! – воскликнул Робинсон.

– Теперь мы сможем завершить составление экспозиции, – улыбнулась Пульчилло.

– Мумия! – Запрокинув голову, Робинсон рассмеялся. – Все любят мумии!

На экране появились новые срезы, и всеобщее внимание снова переключилось на монитор – там отображались другие части черепа: вместо мозговой массы он был наполнен какими-то веревками, похожими на клубок червей.

– Это льняные полоски, – восхищенно пробормотала доктор Пульчилло, словно она в жизни не видела ничего прекраснее.

– Мозговая масса отсутствует, – заметил лаборант.

– Да, мозг обычно изымали.

– А это правда, что его выдергивали, засунув крючок через нос? – поинтересовался лаборант.

– Почти правда. Только мозг выдернуть не получится – он слишком мягкий. Возможно, использовался какой-то инструмент, при помощи которого его превращали в жидкую массу. А затем наклоняли труп так,

чтобы мозг вытек через нос.

– Жестоко, черт возьми, – отозвался лаборант. Он ловил каждое слово Пульчилло.

– Египтяне порой оставляли череп пустым, а иногда наполняли его льняными полосками и ладаном. Вот как этот.

– А что вообще такое ладан? Мне всегда было интересно.

– Ароматическая смола. Ее выделяют особые африканские деревья. В Древнем мире она очень ценилась.

– Так, значит, поэтому один из трех волхвов принес ее в Вифлеем?

Доктор Пульчилло кивнула:

– Тогда это был дорогой подарок.

– Отлично, – снова заговорил доктор Брайер. – Мы опустились ниже уровня глазниц. Здесь вы видите верхнюю челюсть, а вот... – Он осекся, хмуро разглядывая неожиданное уплотнение.

– Бог ты мой, – пробормотал Робинсон.

– Что-то металлическое, – проговорил доктор Брайер. – В ротовой полости.

– Возможно, золотой листок, – предположила Пульчилло. – В греко-римскую эпоху в рот покойникам иногда клали золотые листки, похожие на язык.

Робинсон повернулся к камере, фиксирующей каждое замечание:

– Видимо, во рту находится металл. Это соотносится с нашим предположением о времени смерти – греко-римская эпоха...

– А это что?! – воскликнул доктор Брайер.

Взгляд Мауры тут же снова упал на монитор. На нижней челюсти мумии появилась белая звездочка с трещинками-лучами. Это изображение потрясло доктора Айлз – у покойника двухтысячелетней давности такой звездочки быть не могло. Она придвинулась к экрану, разглядывая деталь, которая, если бы речь шла о свежем трупе на ее секционном столе, вряд ли нуждалась бы в объяснении.

– Я понимаю, это невозможно, – тихо проговорила Маура. – Но знаете, на что это похоже?

Рентгенолог кивнул:

– Напоминает пломбу.

Маура обернулась к Робинсону – судя по всему, он удивился не меньше других в этом кабинете.

– Вам когда-нибудь доводилось встречать это в описаниях египетских мумий? – спросила она. – Древние методы лечения зубов, сильно напоминающие современное пломбирование?

Он округлил глаза и покачал головой:

– Но это не означает, что египтяне не умели делать что-либо подобное. У них была самая развитая медицина во всем Древнем мире. – Робинсон обратил взгляд на свою коллегу. – Джозефина, что ты можешь нам сказать? Это ведь твоя область.

Ответ давался Пульчилло с трудом.

– Есть... существуют... медицинские папирусы времен Древнего царства, – сказала она. – В них описано, как вылечить шатающиеся зубы, как сделать зубной мост. Так что мы знаем: египтяне были искусными стоматологами. И сильно опережали время.

– Но разве они лечили зубы вот так? – спросила Маура, указав на монитор.

Встревоженный взгляд доктора Пульчилло снова метнулся к изображению.

– Если и лечили, то мне об этом неизвестно, – тихо ответила она.

На мониторе возникли новые картинки в серых тонах, на которых тело отображалось так, будто кто-то разрезал его на куски хлебным ножом. Пациентку со всех сторон атаковали рентгеновские лучи, она подвергалась высоким дозам радиации, однако ее не пугали ни рак, ни другие побочные эффекты. Рентгеновские лучи продолжали свое нападение на ее тело, но больная была послушна, как ни один другой пациент.

Предыдущие картинки настолько потрясли Робинсона, что теперь, ожидая нового сюрприза, он склонился к экрану и напрягся, словно натянутый лук. Появились первые изображения грудной клетки: полость была черной и пустой.

– Похоже, легкие удалили, – заметил рентгенолог. – В ее груди я вижу только частичку усохшего средостения.

– Это сердце, – проговорила Пульчилло уже более спокойным тоном. Наконец она увидела то, что ожидала. – Его всегда старались оставлять *in situ*^[4].

– Только сердце?

Пульчилло кивнула:

– Считалось, что ум находится именно там, а потому сердце никогда не отделяли от тела. В Книге мертвых содержится несколько разных заклинаний – их произносили, чтобы оно оставалось на месте.

– А другие органы? – поинтересовался лаборант. – Я слышал, их помещали в специальные сосуды.

– Так было до Двадцать второй династии. Примерно после тысячного года до нашей эры органы стали упаковывать в четыре свертка, и их снова

помещали в тело.

– Значит, мы должны это увидеть?

– В мумии птолемеевского периода – да.

– Похоже, я могу высказать предположение о ее возрасте в момент смерти, – объявил рентгенолог. – Зубы мудрости полностью прорезались, а черепные швы заросли. Но дегенеративных изменений позвоночника я не вижу.

– Молодая, – сказала Маура.

– Возможно, ей не было и тридцати пяти.

– В ее времена тридцать пять – уже средний возраст, – заметил Робинсон.

Исследование продолжалось – рентгеновские лучи по-прежнему проникали сквозь слои обмотки, сквозь оболочку из мертвой кожи и костей, только теперь они сканировали уже не грудную клетку, а брюшную полость. Изображения казались Мауре до жути непривычными, как если бы она присутствовала на вскрытии инопланетянина. В тех местах, где Маура привыкла видеть печень, селезенку, желудок и поджелудочную железу, отображались завитки льна, похожие на змей, – в этом пейзаже внутренностей не обнаруживалось ничего знакомого. Лишь просветления в позвоночном столбе говорили о том, что тело и в самом деле принадлежало человеку, только его сначала выпотрошили, превратив в пустую оболочку, а потом набили тканью, словно тряпичную куклу.

Возможно, анатомия мумии была чужда Мауре, а вот Робинсон и Пульчилло вступили на привычную территорию. Когда на экране появлялась новая картинка, они оба нагибались, указывая на знакомые детали.

– Вот, – заявил Робинсон. – Это и есть четыре льняных свертка с органами.

– Хорошо, а теперь мы видим таз, – пояснил Брайер. Он указал на две светлые дуги – верхние края гребней подвздошных костей.

Компьютер продолжал анализировать и отображать информацию, поставляемую бесчисленными рентгеновскими лучами, и с каждым срезом форма таза становилась все яснее. Каждая картинка приоткрывала все более привлекательные подробности, словно в цифровом стриптизе.

– Обратите внимание на форму тазового входа, – предложил Брайер.

– Это женщина, – заметила Маура.

Рентгенолог кивнул:

– Я бы сказал, результат вполне убедительный. – Он с улыбкой обернулся к археологам. – Теперь вы можете с полной уверенностью

называть ее Госпожой Икс. Именно Госпожой, а не Господином.

– Взгляните на лобковый симфиз, – проговорила Маура, по-прежнему глядя на монитор. – Здесь нет расхождения.

– Согласен, – кивнул Брайер.

– И что это значит? – поинтересовался Робинсон.

– Во время родов младенец, пробираясь сквозь тазовый вход, может раздвинуть лобковые кости на месте их соединения – симфиза. Похоже, у этой женщины не было детей.

– Вашу мумию никто не называл мамой, – рассмеялся лаборант.

Сканирование таза закончилось, и теперь на экране показались срезы верхней части обеих бедренных костей, обрамленные усохшей плотью.

– Ник, нужно позвонить Саймону, – напомнила Пульчилло. – Он наверняка сидит возле телефона.

– О боже, я совсем забыл! – Робинсон вытащил из кармана мобильный и набрал номер начальника. – Саймон, угадай, на что я сейчас смотрю? Да, она великолепна. К тому же мы обнаружили несколько удивительных вещей, так что пресс-конференция должна быть очень даже... – Он запнулся, уставившись на монитор.

Возникшая картинка была настолько неожиданной, что все замерли. Если бы на КТ-столе лежал живой пациент, Маура без труда распознала бы небольшой металлический предмет, раздробивший изящное тело малоберцовой кости и застрявший в икре. Но этому кусочку металла было не место в ноге Госпожи Икс.

Пуля не имела никакого отношения к ее эпохе.

– Это то, что я думаю? – пробормотал лаборант.

Робинсон покачал головой:

– Должно быть, посмертное повреждение. Разве может быть иначе?

– Посмертное? Двухтысячелетней давности?

– Я... я перезвоню, Саймон. – Робинсон нажал кнопку разъединения на своем мобильном. И, обернувшись к оператору, приказал: – Выключите камеру. Пожалуйста, немедленно прекратите съемку. – Он глубоко втянул воздух. – Хорошо. Ладно, давайте... давайте подойдем к этому логически. – Археолог выпрямился, вновь обретя уверенность, когда ему на ум пришло вполне естественное объяснение: – Любители сувениров зачастую небрежно обращались с мумиями и портили их. По всей видимости, в эту мумию загнали пулю. А позднее какой-нибудь музейный хранитель, пытаясь устранить повреждения, обернул ее заново. И поэтому на бинтах не видно входного отверстия.

– Это произошло иначе, – возразила Маура.

Робинсон заморгал:

– Что вы имеете в виду? Мое объяснение наверняка соответствует действительности.

– Повреждение ноги – не посмертное. Это случилось, когда женщина еще была жива.

– Не может быть!

– Боюсь, доктор Айлз права, – заметил рентгенолог. Он перевел взгляд на Мауру. – Вы имеете в виду костную мозоль на месте перелома?

– Какая еще костная мозоль? – заволновался археолог. – Что это означает?

– Это означает, что сломанная кость уже начала срастаться, когда женщина умерла. После ранения она прожила еще по крайней мере несколько недель.

– Откуда взялась эта мумия? – обернувшись к куратору, спросила Маура.

Очки Робинсона снова сползли на кончик носа, и он, словно загипнотизированный, уже поверх них продолжал разглядывать светящийся участок ноги на мониторе.

На вопрос Мауры едва слышно, почти шепотом ответила доктор Пульчилло:

– Она лежала в подвале музея. Ник... доктор Робинсон обнаружил ее в январе.

– А как она попала в музей?

Пульчилло покачала головой:

– Мы не знаем.

– Наверняка есть какие-то записи. В вашей документации должны быть упоминания о том, откуда она взялась.

– О ней никаких сведений нет, – наконец выговорил Робинсон. – Криспинскому музею сто тридцать лет, и многие документы утрачены. Мы понятия не имеем, сколько она пролежала в подвале.

– Как же случилось, что вы ее обнаружили?

В помещении работал кондиционер, но на бледном лице Робинсона все равно выступил пот.

– Три года назад я пришел в музей и принялся каталогизировать собрание. Вот и наткнулся на нее. Она лежала в ящике без всякой маркировки.

– И это вас не удивило? Что такая редкость – египетская мумия – лежит в немаркированном ящике?

– Но мумии не такие уж и редкости. В девятнадцатом веке они

продавались по пять долларов за штуку, а потому американские туристы вывозили их из Египта сотнями. Так мумии оказывались на чердаках и в антикварных лавках. Цирк уродов в Ниагара-Фолс объявлял даже, будто в их коллекции есть царь Рамзес Первый. А потому неудивительно, что мумия обнаружилась и в нашем музее.

– Доктор Айлз! – позвал Брайер. – Мы получили проекционную рентгенограмму. Возможно, вы захотите взглянуть.

Маура обернулась к монитору. На экране появилось изображение, похожее на обычный рентгеновский снимок – из тех, что она развешивала на своем негатоскопе в морге. Разобраться в этой картинке она могла и без помощи рентгенолога.

– Сомневаться тут особенно не в чем, – заметил доктор Брайер.

«Да уж, – подумала Маура. – Никаких сомнений быть не может. У нее в ноге пуля».

Она вынула свой мобильный.

– Доктор Айлз! – окликнул Робинсон. – Кому вы звоните?

– Хочу организовать доставку в морг, – ответила она. – Теперь Госпожой Икс займется судмедэкспертиза.

3

– Мне просто так кажется, или все чудные дела действительно достаются нам с тобой? – спросил Барри Фрост.

Случай с Госпожой Икс и вправду чудной, подумала Джейн Риццоли, ведя машину мимо фургонов новостных телестанций и сворачивая на автостоянку бюро судмедэкспертизы. Гиены-репортеры начали тявкать уже сейчас, в восемь утра, с жадностью выискивая все подробности невероятно мрачного дела (прошлым вечером Джейн ответила лишь скептическим смешком, когда доктор Айлз сообщила о нем по телефону). Увидев телевизионные фургоны, Риццоли вдруг поняла: похоже, пора отнестись к делу серьезнее, пора призадуматься – а вдруг это все-таки не тщательно продуманный розыгрыш одинокой и вовсе не склонной шутить Мауры?

Джейн остановила машину на одном из парковочных мест и, разглядывая телевизионные фургоны, задумалась: сколько же новых камер понавезут сюда к тому моменту, когда они с Фростом выйдут из здания?

– От этой хотя бы вони не будет, – заметила Джейн.

– Но, знаешь, от мумии можно подцепить какую-нибудь гадость.

Джейн обернулась к напарнику – его бледное мальчишеское лицо

приобрело по-настоящему взволнованное выражение.

– Какую еще гадость? – удивилась она.

– С тех пор как Элис уехала, я стал чаще смотреть телевизор. Вчера вечером по каналу «Дискавери» была передача о мумиях, на которых сохраняются споры плесени.

– У-у-у! Споры! Страшно-то как!

– Это не шутка, – не унимался Барри. – Из-за них можно заболеть.

– Господи! Надеюсь, Элис скоро вернется. С каналом «Дискавери» ты явно переборщил.

Воздух был омерзительно влажным, и, когда они выбрались из машины, непослушные темные волосы Джейн завились мелким бесом. За четыре года службы детективом в убойном отделе полиции она неоднократно проходила этим путем к бюро судмедэкспертизы: в январе – поскользываясь на льду, в дождливые мартовские дни – бегом, а в августе – с трудом волоча ноги по раскаленному, словно угли, асфальту. Эту дорогу в несколько десятков шагов и само мрачное здание бюро она знала как свои пять пальцев. Раньше Джейн полагала, будто со временем она станет с легкостью преодолевать это небольшое расстояние и перестанет принимать близко к сердцу те ужасы, что каждый раз предстояло увидеть на столе из нержавеющей стали. Однако с момента рождения дочери Реджины, появившейся на свет год назад, смерть, как никогда, стала страшить Джейн. Материнство храбрости не прибавляет – напротив, ты становишься уязвимой и боишься, что вечность отнимет у тебя самое дорогое.

Впрочем, объект сегодняшнего исследования, ожидавший ее в морге, вызывал скорее любопытство, чем ужас. Оказавшись в вестибюле патологоанатомической лаборатории, Джейн тут же направилась к окну, чтобы поскорее увидеть лежавший на столе труп.

«Госпожа Икс» – так окрестила мумию газета «Бостон глоуб», и это прозвище вызывало в воображении образ страстной красавицы, этаким темноглазой Клеопатры. Но Джейн увидела лишь обернутое тряпьем усохшее туловище.

– Не человек, а тамале^[5] какое-то, – заметила Джейн.

– И кто же эта девица? – глядя в окно, спросил Фрост.

В зале Джейн заметила двух незнакомых людей. Мужчину – высокого и неуклюжего, с профессорскими очками на носу, и молодую женщину – изящную брюнетку в голубых джинсах, выглядывавших из-под медицинского халата.

– Похоже, это музейные археологи. Они собирались прийти вдвоем.

– Это она-то археолог?! Обалдеть!

Джейн с раздражением толкнула напарника локтем:

– Стоило Элис уехать из города на пару недель, и ты уже забыл, что женат.

– Просто я и представить себе не мог, что археологи бывают такими красотками.

Риццоли и Фрост, надев бахилы и халаты, вошли в секционную.

– Привет, док! – поздоровалась Джейн. – Она что, и вправду наша клиентка?

Маура отвернулась от негатоскопа и, как обычно, наградила их своим предельно серьезным взглядом. Другие патологи, стоя у секционного стола, могут подшучивать или отпускать ироничные замечания, а доктор Айлз в присутствии мертвых и улыбалась-то крайне редко.

– Сейчас узнаем. Это куратор, доктор Николас Робинсон. А это его коллега, доктор Джозефина Пульчилло, – представила Маура людей, которых Джейн видела в окно.

– Вы оба из Кристинского музея? – осведомилась Риццоли.

– Да, и вовсе не рады тому, что я собираюсь делать, – ответила за гостей Маура.

– Вы испортите ее, – запротестовал Робинсон. – Резать ее необязательно – наверняка есть другой способ получения необходимой информации.

– Именно поэтому, доктор Робинсон, я и попросила вас прийти, – заметила Маура. – Вы поможете свести повреждения к минимуму. Мне меньше всего хотелось бы разрушить объект старины.

– А я так поняла, что вчерашняя компьютерная томография ясно показала пулю, – удивилась Джейн.

– Эти рентгеновские снимки мы сделали сегодня утром, – указав на негатоскоп, сообщила Маура. – Что скажешь?

Подойдя поближе к экрану, Джейн принялась разглядывать вывешенные на нем пленки. Сквозь правую икру просвечивало нечто, явно напоминавшее пулю.

– Да, теперь я понимаю, отчего ты так психанула вчера вечером.

– Я ничуть не психовала.

– Во всяком случае, я еще ни разу не слышала, чтобы ты говорила таким голосом, – рассмеялась Джейн.

– Признаюсь, я была потрясена, увидев это. И не только я – все мы. – Маура указала на снимок правой голени. – Обрати внимание на перелом малоберцовой кости – вероятно, от пули.

– Ты говоришь, это случилось, когда она еще была жива?

– Посмотри – костная мозоль на ранней стадии образования. Когда она умерла, кость уже начала заживать.

– Но ведь бинтам две тысячи лет, – запротестовал доктор Робинсон. – Это было подтверждено.

Джейн пристально вглядывалась в рентгеновские снимки, пытаясь логично объяснить то, что видела:

– Возможно, это вовсе не пуля, а какая-нибудь древняя железяка. Наконечник копья или что-то в этом роде.

– Это не наконечник, Джейн, – возразила Маура. – Это пуля.

– Тогда достань ее. Докажи это.

– А если достану – что тогда?

– Тогда у нас мозги и вскипят, черт побери! Или нет? Ну, то есть разве это можно как-то объяснить?

– Вчера вечером я позвонил Элис и все ей рассказал, – отозвался Фрост. – Знаешь, какой была ее реакция? «Путешествие во времени!» Это первое, что пришло ей в голову.

– И с каких пор Элис начала тебе подыгрывать? – засмеялась Джейн.

– Понимаешь, теоретически попасть в прошлое возможно, – не унимался Барри. – И притащить пистолет в Древний Египет тоже возможно.

– А может, мы лучше займемся реальными обстоятельствами? – нетерпеливо вмешалась Маура.

Джейн, нахмурившись, смотрела на светящийся кусочек металла – она и раньше видела похожие предметы на бесчисленных рентгеновских снимках безжизненных конечностей и разможенных черепов.

– Никакие реальные обстоятельства придумать не получается, – призналась она. – Почему бы тебе просто не разрезать ее и не достать эту железяку? Возможно, археологи правы. Ты делаешь поспешные выводы, док.

– Как куратор я обязан защищать мумию, – вмешался Робинсон, – и не позволю бездумно ее распарывать. Нельзя ли, по крайней мере, ограничиться повреждениями на одном необходимом участке?

– Это разумный подход, – кивнула Маура, приблизившись к столу. – Давайте перевернем ее. Если у раны есть входное отверстие, оно должно находиться на правой икре.

– Лучше нам работать вместе, – заметил Робинсон. Он подошел к изголовью стола, а Пульчилло шагнула к изножью. – Нужно поддерживать все тело, чтобы ничего не деформировать. Так что, примемся за дело вчетвером?

Подсунув обтянутые перчатками руки под плечи мумии, Маура попросила:

– Детектив Фрост, не могли бы вы придержать бедра?

Барри помедлил, разглядывая грязную льняную обмотку:

– А разве не надо надевать маски и все такое?

– Мы всего-навсего переворачиваем ее, – отозвалась Маура.

– Я слышал, они могут быть переносчиками болезней. Вдохнешь споры и заработаешь пневмонию.

– Ой, ради бога! – осадила его Джейн. Натянув перчатки, она шагнула к столу. Затем просунула руки под бедра мумии и объявила: – Я готова.

– Хорошо, поднимаем, – скомандовал Робинсон. – А теперь переворачиваем. Вот так...

– Ух ты, она почти ничего не весит, – поразилась Джейн.

– Живое человеческое тело в основном состоит из воды. Но если удалить органы и высушить оболочку, от бывшего веса почти ничего не останется. Возможно, в ней лишь килограммов двадцать с обмоткой и всем остальным.

– Типа вяленой говядины, да?

– Вот именно. Вяленая человечина. Теперь давайте опустим ее. Осторожно.

– Знаете, а я ведь не шутил насчет спор, – сказал Фрост. – Я смотрел о них передачу.

– Вы имеете в виду проклятие Тутанхамона? – спросила Маура.

– Да, – подтвердил Фрост. – Именно о нем я и говорю! Обо всех тех людях, которые умерли, побывав в гробнице. Они вдохнули какие-то споры и заболели.

– Аспергилл, – пояснил Робинсон. – Возможно, потревожив гробницу, члены команды Говарда Картера вдохнули споры, которые собрались там за долгие века. И некоторые из них погибли от аспергиллезной пневмонии.

– Значит, Фрост не гонит пургу? – удивилась Джейн. – Что, мумия и вправду наложила на них проклятие?

Во взгляде Робинсона мелькнуло раздражение.

– Никакого проклятия, конечно же, не было. Да, несколько человек умерли, но после того, что Картер и его люди сделали с Тутанхамоном, на них действительно стоило бы наложить проклятие.

– А что они с ним сделали? – заинтересовалась Джейн.

– Обошлись с ним очень жестоко. Вскрыли его, поломали кости и, по сути, разорвали на части в поисках драгоценностей и амулетов. Порезали на куски, чтобы вынуть его из саркофага, оторвали руки и ноги. И голову

отрубили. К науке это не имело никакого отношения. Это просто надругательство. – Куратор взглянул на Госпожу Икс, и в его взгляде Джейн прочитала восхищение и даже любовь. – Нельзя допустить, чтобы с ней произошло нечто подобное.

– Я вовсе не хочу портить мумию, – возразила Маура. – Поэтому давайте развернем ее так, чтобы можно было узнать, в чем дело.

– Вероятно, вам не удастся просто так развернуть ее, – заметил Робинсон. – Если внутренние бинты по традиции пропитаны смолой, они слиплись намертво, как будто их склеили.

Бросив еще один взгляд на рентгеновский снимок, Маура потянулась за скальпелем и пинцетом. Джейн неоднократно наблюдала, как Маура надрезает другие тела, но еще никогда нерешительность доктора Айлз не длилась так долго, еще ни разу ее рука не замирала над останками так, словно она боится пустить в ход лезвие. То, что вот-вот произойдет, навсегда повредит Госпожу Икс, а потому доктора Робинсон и Пульчилло глядели на Мауру с откровенным осуждением.

И вот она сделала первый надрез. Но в нем не чувствовалось той уверенности, с какой обычно работала доктор Айлз. Она осторожно приподняла льняную обмотку пинцетом, чтобы скальпель рассек ткань – слой за слоем, бинт за бинтом.

– Отходит довольно-таки легко, – заметила она.

– Это необычно, – нахмурилась доктор Пульчилло. – Как правило, бинты смачивали горячей смолой. В тридцатые годы девятнадцатого века, когда мумии разворачивали, бинты порой отрывали с большим трудом.

– А вообще, зачем эта смола? – поинтересовался Фрост.

– Чтобы склеить обмотку. От смолы лен отвердевает и защищает мумию – ну, почти как ящик из папье-маше.

– Я уже прошла последний слой, – сообщила Маура. – Ни один из них не пропитан смолой.

Вытянув шею, Джейн взглянула на то, что находилось под обмоткой:

– Это у нее кожа такая? Прямо как на старых ботинках.

– Ботинки, детектив Риццоли, как раз и делают из сушеной кожи, – сказал Робинсон. – В некотором смысле.

Маура взяла в руки ножницы и бережно отрезала бинты, чуть больше обнажив кожу, которая напоминала намотанный на кости коричневый пергамент. Снова бросив взгляд на снимок, доктор Айлз осмотрела икру через увеличительное стекло.

– Входное отверстие мне найти не удалось.

– Значит, рана не посмертная, – поняла Джейн.

– Все так, как показано на снимке. Вероятно, инородное тело попало туда, когда женщина была жива. И она прожила еще некоторое время после этого, так как сломанная кость начала заживать. А рана зарубцевалась.

– И сколько для этого нужно?

– Несколько недель. Возможно, месяц.

– Но в течение этого времени наверняка кто-то заботился о ней, верно?

Она должна была где-то жить, чем-то питаться.

Маура кивнула:

– Из-за этого определить причину смерти еще сложнее.

– Причину смерти? – удивился Робинсон. – Что вы имеете в виду?

– Проще говоря, – пояснила Джейн, – мы думаем, что она была убита.

– Но для начала нужно разрешить первоочередной вопрос. – Маура потянулась за скальпелем.

Мумифицированные ткани до того огрубели, что по фактуре напоминали выделанную кожу, и лезвие с трудом прорезало усохшую плоть.

Взглянув на людей, стоявших по другую сторону стола, Джейн заметила, что доктор Пульчилло сжала губы, словно в попытке сдержать протест. Однако, несмотря на возражения, которые вызывала в ней эта процедура, женщина не спускала глаз с мумии. Когда Маура взяла в руки пинцет и запустила его наконечники в надрез, всеобщее внимание было приковано к этому небольшому участку оголенной ноги – теперь над телом склонились все, включая Фроста, напуганного спорами плесени. Доктор Айлз всего несколько секунд покопалась в ссохшейся плоти, и вот наконечники пинцета выхватили желанную добычу. Когда Маура опустила ее в стальной лоток, вещь металлически звякнула.

Доктор Пульчилло резко втянула воздух. Предмет не имел ничего общего ни с наконечником, ни с обломком старинного ножа.

Наконец Маура констатировала очевидное:

– Думаю, теперь можно с уверенностью сказать, что Госпоже Икс вовсе не две тысячи лет.

– Ничего не понимаю, – пробормотала доктор Пульчилло. – Мы отправляли лен на анализ. Радиоуглеродное датирование подтвердило этот возраст.

– Однако это пуля, – напомнила Джейн, указывая в лоток. – Двадцать

второй калибр. Ваш анализ наврал.

– Но ведь лаборатория – очень уважаемая! Они были уверены в своей оценке.

– Возможно, вы обе правы, – тихо вмешался Робинсон.

– Да ну? – Джейн обернулась к куратору. – Как же так, интересно?

Набрав воздуха в легкие, он отошел от стола, словно для дальнейших размышлений ему нужно было свободное пространство.

– Время от времени, как я замечал, их выставляют на продажу. Не знаю, много ли настоящих, но на рынке антиквариата наверняка существуют запасы подлинных образцов.

– Образцов чего?

– Обмоток мумий. Их найти проще, чем сами тела. Я видел их на интернет-аукционе.

Джейн издала потрясенный смешок:

– Можно просто выйти в Интернет и купить обмотку мумии?

– Когда-то существовал мощный международный рынок мумий. Тела измельчали и использовали в качестве лекарства. Вывозили в Англию под видом удобрения. Богатые туристы, привозя их домой, устраивали вечеринки с разворачиванием. Приглашали друзей посмотреть на то, как от мумий отдирают лен. А поскольку внутри обмотки нередко скрывались амулеты и драгоценности, это напоминало поиски сокровищ – хозяева, обнаруживая безделушки, дарили их гостям.

– Они так развлекались? – поразился Фрост. – Разматывали трупы?

– Это делалось в самых богатых домах Викторианской эпохи, – продолжал Робинсон. – Теперь вы понимаете, как неуважительно они относились к египетским мертвецам. После того как тело было окончательно развернуто, его выбрасывали или сжигали. А обмотку часто оставляли на память в качестве сувенира. И потому ее до сих пор еще можно приобрести.

– Значит, обмотка, в отличие от тела, вполне может быть древней, – догадался Фрост.

– Только так можно объяснить наше радиоуглеродное датирование. А вот что касается самой Госпожи Икс... – Робинсон недоуменно покачал головой.

– Но мы пока не доказали, что это убийство, – проговорил Фрост. – Невозможно выдвинуть обвинение, основываясь лишь на огнестрельном ранении, которое уже начало заживать.

– Я как-то сомневаюсь, что она сама захотела стать мумией, – заметила Джейн.

– В действительности это вполне вероятно, – возразил Робинсон.

– Сама захотела, чтобы у нее вырезали мозг и внутренние органы? – удивилась Джейн. – Нет уж, извините.

– Известны случаи, когда люди и вправду завещали свои тела именно для этих целей.

– Ой, я и об этом смотрел передачу, – подтвердил Фрост. – Тоже по «Дискавери». Один археолог там какого-то типа мумифицировал.

Джейн бросила взгляд на забинтованный труп. И представила, как ее саму слой за слоем упаковывают в удушающие тканевые полоски. Засовывают в льняную смирительную рубашку на тысячу-другую лет, а потом какой-нибудь любопытный археолог, однажды решив снять с нее ткань, обнажит усохшие останки. Не прах, а затвердевшую кожу. Джейн нервно сглотнула:

– И с чего вдруг человек станет принимать такое решение?

– Это ведь одна из форм бессмертия, разве не так? – ответил Робинсон. – Некая альтернатива гниению. Останки сохраняются. И тем, кто вас любит, не придется отдавать ваше тело в жертву разложению.

«Тем, кто вас любит». Джейн подняла взгляд:

– Так вы считаете, это может быть проявлением любви?

– В каком-то смысле да, если вы хотите держать при себе тело близкого человека. Спасти его от червей. От гниения.

«А ведь именно это и ожидает любую плоть», – пронеслось в голове у Джейн, и ей показалось, что температура в комнате резко снизилась.

– Может быть, любовь здесь ни при чем. Возможно, это какой-нибудь собственник потрудился.

Ее предположение явно встревожило Робинсона – Джейн почувствовала это, когда их взгляды встретились.

– О таком варианте я не подумал, – тихо признался он.

– Док, – обратилась Джейн к Мауре, – давай продолжим вскрытие. Чтобы начать работу, нам нужна более подробная информация.

Подойдя к негатоскопу, Маура убрала рентгеновские снимки голени и вывесила пленки с КТ-сканами.

– Давайте снова перевернем ее на спину.

С помощью скальпеля Маура рассекла льняные бинты, скрывавшие туловище, и на этот раз уже не осторожничала. Теперь стало ясно: тело, которое она будет резать, вовсе не старинный труп; нужно исследовать причину смерти, а в этом помогут лишь плоть и кости, но никак не льняная обмотка. Распоротая ткань обнажила усохшую коричневую кожу туловища, на которой выделялись дугообразные контуры ребер – этакий костяной

свод, обтянутый пергаментом. Подойдя к изголовью стола, Маура сняла расписную картонную маску и начала ножницами разрезать скрывавшие лицо бинты.

Джейн бросила взгляд на КТ-пленки, вывешенные на негатоскопе, а затем, сдвинув брови, посмотрела на оголенное туловище:

– Органы удалили во время мумификации, так ведь?

Робинсон кивнул:

– Иссечение внутренностей замедляет процесс гниения. Это одна из причин, почему тела не разлагаются.

– Но ведь у нее на животе всего лишь одна маленькая ранка. – Джейн указала на небольшой надрез с левой стороны, зашитый неуклюжими стежками. – Как из такого отверстия можно все это вынуть?

– Именно так египтяне удаляли внутренности. Через небольшой надрез на левом боку. Тот, кто бальзамировал это тело, был знаком с древними методами мумификации. И явно следовал им.

– А что это за древние методы? Как именно делается мумия? – поинтересовалась Джейн.

Доктор Робинсон перевел взгляд на свою коллегу:

– Джозефина знает об этом больше меня. Может быть, она объяснит.

– Доктор Пульчилло? – обратилась к ней Джейн.

Похоже, молодая женщина все еще не отошла от потрясения – обнаруженная пуля не давала ей покоя. Она откашлялась и выпрямилась.

– Большая часть дошедших до нас сведений оставлены Геродотом, – начала она. – Думаю, его можно назвать древнегреческим писателем-путешественником. Две с половиной тысячи лет назад он странствовал по миру и записывал все, о чем узнавал. Проблема в том, что он, как известно, искажал детали. А может быть, его облапошивали местные проводники. – Доктор Пульчилло вымученно улыбнулась. – Но из-за этого мы начинаем относиться к нему как к обычному человеку, правда? Он напоминает нынешних туристов, приезжающих в Египет. Возможно, его тоже осаждали торговцы безделушками. Дурачили коварные проводники. Очередной простак за границей^[6].

– И что он написал об изготовлении мумий?

– Ему сказали, что все начинается с ритуального омовения трупа раствором натрона.

– Натрона?

– В сущности, это смесь солей. Ее можно сделать самостоятельно, соединив старую добрую поваренную соль и пищевую соду.

– Пищевую соду? – Джейн нервно усмехнулась. – Теперь я стану по-

другому смотреть на эти оранжевые коробочки.

– Омытое тело выкладывали на деревянные бруски, – продолжала Пульчилло. – Для того чтобы сделать небольшой разрез, вроде того, что вы видите здесь, использовался острый как бритва нож из эфиопского камня – возможно, это был обсидиан. Затем неким крюкообразным инструментом через отверстие вытаскивали внутренние органы. Освобожденную полость ополаскивали и заполняли сухим натроном. Им также посыпали все тело, чтобы за сорок дней вся влага испарилась. Примерно так сушат рыбу. – Археолог умолкла, наблюдая, как ножницы Мауры рассекают последнюю покрывавшую лицо обмотку.

– А потом? – не унималась Джейн.

Пульчилло с трудом сглотнула:

– К тому времени тело становилось легче примерно на семьдесят пять процентов. Полость заполняли льняной тканью и смолой. Иногда туда возвращали и мумифицированные внутренние органы. А... – Доктор Пульчилло осеклась и, округлив глаза, уставилась на голову мумии, с которой упал последний бинт.

Они впервые увидели лицо Госпожи Икс.

Длинные черные волосы по-прежнему держались на голове. Кожа лица туго обтягивала выступающие скулы. Но лишь при взгляде на губы мумии Джейн отшатнулась. Они были зашиты такими грубыми стежками, словно над ними трудился портной Франкенштейнова чудовища.

Пульчилло покачала головой:

– Тут... тут все не так!

– Обычно рот не зашивали? – осведомилась Маура.

– Нет! А как же тогда питаться в загробной жизни? Как же говорить? Ее словно осудили на вечный голод. И вечное молчание.

«Вечное молчание». Бросив взгляд на уродливые стежки, Джейн задумалась: «Может, ты сказала что-то, разозлившее убийцу? Огрызнулась на него? Оскорбила? Или свидетельствовала против него? И теперь твое наказание – навеки сшитые губы».

Мумия была уже полностью обнажена – ее тело освободили от всех бинтов, и сейчас виднелась лишь усохшая кожа, облегающая кости. Маура надрезала туловище.

Джейн уже неоднократно наблюдала за тем, как делается Y-образный надрез, но всякий раз ее подташнивало от вони, возникавшей, когда лезвие скальпеля впервые рассекало грудину. Даже самые свежие трупы и те испускали едва ощутимый сернистый дух разложения – подобный исходит изо рта у некоторых живых. Правда, объекты исследования уже не дышали.

Но Джейн называла этот запах именно так – «мертвое дыхание», и даже самый слабый его отголосок мог вызвать у нее приступ тошноты.

Однако от Госпожи Икс не исходило отвратительных запахов, даже когда скальпель прорезал ее грудную клетку, даже когда Маура методично рассекла ребра и, подняв грудную стенку так, словно это был древний рыцарский нагрудник, обнажила находившуюся под ней полость. Оттуда повеяло ароматом, который вовсе не показался неприятным, – он напоминал ладан. Вместо того чтобы попятиться, Джейн даже наклонилась пониже – как следует вдохнуть его. Сандаловое дерево, поняла она. Камфора. И что-то еще, напоминающее лакрицу и гвоздику.

– Что ж, этого я совсем не ожидала, – заметила Маура.

Она достала из полости небольшой кусочек усохшей пряности.

– Похоже на звездочку аниса, – произнесла Джейн.

– Это необычно, я полагаю.

– По традиции полагается мирра, – подтвердила Пульчилло. – Расплавленная смола. Ее использовали, чтобы замаскировать запах и отвердить труп.

– Раздобыть мирру в больших количествах не так-то просто, – вмешался Робинсон. – Возможно, именно поэтому ее заменили специями.

– Заменили ее чем-то или нет, но труп, похоже, прекрасно сохранился. – Вытащив из брюшной полости льняные свертки, Маура положила их в лоток, чтобы изучить позднее. Затем заглянула в опустошенное туловище и объявила: – Внутри она сухая, как выделанная кожа. И никакого запаха разложения.

– Так как же вы определите причину смерти? – забеспокоился Фрост. – При отсутствии органов?

– Не определю. Сейчас не определю.

Он взглянул на КТ-скан, висевший на негатоскопе:

– А что с головой? Мозга ведь тоже нет.

– Череп не поврежден. Я не вижу никаких переломов.

Джейн разглядывала рот покойницы, грубые стежки, сковавшие губы, и даже поморщилась, представив, как игла пронзает нежную плоть. «Надеюсь, это сделали, когда она умерла, а не до того, – подумала Риццоли. – Хочется верить, что она не чувствовала этого». Вздвогнув, Джейн обернулась, чтобы взглянуть на КТ-скан.

– А что это за светлая штукавина? – поинтересовалась она. – Похоже, она лежит во рту.

– У нее во рту два металлических уплотнения, – пояснила Маура. – Одно из них похоже на пломбу. Но в ротовой полости есть еще какой-то

предмет, покрупнее. Возможно, именно поэтому ей зашили губы – чтобы этот объект оставался на месте. – Она взяла в руки ножницы.

Шовный материал оказался не простой ниткой, а полосками окаменевшей бычьей кожи. Даже после того, как Маура прорезала их, губы не разлипались, словно навеки примерзли друг к другу; рот мумии казался плотно сжатой щелью, которую необходимо было вскрывать.

Маура просунула между губами кончик гемостатического зажима – он металлически заскрежетал, упершись в зубы, – и осторожно увеличила отверстие. Но тут челюстной сустав с отвратительным щелчком отвалился, и Джейн вздрогнула. Нижняя челюсть отвисла, обнажив ровные красивые зубы, – добиться такого правильного прикуса мечтал бы любой современный стоматолог.

– Давайте посмотрим, что это за вещица у нее во рту, – проговорила Маура.

Продвинув гемостатический зажим чуть дальше, она вытащила продолговатую золотую монету, которая тихо звякнула, когда Маура опустила ее в лоток из нержавеющей стали. Все с изумлением воззрились на вещицу.

Внезапно Джейн расхохоталась.

– У некоторых очень нездоровое чувство юмора, – заметила она.

На золоте было по-английски отчеканено:

Я посетила пирамиды

Каир, Египет.

Маура перевернула монетку. На обратной стороне обнаружились три выгравированных символа – сова, человеческая кисть и согнутая в локте рука.

– Это картуш, – пояснил Робинсон. – Личная печать. Такие сувениры продают по всему Египту. Нужно просто назвать ювелиру свое имя, а он переведет его в иероглифы и тут же выгравировает их для вас.

– А что обозначают эти символы? – спросил Фрост. – Я вижу сову. Знак мудрости или что-то в этом роде?

– Нет, эти иероглифы не идеограммы, – возразил Робинсон.

– А что такое идеограмма?

– Символ, обозначающий то, что он изображает. Например, бегущий человек обозначает слово «бег». А две сражающиеся фигурки представляют собой слово «война».

– А эти обозначают что-то другое?

– Да, эти символы – фонограммы. Они представляют собой звуки, так же как наш алфавит.

– И что же здесь написано?

– В этой области я не специалист. Это может прочитать Джозефина. – Повернувшись к своей коллеге, археолог внезапно нахмурился. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Молодая женщина выглядела бледной – как трупы, которые обычно оказывались на этом анатомическом столе. Она смотрела на картуш с таким видом, будто символы заключали в себе нечто невообразимо жуткое.

– Доктор Пульчилло? – обратился к ней Фрост.

Она резко подняла глаза – так, словно испугалась звучания собственного имени.

– Все хорошо, – пробормотала она.

– Как насчет этих иероглифов? – поинтересовалась Джейн. – Вы можете прочесть их?

Пульчилло снова посмотрела на картуш.

– Сова – эквивалент нашего звука «м». Маленькая ладонь под ней читается как «д».

– А эта рука?

Пульчилло сглотнула:

– Она произносится как долгий звук «а». Даже после мягкой согласной будет тянуться «а-а-а».

– Эм, де, а-а-а. Что же это за имя такое?

– Может быть, Медея или что-то в этом роде? – предположил Робинсон. – Мне так кажется.

– Медея? – переспросил Фрост. – Это ведь про нее греки написали какую-то трагедию?

– Историю мести, – подсказал Робинсон. – Согласно легенде, Медея влюбилась в аргонавта Ясона, и у них родились два сына. Когда Ясон оставил ее и ушел к другой, Медея ответила убийством собственных сыновей и соперницы. И все это ради мести Ясону.

– А что же случилось с ней самой? – спросила Джейн.

– Эта история существует в нескольких вариантах, но в каждом из них Медея сбегает.

– После убийства собственных детей? – Джейн покачала головой. – Дурацкий конец – ее нельзя было упускать.

– Возможно, в этом и состоит смысл легенды: совершающий зло всегда избегает правосудия.

Джейн поглядела на картуш:

– Значит, легендарная Медея – убийца?

Робинсон кивнул:

– А еще она знала, как выживать.

Джозефина Пульчилло вышла из городского автобуса и в оцепенении двинулась по оживленной Вашингтонской улице, не обращая внимания на машины с грохочущими стереосистемами. Дойдя до угла, она перешла дорогу, но даже резкий визг автомобиля, затормозившего всего в нескольких сантиметрах от нее, потряс Джозефину куда меньше того, что она увидела сегодня утром в анатомической лаборатории.

«Медея».

Наверняка это просто совпадение. Удивительное, конечно, но иначе как это объяснить? Скорее всего, перевод на картуше неточный. Каирские продавцы безделушек, надеясь получить ваши доллары, такого понараскажут! Стоит лишь потрясти приличной суммой у них перед носом, и они беззастенчиво поклянутся, что сама Клеопатра носила вот именно эту дешевую побрякушку. Возможно, гравера попросили написать «Мэдди», «Мелоди» или «Мейбл». Весьма сомнительно, что иероглифы обозначают слово «Медея», поскольку это имя можно услышать лишь изредка, да и то в связи с греческой трагедией.

Раздался оглушительный автомобильный сигнал. Доктор Пульчилло вздрогнула и, обернувшись, увидела черный пикап, который медленно полз по улице рядом с ней. Окно опустилось, и какой-то молодой человек крикнул Джозефине:

– Эй, красотка, тебя подвезти? У меня на коленях полно места!

Всего один грубый жест с участием среднего пальца – и парень тут же понял, как Джозефина отнеслась к его предложению. Он усмехнулся. Пикап с ревом рванул прочь, изрыгая клубы выхлопного газа. Глаза Джозефины продолжали слезиться от гари, даже когда она поднялась по лестнице и зашла в дом, где находилась ее квартира. Доктор Пульчилло остановилась возле висевших в холле почтовых ящиков и, попытавшись отыскать в сумочке ключ, внезапно вздохнула.

Она подошла к квартире 1А и постучала.

Дверь распахнулась, оттуда выглянул пучеглазый инопланетянин.

– Вы все еще не нашли свои ключи? – осведомился пришелец.

– Господин Гудвин? Это же вы, правда?

– Что? Ах, простите. Мои старые глаза уже не такие, как раньше. Чтобы разглядеть эти чертовы винтики, нужны очки работа-

полицейского. – Комендант здания снял огромные увеличивающие очки и тут же превратился из пучеглазого прищельца в совершенно обычного шестидесятилетнего мужчину с непослушными прядями седых волос на голове, торчащими, словно рога. – Так все-таки связка ключей нашлась?

– Я уверена, что просто сунула их куда-то на работе. Мне удалось сделать новые ключи для машины и квартиры, но...

– Понимаю. Вам нужен ключ от почтового ящика, верно?

– Вы говорили, что вам пришлось сменить замок.

– Я сделал это сегодня утром. Входите, я дам вам новый ключ.

Джозефина неохотно вошла в квартиру вслед за хозяином. Если вы оказались в логове господина Гудвина, даже и не надейтесь вырваться оттуда раньше чем через полчаса. Соседи прозвали его «господином Гудвинтиком» по причине, ставшей очевидной и для Джозефины, когда та вошла в гостиную коменданта, вернее, в комнату, которая была отведена под гостиную. Скорее, она оказалась в берлоге мастера-ломастера, где все горизонтальные поверхности занимали старые фены, радиоприемники и прочие технические приспособления в разной стадии сборки или разборки. «Увлечение – только и всего, – как-то пояснил он. – И ничего больше не нужно выбрасывать. Я починю вам что угодно!»

Только, пока у него дойдут до этого руки, придется подождать лет эдак десять или больше.

– Надеюсь, вы все-таки найдете свои ключи, – сказал господин Гудвин, ведя ее мимо десятка подвергающихся ремонту объектов, на которых уже начала скапливаться пыль. – Я нервничаю, когда ключи от квартиры носят черт-те где. Знаете, на свете ведь столько воришек. А вы слышали, что сказал господин Любин?

– Нет. – Джозефине вовсе не хотелось выслушивать разговоры сварливого господина Любина, жившего по другую сторону коридора.

– Он видел черную машину, из которой кто-то изучал наш дом. Каждый вечер она очень медленно проезжает мимо, а за рулем сидит мужчина.

– Возможно, он просто ищет, где припарковаться. Именно по этой причине я редко вожу машину. Дело не только в ценах на бензин, а еще и в том, что я ненавижу уступать свое место на парковке.

– У господина Любина на такие вещи глаз наметан. Разве вы не знаете, что раньше он был шпионом?

Джозефина усмехнулась:

– Вы вправду верите в это?

– А почему бы и нет? Ну то есть с чего бы ему врать о таких вещах?

«Вы даже не представляете, о чем иногда врут люди», – пронеслось в голове у Джозефины.

Господин Гудвин выдвинул громко задребезжавший ящик и достал оттуда ключ.

– Вот он. Мне придется взять с вас сорок пять долларов за смену замка.

– А можно мне вписать эту сумму в чек с платой за аренду?

– Конечно. – Он улыбнулся. – Я вам доверяю.

«Я последний человек, которому стоит доверять», – подумала Джозефина, собираясь уходить.

– Ох, погодите. Мне снова оставили вашу почту. – Комендант подошел к захламленному обеденному столу и взял с него стопку писем и бандероль, перехваченные резинкой. – Почтальон не смог засунуть ее в ваш ящик, и я пообещал, что передам это вам. – Он кивком указал на бандероль. – Я вижу, вы снова заказали что-то в «Л. Л. Бин»^[7], а? Похоже, вам нравится эта фирма.

– Да, нравится. Спасибо, что забрали мою почту.

– И что же вы у них покупаете – одежду или туристские принадлежности?

– В основном одежду.

– И она вам подходит? Даже то, что присылают по почте?

– Она мне прекрасно подходит. – Джозефина, натужно улыбнувшись, решила поскорее убраться, не то комендант чего доброго начнет выпрашивать, где она купила свое нижнее белье. – До встречи.

– А вот я сначала примеряю одежду, а потом уж покупаю, – отозвался он. – То, что шлют по почте, мне никогда не бывает впору.

– Я завтра же выпишу вам чек за аренду.

– И обязательно поищите свои ключи, ладно? Нынче нужно быть осторожнее, особенно когда такая красавица, как вы, живет совсем одна. Нехорошо, если ваши ключи окажутся у какого-нибудь негодяя.

Вырвавшись из квартиры коменданта, Джозефина начала подниматься по лестнице.

– Стойте! – крикнул господин Гудвин. – Еще один вопрос. Чуть было не забыл спросить. Нет ли у вас знакомой по имени Джозефина Sommer?

Доктор Пульчилло застыла, прижимая к себе стопку почты, и напряглась так, что ее спина стала жестче доски. А затем медленно обернулась к коменданту:

– Как вы сказали?

– Почтальон спросил, не вы ли это, но я ответил: нет, ее фамилия

Пульчилло.

– А с чего... с чего вдруг он спросил об этом?

– Потому что там было письмо с номером вашей квартиры, на котором стояла фамилия Соммер, а не Пульчилло. Он решил, что это ваша девичья фамилия или что-то в этом роде. Я же сказал, что вы, насколько я знаю, не замужем. Но поскольку квартира действительно ваша, а Джозефин у нас не так-то много, я подумал: наверное, это вам. И поэтому положил в стопку с вашей почтой.

Доктор Пульчилло с трудом сглотнула.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Так это все-таки вы?

Джозефина не ответила. Она продолжала подниматься по лестнице, хотя знала: комендант наблюдает за ней и ждет ответа. Чтобы не дать ему возможности снова завалить ее вопросами, Джозефина нырнула в свою квартиру и закрыла за собой дверь.

Она так крепко прижимала к себе стопку корреспонденции, что казалось, будто сердце стучит уже не в груди, а в связке писем. Содрав резинку, Джозефина вывалила почту на журнальный столик. Конверты и гляцевые каталоги рассыпались по столешнице. Отодвинув в сторону бандероль из «Л. Л. Бина», она принялась копаться в ворохе писем и наконец обнаружила конверт, на котором незнакомым почерком было написано: «Джозефине Соммер». На нем обнаружился только бостонский почтовый штемпель, а вот обратного адреса не нашлось.

«В Бостоне кто-то знает это имя, – подумала она. – А что еще он обо мне знает?»

Джозефина еще долго сидела, не раскрывая конверт. Она боялась прочитать письмо. Ей было страшно оттого, что, как только она откроет его, жизнь изменится. Растягивая последнее мгновение, когда она по-прежнему может быть Джозефиной Пульчилло, тихой молодой женщиной, никогда не говорившей о своем прошлом. Женщиной-археологом, с маленьким окладом, которая с радостью скрывается в дальних залах Криспинского музея, трясясь над клочками папируса и обрывками льна.

«Я старалась, – думала она. – Очень старалась не поднимать головы и не отрывать глаз от работы, но прошлому все-таки удалось меня настичь».

Сделав глубокий вдох, Джозефина наконец разорвала конверт. Внутри оказалась записка, состоявшая из шести слов, которые были написаны печатными буквами. Из слов, сообщавших о том, что она и так знала:

НЕ СТОИТ ВОДИТЬ ДРУЖБУ С ПОЛИЦИЕЙ.

Экскурсовод Криспинского музея оказалась настолько древней, что ее саму можно было выдать за экспонат. Седовласой карлице с трудом хватало роста, чтобы выглянуть из-за стойки приемной.

– Прошу прощения, но мы открываемся ровно в десять, – объявила она. – Я с радостью продам вам билеты, если вы вернетесь сюда через семь минут.

– Мы пришли не ради экскурсии по музею, – возразила Джейн. – Мы из бостонской полиции. Я детектив Риццоли, а это детектив Фрост. Господин Криспин ждет нас.

– Меня не проинформировали об этом.

– Он здесь?

– Да. Он и мисс Дьюк совещаются наверху, – сообщила женщина. Она произнесла слово «мисс» с таким видом, будто хотела подчеркнуть: в этом здании до сих пор блюдут старомодные правила этикета.

Женщина вышла из-за стойки, демонстрируя клетчатую юбку в складку и огромные ортопедические туфли. На ее белой хлопчатобумажной блузке красовалась пластиковая карточка: «Госпожа Виллебрандт, экскурсовод».

– Я провожу вас в его кабинет. Но сначала мне придется запереть кассу. Сегодня мы снова ожидаем наплыв народа, и мне бы не хотелось оставлять ее без присмотра.

– О, да мы и сами найдем дорогу, – заверил Фрост. – Если вы скажете, куда идти.

– Я не хочу, чтобы вы заблудились.

Фрост изобразил столь очаровательную улыбку, что перед ней не должна была устоять ни одна пожилая дама.

– Я был бойскаутом, мэм. Обещаю: я не заблужусь.

Очаровать госпожу Виллебрандт ему не удалось. Через очки в стальной оправе она с сомнением оглядела детектива.

– Кабинет находится на третьем этаже, – наконец поведала она. – Можно подняться на лифте, но он едет очень медленно. – Экскурсовод указала на черную зарешеченную кабину, которая больше походила на старинную ловушку, чем на лифт.

– Мы поднимемся по лестнице, – ответила Джейн.

– К ней нужно идти по главной галерее, все время прямо.

Однако в этом здании идти «все время прямо» никак не получалось.

Оказавшись в галерее первого этажа, Джейн и Фрост принялись блуждать по лабиринтам выставочных шкафов. Первой на их пути оказалась витрина с восковой фигурой джентльмена девятнадцатого века в полный рост, облаченного в костюм из тонкой шерсти и жилет. В одной руке он держал компас, в другой – пожелтевшую карту. Лицо мужчины было обращено к посетителям, а вот глаза глядели куда-то в сторону, ввысь и вдаль – в те края, что были видны лишь ему одному.

Наклонившись, Фрост прочитал надпись на табличке, стоявшей у ног джентльмена:

– «Доктор Корнелий М. Криспин, путешественник и ученый, тысяча восемьсот тридцатый – тысяча девятьсот двенадцатый. Сокровища, привезенные им со всего света, положили начало собранию Криспинского музея». – Фрост выпрямился. – Обалдеть! Представляешь себе род занятий – «путешественник»?

– Думаю, правильнее было бы сказать: «богач». – Джейн подошла к следующей витрине, на которой под яркими лампочками поблескивали золотые монеты. – Эй, гляди-ка. Тут написано, что они из царства Креза.

– Этот уж точно был богачом.

– Хочешь сказать, Крез существовал на самом деле? Я всегда думала, это какая-то сказка!

Они приблизились к следующей витрине, заполненной керамикой и глиняными фигурками.

– Круто, – обрадовался Фрост. – Это шумерская посуда. Знаешь, она по-настоящему старая. Когда Элис вернется домой, я обязательно свожу ее сюда. Этот музей ей понравится. Странно, что до сих пор я о нем не знал.

– Зато теперь о музее узнали все. Убийство – лучший способ привлечь внимание.

Полицейские продолжали углубляться в лабиринты витрин, минуя мраморные бюсты греков и римлян, ржавые мечи и сверкающие драгоценности, а у них под ногами поскрипывали старые деревянные половицы. В этой галерее стояло столько витрин, разделенных узенькими проходами, что буквально каждый поворот головы приносил с собой очередную неожиданность – новое сокровище, привлекавшее внимание.

В конце концов они оказались на открытом пространстве, возле лестничного пролета. Фрост начал подниматься на второй этаж, но Джейн не пошла за ним. Ее потянуло к узкому дверному проему, обрамленному искусственным камнем.

– Риццоли? – позвал Фрост, обернувшись.

– Подожди минутку, – попросила она, глядя наверх, на перемычку, где

помещалось соблазнительное приглашение: «ВОЙДИ. ОКАЖИСЬ В КРАЮ ФАРАОНОВ».

Джейн не смогла устоять.

Шагнув в проем, Риццоли оказалась в тускло освещенном помещении, и ей пришлось немного постоять, чтобы глаза привыкли к темноте. Во мраке постепенно обнаруживался наполненный чудесами зал.

– Ух ты! – прошептал последовавший за напарницей Фрост.

Они очутились в египетской усыпальнице, стены которой покрывали иероглифы и погребальные рисунки. В зале были выставлены экспонаты из гробниц, выхваченные из тьмы тщательно продуманным слабым освещением. Джейн увидела саркофаг, который раскрыл зияющую пасть, словно ожидая своего вечного обитателя. Крышку каменной канопы венчала голова злобного шакала. На стене висели погребальные маски – рисованные лица, с которых пристально смотрели жутковатые черные глаза. Под стеклом лежал раскрытый папирусный свиток с отрывком из Книги мертвых.

У дальней стены помещалась пустая стеклянная витрина. Размером с гроб.

Вглядевшись в нее, Джейн заметила фотографию лежавшей в ящике мумии и каталожную карточку, на которой от руки было написано: «ЗДЕСЬ УПОКОИТСЯ ГОСПОЖА ИКС. ЖДИТЕ ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ!»

Пусть Госпожа Икс здесь никогда не появится, но она уже выполнила свою функцию, и в музей устремились толпы посетителей. Госпожа Икс привлекла вереницы зевак, стремящихся удовлетворить нездоровое любопытство и рвущихся хотя бы одним глазком взглянуть на смерть. Но один любитель острых ощущений на шаг опередил всех прочих. Он оказался до того извращенным, что сделал мумию сам – извлек из тела женщины внутренности, посыпал все полости солью и специями. А потом завернул его в лен, оплетая обнаженные конечности и туловище полосками ткани, – так паук обматывает беспомощную жертву своими шелковыми нитями. Безотрывно глядя на пустую витрину, Джейн раздумывала: каково это – пролежать целую вечность в стеклянном гробу? Внезапно зал показался ей тесным и душным, а грудь сжало так, словно это ее связали и льняные бинты сжимали и душили именно ее. Она нащупала верхнюю пуговицу блузки, чтобы ослабить ворот.

– Здравствуйте! Детективы?

Вздвигнув, Джейн обернулась и увидела женский силуэт, возникший в узком дверном проеме. Незнакомка была одета в обтягивающий брючный костюм, выгодно подчеркивавший стройную фигуру; ее светлые волосы, на

которые сзади падал свет, казались сияющим нимбом.

– Госпожа Виллебрандт сообщила нам, что вы прибыли. Мы ждали вас наверху. Но я подумала, что вы могли заблудиться.

– В этом музее действительно очень интересно, – ответил Фрост. – Мы не удержались и решили осмотреться.

Когда полицейские вышли из египетского зала, женщина энергично и по-деловому пожала им руки. При более ярком свете основной галереи Джейн увидела, что этой красивой блондинке лет сорок – она выглядела примерно на век младше экскурсовода, которую детективы встретили в приемной.

– Я Дебби Дьюк, работаю здесь на общественных началах.

– Детектив Риццоли, – представилась Джейн. – А это детектив Фрост.

– Саймон ждет вас в своем кабинете, будьте любезны, пойдемте со мной. – Повернувшись, Дебби начала подниматься по лестнице; ее стильные туфли на каблучке цокали по обветшалым деревянным ступеням.

На лестничной клетке второго этажа внимание Джейн снова привлек удивительный экспонат: чучело медведя гризли с выпущенными когтями выглядело так, словно зверь был готов растерзать любого, кто поднимется по лестнице.

– Это чудище подстрелил какой-нибудь предок господина Криспина? – поинтересовалась Джейн.

– Ох, – Дебби с отвращением глянула на экспонат. – Это Большой Бен. Нужно проверить, но, по-моему, отец Саймона привез его из Аляски. Я сама только начала изучать здешнее собрание.

– Вы здесь недавно?

– С апреля. Мы стараемся привлечь новых людей для работы на общественных началах. Может, вы знаете кого-нибудь, кто захотел бы к нам прийти? Особенно мы нуждаемся в молодых сотрудниках, которые могли бы работать с детьми.

Джейн по-прежнему не могла отвести глаз от медвежьих когтей, выглядевших просто убийственными.

– Я думала, это археологический музей, – сказала она. – Разве медведь имеет к этому отношение?

– На самом деле это всеобъемлющий музей, именно поэтому нам трудно его раскручивать. Большая часть экспонатов была собрана пятью поколениями Криспинов, но и пожертвований здесь достаточно. На втором этаже у нас большая выставка животных с клыками и когтями. Удивительно, но дети обычно оказываются именно там. Им нравится разглядывать плотоядных животных. Кролики им наскучили.

– Кролик не может убить человека, – отозвалась Джейн.

– Возможно, поэтому. Мы все любим бояться, верно? – Дебби отвернулась и снова принялась подниматься по лестнице.

– А что на третьем этаже? – поинтересовался Фрост.

– Еще одно выставочное помещение. Я покажу. Мы используем его для временных экспозиций.

– Значит, вы показываете и чужие экспонаты?

– О нет, у нас нет такой необходимости. В цоколе хранится столько всего, что, вероятно, в течение будущих двадцати лет можно, не повторяясь, ежемесячно менять экспозицию.

– А что там выставлено сейчас?

– Кости.

– Человеческие, что ли?

Дебби смерила Фроста изумленным взглядом:

– Конечно. А как же еще привлечь внимание до безобразия пресытившейся публики? Покажи им самую изящную вазу эпохи Мин или персидскую резную ширму из слоновой кости, они все равно отвернутся и отправятся напрямик к человеческим останкам.

– А откуда взялись эти кости?

– Здесь вы можете мне доверять. Все подтверждено документами. Один из Криспинов привез их из Турции лет сто назад. Не помню, кто именно, возможно, Корнелий. Доктор Робинсон решил, что пора вынуть их из запасников и снова показать публике. Эта экспозиция посвящена древним погребальным обычаям.

– Вы говорите так, словно сами занимаетесь археологией.

– Я? – Дебби рассмеялась. – Просто я люблю красивые вещи, и у меня полно свободного времени. А потому считаю: музеям стоит помогать. Вы посмотрели выставку на первом этаже? Кроме чучел плотоядных животных, у нас есть сокровища, на которые стоит взглянуть. Нашему музею нужно сосредоточиться именно на этом, а не на медвежьих чучелах, но ничего не поделаешь – приходится удовлетворять желания публики. Именно поэтому мы связывали с Госпожой Икс большие надежды. Она могла бы принести деньги, которых хватило бы, по крайней мере, на постоянное отопление.

Добравшись до третьего этажа, они оказались на выставке «Древние кладбища». Джейн увидела стеклянные витрины, в которых на песке были разложены человеческие кости – так, будто их только что выкопал совок археолога. Дебби энергично прошагала мимо, а Джейн незаметно для себя отстала и принялась разглядывать скелеты: вот кто-то свернулся в позе

эмбриона, а вот костлявые конечности умершей мамыши любовно обнимают фрагменты детских останков. Этот ребенок вряд ли был намного взрослее ее собственной дочери Реджины. «Да тут целая деревня мертвецов», – решила про себя Риццоли. Это кем же надо быть, чтобы так жестоко вырвать людей из мест их упокоения и переправить за границу, на забаву чужакам? Неужели предок Саймона Криспина совсем не чувствовал вины, извлекая кости из могил? Древние монеты, мраморные статуи и человеческие кости – ко всему этому семейство Криспинов относилось одинаково. Для них это всего лишь объекты коллекционирования, выставленные напоказ, словно добыча охотника.

– Детектив! – позвала Дебби.

Минуя молчаливых покойников, Джейн и Фрост следом за Дебби направились в кабинет Саймона Криспина.

Ожидавший их мужчина выглядел гораздо более хилым, чем предполагала Джейн. У него на макушке осталось всего несколько клочков седых волос, а руки и кожу головы покрывали бурые пигментные пятна. Однако, когда он принялся пожимать руки гостям, его пронизательные глаза осветились живым любопытством.

– Спасибо, господин Криспин, что согласились встретиться с нами, – поблагодарила Джейн.

– Жаль, что я сам не смог прийти на вскрытие, – посетовал он. – Но мое бедро еще не зажило после операции, и я по-прежнему ковыляю туда-сюда с палочкой. Садитесь, пожалуйста.

Джейн оглядела помещение, в котором стояли массивный дубовый стол и кресла с потертой обивкой из зеленого бархата. Кабинет с венецианскими окнами, обшитый темным деревом, казался владением одного из светских клубов прошлого века – в таких джентльмены обычно попивали херес. Однако эта комната обветшала так же, как и все здание музея. Персидский ковер истерся почти до дыр, а пожелтевшим томам в старомодном книжном шкафу на вид было лет сто.

Сидя в одном из кресел с бархатной обивкой, которое по размеру напоминало трон, Джейн почувствовала себя маленькой девочкой, решившей поиграть в принцессу. Фрост тоже занял одно из огромных кресел, но он устроился в бархатном троне совсем не по-королевски – у детектива был такой вид, будто он страдает от запора.

– Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вашему расследованию, – пообещал Саймон. – За ежедневную работу отвечает доктор Робинсон. Боюсь, после перелома бедра я вряд ли могу быть полезен.

– А как это случилось? – спросила Джейн.

– Упал в яму на раскопках в Турции. – Заметив, что Джейн приподняла бровь, Саймон улыбнулся. – Да, в таком глубоко преклонном возрасте, в восемьдесят два года, я занимался полевыми работами. Я никогда не был только кабинетным археологом. Уверен: нужно работать собственными руками, иначе ты просто-напросто любитель. – Нотка презрения, с которой он произнес последнее слово, не оставляла сомнений в том, что он думает о подобных дилетантах.

– Вы даже оглянуться не успеете, как вернетесь на полевые работы, – успокоила его Дебби. – Просто в вашем возрасте на восстановление уходит больше времени.

– У меня нет этого времени. Я приехал из Турции семь месяцев назад и очень волнуюсь, что раскопки превратятся в полный бардак. – Саймон вздохнул. – Но вряд ли тот бардак можно сравнить со здешним.

– Полагаю, доктор Робинсон рассказал вам о том, что выяснилось на вчерашнем вскрытии, – перешла к делу Джейн.

– Да. И сказать, что мы потрясены, – значит ничего не сказать. Такое внимание моему музею ни к чему.

– Думаю, Госпоже Икс такое внимание тоже вряд ли понравилось бы.

– Я и знать не знал, что в нашем собрании есть мумия, пока Николас не обнаружил ее во время инвентаризации.

– Он сказал, что это случилось в январе.

– Да. Вскоре после моей операции на бедре.

– Как в музее может затеряться мумия – такой ценный экспонат?

Криспин застенчиво улыбнулся:

– Посетите любой музей с большим собранием и, скорее всего, обнаружите, что их подвальные помещения в таком же беспорядке, как здешние. Нашему музею сто тридцать лет. За это время под его крышей трудились десяток разных кураторов и сотни стажеров, экскурсоводов и прочих сотрудников. Полевые дневники терялись, документы пропадали, экспонаты переставлялись на другие места. Поэтому неудивительно, что мы забывали о некоторых единицах хранения. – Он вздохнул. – Боюсь, мне придется принять на себя тяжелейшее бремя вины.

– Почему?

– В течение очень долгого времени я полностью доверял решение мелких проблем доктору Уильяму Скотту-Карру, нашему предыдущему куратору. Я не знал о том, что происходит дома. Но госпожа Виллебрандт была свидетельницей его деградации. Видела, как он начал терять бумаги, прикреплять к витринам не те таблички. В конце концов он стал таким рассеянным, что начал забывать, как называется даже самый простой

инвентарь. Но трагедия состоит в том, что когда-то он, бывший полевой археолог, объездивший весь мир, был блестящим специалистом. Госпожа Виллебрандт написала мне о своих опасениях, и по приезде домой я понял, что у нас возникла серьезная проблема. Тут же уволить его у меня не хватило духу, и, как оказалось позже, это было необязательно. Его насмерть сбила машина, здесь же, прямо у нашего здания. Ему было всего семьдесят четыре, но, учитывая мрачный прогноз на будущее, возможно, это к лучшему.

– Болезнь Альцгеймера? – спросила Джейн.

Саймон кивнул.

– Возможно, симптомы уже лет десять были налицо, но Уильяму хорошо удавалось их скрывать. Собрание оказалось в полнейшем беспорядке. Однако мы даже не представляли, насколько плохи наши дела, пока три года назад я не взял на работу доктора Робинсона – он и обнаружил, что пропали инвентарные книги. Николас не смог отыскать документацию на множество стоявших в подвале ящиков. В январе, открывая ящик с Госпожой Икс, он понятия не имел, что там лежит. Поверьте, мы все были поражены. Я и не подозревал, что в нашем собрании хоть когда-нибудь была мумия.

– Мисс Дьюк сказала, что основная часть собрания осталась от ваших предков, – заметил Фрост.

– Пять поколений Криспинов самолично орудовали совками и лопатами. Страсть к коллекционированию у нас в крови. К сожалению, это еще и дорогостоящее увлечение, а потому музей высосал все, что осталось от моего наследства. – Криспин снова вздохнул. – Именно поэтому дела обстоят так: денег нет, а музей зависит от людей, работающих на общественных началах. И от дарителей.

– Может, Госпожа Икс именно так и попала к вам? – спросил Фрост. – Через дарителя?

– Экспонаты нам действительно жертвуют, – подтвердил Саймон. – Люди хотят, чтобы старинные ценности, за которыми они не умеют ухаживать, оказались в безопасном месте. Или чтобы их имя написали на маленькой изящной табличке и повесили на всеобщее обозрение в витрине постоянной экспозиции. Мы берем у них почти все.

– Но пожертвованная мумия у вас в документах не значится?

– Николас не обнаружил никаких упоминаний о ней. И уж поверьте, он искал тщательно. Это дело превратилось для него в основную задачу. В марте мы взяли на работу доктора Пульчилло, чтобы она помогла в исследовании Госпожи Икс, однако и Джозефина не смогла выяснить

происхождение этой мумии.

– Вполне возможно, что Госпожа Икс попала в наше собрание во времена кураторства доктора Скотта-Карра, – предположила Дебби.

– Того, у которого был Альцгеймер, – поняла Джейн.

– Верно. Он мог потерять документацию. И это многое объяснило бы.

– Что ж, вполне разумная теория, – одобрила Джейн. – Но нам придется заняться и другими. Кто имеет доступ в цоколь?

– Ключи хранятся на стойке приемной, так что почти все сотрудники могут войти туда.

– Значит, положить Госпожу Икс в подвал мог любой сотрудник?

На мгновение воцарилась тишина. Дебби с Саймоном переглянулись, и лицо Криспина помрачнело.

– Мне не нравится ваш намек, детектив.

– Это вполне обоснованный вопрос.

– Мы достойная организация, в которой работают замечательные люди; большинство трудятся на общественных началах, – возмущенно сказал Саймон. – Наши экскурсоводы и студенты-стажеры пришли сюда, потому что хранение – их призвание.

– Их призвание не вызывает у меня сомнений. Мне просто стало интересно, кто имеет доступ в цокольный этаж.

– Но на самом деле ваш вопрос звучит так: кто мог спрятать труп в цоколе?

– Эту возможность нужно иметь в виду.

– Поверьте, убийц мы на работу не брали.

– Вы абсолютно уверены в этом, господин Криспин? – тихо спросила Джейн, не сводя однако пристального взгляда с коллекционера.

Риццоли заметила, что ее вопрос встревожил Саймона. Она заставила Криспина с ужасом задуматься, что кто-то из людей, знакомых ему ныне или в прошлом, мог принести смерть в этот благородный бастион знания.

– Прошу прощения, господин Криспин, – наконец проговорила она. – На некоторое время мы нарушим вашу привычную обстановку.

– Что вы имеете в виду?

– В ваш музей каким-то образом попал труп. Возможно, его пожертвовали лет десять назад. А может, поместили сюда совсем недавно. Проблема в том, что у вас нет документации. И вы даже не представляете, что еще может оказаться в вашем собрании. Похоже, нам придется осмотреть цокольный этаж.

Саймон недоуменно покачал головой:

– И что же вы надеетесь там найти?

Джейн не ответила – в этом не было необходимости.

– Неужели это настолько необходимо? – изумился Николас Робинсон. – Разве нельзя поступить иначе?

– Боюсь, что нет, – отозвалась Джейн, протягивая ему ордер.

Пока Робинсон читал, Джейн стояла возле него в окружении команды полицейских – трех детективов-мужчин. Сегодня они с Фростом взяли с собой для обыска детективов Триппа и Кроу, и вот теперь все ждали, пока Робинсон мучительно долго изучал ордер. Вечно нетерпеливый Даррен Кроу громко фыркнул с досады, и Джейн метнула в него раздраженный взгляд, как бы говоривший: «Остынь!» – и напоминавший: этой командой руководит она, так что не стоит высовываться.

Робинсон, насупившись, глядел на бумаги.

– Вы будете искать человеческие останки? – Он поднял глаза на Джейн. – Что ж, вы их обязательно найдете. Это ведь музей. И должен вас заверить: кости, выставленные на третьем этаже, действительно древние. Если хотите, я могу указать на соответствующие признаки по зубам...

– Нас интересует только то, что хранится в цоколе. Если вы откроете вон ту дверь, мы сможем начать обыск.

Робинсон оглядел стоявших поблизости полицейских и заметил, что детектив Трипп держит в руках лом.

– Ни в коем случае нельзя просто так вскрывать ящики! Вы можете повредить бесценные артефакты.

– Пожалуйста – вы можете наблюдать за всем и давать советы. Но большая просьба ничего не двигать и ни к чему не прикасаться.

– Зачем превращать музей в место преступления?

– Мы опасаемся, что Госпожа Икс – не единственная неожиданность в вашем собрании. А теперь, будьте добры, пройдемте в цокольный этаж.

Нервно сглотнув, Робинсон посмотрел на старшего экскурсовода, которая наблюдала за этой стычкой:

– Госпожа Виллебрандт, не могли бы вы позвонить Джозефине и попросить ее срочно прийти? Она мне понадобится.

– Сейчас без пяти десять, доктор Робинсон. Скоро появятся посетители.

– Сегодня музей будет закрыт, – возразила Джейн. – Нам не хотелось бы, чтобы пресса учуяла, что здесь происходит. Так что, пожалуйста,

заприте вход.

Госпожа Виллебрандт, демонстративно проигнорировавшая приказ Риццоли, продолжала смотреть на куратора:

– Доктор Робинсон?

Он покорно вздохнул:

– Похоже, в этом деле у нас нет выбора. Сделайте, пожалуйста, так, как велит полиция.

Открыв ящик шкафа, располагавшегося за стойкой приемной, куратор вынул связку ключей и, минуя восковую статую доктора Корнелия Криспина, а также греческие и римские мраморные бюсты, направился к лестничному колодцу. Несколько десятков шагов по скрипучим ступенькам – и они в цокольном этаже.

Там Робинсон остановился. Обращаясь к Джейн, он спросил:

– Мне понадобится адвокат? Меня подозревают?

– Нет.

– Тогда кто под подозрением? Скажите мне хотя бы это.

– Возможно, все случилось задолго до того, как вы начали здесь работать.

– Задолго – это когда?

– Во времена прежнего куратора.

Робинсон удивленно усмехнулся:

– У бедняги была болезнь Альцгеймера. Вы ведь не считаете, что старик Уильям хранил здесь мертвецов, верно?

– Дверь, доктор Робинсон.

Качая головой, куратор отпер дверь. На них повеяло прохладным сухим воздухом. Когда все вошли в помещение, Джейн услышала потрясенное бормотание своих спутников – те увидели громадное хранилище, где стоявшие рядами штабеля ящиков доставали чуть не до потолка.

– Пожалуйста, по возможности держите дверь закрытой, – попросил Робинсон. – Здесь установлен климат-контроль.

– Ну и дела, – буркнул Кроу. – Чтобы просмотреть все это, нам придется здесь поселиться. И вообще – что хранится в этих ящиках?

– Мы проинвентаризировали больше половины нашей коллекции, – сообщил Робинсон. – Если бы вы дали нам еще несколько месяцев на завершение работы, мы смогли бы рассказать, что содержится в каждом ящике.

– Несколько месяцев – слишком большой срок.

– Год у меня ушел только на изучение вон тех рядов, у задних полок. Я

могу лично поручиться за их содержимое. Но в этом конце хранилища я еще не открыл ни одного ящика. Процесс инвентаризации медленный, потому что нужно быть очень аккуратным и все документировать. Некоторым единицам хранения уже несколько веков, и, возможно, они уже начали разрушаться.

– Даже в помещении с климат-контролем? – удивился Трипп.

– Систему кондиционирования воздуха установили только в шестидесятых.

Фрост указал на ящик, стоявший в самом основании штабеля:

– Смотрите, что на нем написано. «Тысяча восемьсот семьдесят третий. Сиам».

– Видите? – Робинсон взглянул на Джейн. – Здесь могут оказаться сокровища, которые не распаковывали лет сто. Я планировал методично осмотреть эти ящики и все задокументировать. – Он умолк. – Но тут я обнаружил Госпожу Икс, и моя инвентаризация прервалась. А так мы уже сильно продвинулись бы.

– Где вы нашли ее ящик? – спросила Джейн. – В какой части хранилища?

– Вот в этом ряду, у задней стены. – Он указал на дальний конец хранилища. – Она лежала в самом низу.

– Вы заглядывали в ящики, которые лежали над ней?

– Да. В них хранились предметы, приобретенные в девятьсот девятые годы. Артефакты из Османской империи, а также несколько китайских свитков и керамика.

– Девятьсот девятые? – Джейн вспомнила идеальный прикус мумии и амальгамовую пломбу в ее зубе. – Я почти уверена, что Госпожу Икс приобрели позже.

– И как же тогда она оказалась под более старыми ящиками? – удивился детектив Кроу.

– Тут кто-то явно все переставил, – заметила Джейн. – Чтобы к мумии было трудно подобраться.

Оглядывая похожее на пещеру помещение, Джейн вспомнила усыпальницу, в которой похоронили ее бабушку, – то был настоящий мраморный дворец, там на стенах были выгравированы имена покоящихся в каждом склепе. «И теперь я оказалась в такой же? – пронеслось у нее в голове. – В гробнице, набитой безымянными жертвами?» Она направилась к дальней стене хранилища, к тому месту, где нашли Госпожу Икс. В этой части помещения перегорело несколько лампочек, так что угол оказался в тени.

– Давайте начнем отсюда, – предложила она.

Фрост и Кроу сняли верхний ящик со штабеля и опустили его на пол. На крышке было начертано: «Разное. Конго». С помощью лома Кроу оторвал крышку. При первом же взгляде на то, что лежало внутри, он отшатнулся, задев Джейн.

– Что там? – спросила она.

Даррен Кроу внезапно рассмеялся. Он протянул руку к ящику, вынул оттуда деревянную маску и приложил ее к лицу:

– Бу-у-у!

– Осторожно! – воскликнул Робинсон. – Это ценная вещь.

– А еще до ужаса страшная, – пробормотал Фрост, разглядывая нелепые черты деревянной маски.

Отложив маску в сторону, Кроу вынул мятые газеты, которыми для мягкости обложили содержимое ящика:

– «Лондон таймс», тысяча девятьсот тридцатый год. Думаю, наш подозреваемый тогда еще не появился.

– Я вынужден протестовать, – встрепенулся Робинсон. – Вы трогаете экспонаты руками... вы их пачкаете! Вам всем нужно надеть перчатки.

– Возможно, вам стоит подождать за дверью, доктор Робинсон, – предложила Джейн.

– Нет, я не уйду. Я обязан обеспечивать сохранность этого собрания.

Риццоли резко повернулась к нему. Куратор всегда казался кротким, но на этот раз он твердо решил стоять на своем. Джейн подошла поближе и заметила, как яростно моргают его глаза за линзами очков. Столкнувшись с полицейским вне стен музея, Николас Робинсон, возможно, повел бы себя иначе. Но здесь, на своей территории, защищая свое драгоценное собрание, он, казалось, готов был вступить в рукопашный бой.

– Вы ведете себя по-скотски, – возмутился он. – С чего вы взяли, что тут есть другие мертвецы? И что за люди, по вашему мнению, работают в музеях?

– Не знаю, доктор Робинсон. Это я и пытаюсь выяснить.

– Тогда спросите меня. Поговорите со мной, вместо того чтобы ломать ящики. Я знаю этот музей. Я знаю людей, которые тут работали.

– Вы кураторствуете всего три года, – заметила Джейн.

– Я также стажировался в музее в летние месяцы, когда учился в колледже. Я знал доктора Скотта-Карра, он был абсолютно безобидным человеком. – Куратор зыркнул на Кроу, который только что вынул из открытого ящика какую-то вазу. – Эй! Ей не меньше четырехсот лет! Относитесь к ней с уважением!

– Похоже, нам с вами пора выйти отсюда, – заключила Джейн. – Нужно поговорить.

Робинсон бросил встревоженный взгляд на трех детективов, принявшихся за следующий ящик. Он неохотно покинул хранилище и вслед за Риццоли пошел по лестнице, ведущей в галерею первого этажа. Они остановились рядом с египетским залом – над ними возвышался портал, имитирующий вход в гробницу.

– А если точнее, доктор Робинсон, когда вы здесь стажировались? – спросила Джейн.

– Двадцать лет назад, на первом и втором курсах колледжа. Когда Уильям был куратором, он каждое лето старался брать на стажировку одного или двух студентов.

– А почему сейчас у вас нет стажеров?

– В нашем бюджете не хватает средств, чтобы оплачивать их работу. Так что теперь почти невозможно привлечь сюда студентов. А кроме того, молодежь с большим удовольствием берется за полевые работы – там ведь можно быть среди сверстников. И не придется сидеть взаперти в старом пыльном здании.

– Что вы помните о докторе Скотте-Карре?

– Он мне очень нравился, – ответил Робинсон. Воспоминание вызвало мимолетную улыбку на его лице. – Он уже тогда был немного рассеян, но всегда мил и обычно уделял нам много времени. Он с самого начала возложил на меня большую ответственность, так что я смог очень многому научиться. Как нигде. Даже несмотря на то, что для меня это закончилось разочарованием.

– Почему?

– У меня были слишком большие надежды. Я думал, что смогу получить такую же работу, когда закончу колледж.

– Но не получили ее?

Он покачал головой:

– В результате я стал наемной лопатой.

– Что это значит?

– Археолог-контрактник. В наше время это почти единственная работа, на которую может рассчитывать археолог, недавно закончивший учебу. Это называется «управлением культурным наследием». Я работал на стройплощадках и военных базах. Делал пробные раскопы, искал признаки исторической ценности, а затем уступал место бульдозерам. Такая работа подходит лишь для молодежи. Больших денег она не приносит, постоянно приходится кочевать с места на место, да к тому же вечно болят колени и

спина. Поэтому, когда три года назад Саймон по телефону предложил мне это место, я был счастлив отставить лопату в сторону, пусть даже сейчас я получаю меньше, чем за работу в поле. Этим, кстати, и объясняется, что после смерти доктора Скотта-Карра должность куратора так долго оставалась незанятой.

– А разве музей может обойтись без куратора?

– Представьте себе. Если балом правит какая-нибудь госпожа Виллебрандт. При ней одни и те же экспонаты годами пылились в одних и тех же выставочных шкафах. – Бросив взгляд на стойку приемной, Робинсон понизил голос до шепота: – И знаете что? Она ничуть не переменилась с того времени, когда я был практикантом. Эта женщина родилась старухой.

Джейн услышала глухой стук шагов и, обернувшись, увидела Фроста, который устало поднимался по лестнице из цоколя.

– Риццоли, тебе нужно спуститься и взглянуть на это.

– Что вы нашли?

– Мы не знаем.

Вслед за Фростом Джейн и Робинсон снова направились в подземное хранилище. На полу, в том месте, где детективы осматривали содержимое еще нескольких ящиков, валялась деревянная стружка.

– Мы пытались снять вон тот ящик, и я оперся о стену, – пояснил детектив Трипп. – А она вроде как подалась немного. И потом я заметил вот это. – Он указал на кирпичную кладку. – Кроу, посвети туда фонариком, чтобы Риццоли было видно.

Джейн нахмурилась, когда Кроу направил луч света на стену. Она и впрямь выглядела слегка выгнувшейся. Один из кирпичей выпал, но сквозь эту брешь Джейн видела лишь сплошную тьму.

– Там внутри полно места, – добавил Кроу. – Когда я свечу туда фонариком, я даже заднюю стену не вижу.

Джейн обернулась к Робинсону:

– Что находится за этой кладкой?

– Понятия не имею, – пробормотал куратор, в недоумении разглядывая выгнувшуюся кладку. – Я всегда полагал, что эти стены очень прочные. Но ведь здание такое старое.

– Сколько ему лет?

– По крайней мере сто пятьдесят. Так сказал сантехник, который приходил ремонтировать туалет. Понимаете, когда-то этот дом был их семейной резиденцией.

– Криспинов?

– Ну да. Они жили здесь в середине девятнадцатого века, а потом все семейство переехало в Бруклайн, в новый дом. И тогда это здание превратили в музей.

– Куда выходит эта стена? – спросил Фрост.

Робинсон немного подумал.

– Она выходит на улицу.

– Значит, за ней не может быть другого здания?

– Нет, там должен быть тротуар.

– Давайте вынем несколько кирпичей, – предложила Джейн, – и посмотрим, что там, с другой стороны.

Лицо Робинсона приобрело встревоженное выражение...

– Если вы начнете вынимать кирпичи, все развалится.

– Но эта стена явно не несущая, – возразил Трипп. – Иначе она уже давно рухнула бы.

– Я требую, чтобы вы немедленно прекратили все это, – не унимался Робинсон. – Прежде чем вы двинетесь дальше, я должен поговорить с Саймоном.

– Так почему бы вам не позвонить ему прямо сейчас? – спросила Джейн.

Пока куратор удалялся, ни один из четырех детективов не шевельнулся – такая живая картина, знаменовавшая уход одного из действующих лиц. Как только дверь за Робинсоном закрылась, Джейн снова сосредоточила внимание на стене.

– Нижние кирпичи даже раствором не скрепили. Просто сложили один на другой.

– Тогда на чем же держится эта стена? – удивился Фрост.

Джейн осторожно вытащила один из незакрепленных кирпичей, хотя почти не сомневалась, что остальные тут же обрушатся. Однако стена устояла.

Риццоли поглядела на Триппа:

– Что ты об этом думаешь?

– Должно быть, где-то вверху есть связь, удерживающая всю верхнюю треть стены.

– Значит, мы запросто можем вынуть нижние кирпичи, верно?

– Наверняка. Думаю, да.

Джейн нервно усмехнулась:

– Ты меня страшно обнадежил, Трипп.

Пока трое мужчин-детективов стояли рядом и наблюдали, Риццоли осторожно вытащила сначала один незакрепленный кирпич, затем второй.

Она не могла не заметить, как коллеги посторонились, оставив ее один на один со стеной. Несмотря на растущую брешь, конструкция по-прежнему держалась. Заглянув в дыру, Джейн увидела лишь крошечную тьму.

– Дай мне свой фонарик, Кроу.

Тот протянул ей фонарь.

Опустившись на колени, Джейн посветила в пролом. Ей удалось различить шероховатую поверхность противоположной стены, которая находилась всего в нескольких метрах. Риццоли медленно провела по ней лучом света и замерла, наткнувшись на вырезанную в камне нишу. На лицо какого-то человека, смотревшего из тьмы прямо на Джейн.

Она отпрянула, с трудом дыша.

– Что? – спросил Фрост. – Что ты там увидела?

На мгновение Джейн лишилась дара речи. С бьющимся сердцем она безотрывно смотрела на пролом в стене – мрачное окно в камеру, которую ей совсем не хотелось обследовать. Особенно после того, что она увидела во тьме всего минуту назад.

– Риццоли?

Она тяжело сглотнула.

– Думаю, пора звать медэкспертизу.

8

Маура не впервые оказалась в Криспинском музее.

Несколько лет назад, вскоре после переезда в Бостон, она обнаружила упоминание о нем в путеводителе по местным достопримечательностям. Однажды холодным январским днем, в воскресенье, она распахнула парадную дверь музея и переступила его порог, готовясь к состязанию с обычными для выходных посетителями – измученными родителями, волочащими за собой скучающих детишек. Но вместо этого оказалась в притихшем здании, где в приемной обитал один-единственный экскурсовод – пожилая женщина взяла с Мауры плату за вход, после чего и помнить о ней забыла. Доктор Айлз в полном одиночестве прошла одну за другой мрачные галереи, миновала запыленные стеклянные витрины с диковинками, свезенными со всего света, и желтеющими ярлыками, которые выглядели так, будто их сто лет никто не менял. Еле живая топка не могла прогнать стужу из здания, и за все проведенное в музее время Маура так и не сняла пальто и шарф.

Через два часа она вышла из здания. Музей поверг ее в уныние. И не

только он – эта одинокая прогулка словно бы символизировала ее тогдашнюю жизнь. Маура, которая незадолго до того развелась с мужем и очутилась в незнакомом городе совсем одна, без друзей, казалась неприкаянной странницей на фоне мрачного, холодного пейзажа – ее не просто не встречали, о ее существовании будто бы никто и не знал.

С тех пор она больше не возвращалась в Криспинский музей. До сегодняшнего дня.

Переступив порог здания и снова вдохнув запах старины, Маура внезапно почувствовала приступ того же самого уныния. И хотя она не была здесь уже несколько лет, тоска того январского дня снова тяжестью повисла на плечах, напоминая, что на самом деле ее жизнь с тех пор не слишком-то изменилась. Пусть теперь она влюблена, но все равно бродит одна по воскресеньям... в особенности по воскресеньям.

Однако сегодня нужно было сконцентрироваться на служебных обязанностях, и Маура вслед за Джейн спустилась вниз по лестнице в хранилище, в цокольный этаж. К этому времени детективы расширили отверстие в стене настолько, чтобы Маура могла протиснуться в него. Она остановилась у входа в камеру и, нахмурившись, оглядела гору вынутых кирпичей.

– А туда не опасно входить? Вы уверены, что стена не обрушится? – осведомилась она.

– Сверху ее удерживает крестовая связь, – объяснила Джейн. – Все сделано так, чтобы стена выглядела сплошной, но, думаю, когда-то здесь была дверь, ведущая в потайную комнату.

– Потайную? Для каких целей?

– Может, для хранения ценностей? Для складирования выпивки во время «сухого закона»? Кто знает? Даже Саймон Криспин понятия не имеет, для чего предназначалось это помещение.

– А он знал о его существовании?

– Он говорит, что, когда был ребенком, слышал о некоем подземном ходе, соединявшем это здание с другим, расположенным напротив. Но эта камера никуда не ведет. – Джейн протянула Мауре фонарик. – Ты первая, – добавила она. – Я пойду следом.

Доктор Айлз опустила на корточки возле дыры. Она чувствовала на себе взгляды детективов, которые молча наблюдали за ней, ожидая реакции. То, что таилось в этой камере, встревожило полицейских; их молчание отбивало у Мауры охоту действовать. Она пока еще ничего не видела, но прекрасно знала: во тьме ее ждет нечто омерзительное, долго лежавшее в этой камере с мерзлым вонючим воздухом. Опустившись на

колени, Маура пролезла в дыру.

За стеной обнаружилось помещение, где она с трудом смогла встать в полный рост. Вытянув руку перед собой, Маура ничего не нащупала. Она включила фонарик.

Перед ней мелькнула чья-то отрезанная голова.

Громко втянув воздух, Маура в ужасе отпрянула, натолкнувшись на Джейн, которая только что заползла в камеру вслед за ней.

– Я так понимаю, ты их увидела.

– Их?

Джейн включила свой фонарик.

– Одна прямо здесь. – Луч упал на ту голову, которую только что узрела Маура. – Вторая – вот здесь. – Сместившись, луч оказался на второй нише, где находилась другая, невероятно усохшая голова. – И наконец, третья – вот тут. – Джейн направила фонарик на выступ прямо над Маурой. Сморщенное лицо обрамлял каскад блестящих черных волос. Губы скрепляли грубые стежки – словно кто-то приговорил их к вечному молчанию.

– Скажи мне, что это ненастоящие головы, – тихо взмолилась Джейн. – Пожалуйста.

Маура полезла в карман за перчатками. Ее руки озябли, стали неловкими, потому в темноте она с трудом смогла натянуть на пальцы латекс. Джейн направила луч света на выступ, и Маура осторожно сняла голову с каменной полки. Та оказалась удивительно легкой и запросто умещалась на ладони. Копна волос ничем не была скреплена, и Маура вздрогнула, когда шелковистые пряди коснулись ее оголенной руки. «Это не просто нейлон, – решила она, – это настоящие волосы. Человеческие волосы».

Маура нервно сглотнула.

– Думаю, это тцантца.

– Чего-о?

– Усохшая голова. – Маура поглядела на Джейн. – Похоже, настоящая.

– А они могут быть старинными? Ну, например, древними экспонатами, привезенными из Африки?

– Из Южной Америки.

– Без разницы. Они могут относиться к старому собранию?

– Могут. – Во мраке Маура бросила взгляд на Джейн. – А могут оказаться современными.

Служители музея разглядывали три усохшие головы, лежавшие на

столе музейной лаборатории. Безжалостный свет ярких ламп выделял каждую их деталь – от пушистых ресниц до замысловатого плетения хлопковой нити, скреплявшей губы. Две головы были увенчаны длинными, черными как смоль волосами. На третьей красовалась грубоватая короткая стрижка, выглядевшая так, словно на кукольную головку кто-то надел слишком большой женский парик. Тцантцы и в самом деле были такие маленькие, что, если бы не брови и ресницы, выглядевшие абсолютно настоящими, их запросто можно было принять за резиновые сувениры.

– Ума не приложу, с чего вдруг они оказались за той стеной, – пробормотал Саймон. – И как они там очутились.

– Это здание полно тайн, доктор Айлз, – заметила Дебби Дьюк. – Как только мы начинаем обновлять проводку и чинить сантехнику, рабочие обязательно находят что-нибудь новенькое. Какое-нибудь замурованное помещение или коридор, который совершенно не использовался. – Дебби бросила взгляд на Робинсона, стоявшего по другую сторону стола. – Помнишь, какой ужас был в прошлом месяце, после удара молнии, а? Электрику пришлось разломать полстены на третьем этаже, чтобы выяснить, как идет проводка. Николас? Николас?

Пристально разглядывавший головы куратор поднял взгляд лишь после того, как услышал свое имя.

– Да, в этом здании есть нечто загадочное, – согласился он. И тихо добавил: – Я вот думаю: а что еще мы до сих пор не обнаружили за его стенами?

– Так, значит, эти штуки настоящие? – спросила Джейн. – Это и правда усушенные человеческие головы?

– Вне всякого сомнения, настоящие, – отозвался Николас. – Сложность в том...

– В чем?

– Мы с Джозефиной просмотрели все инвентарные книги, какие смогли найти. Если верить каталогам, в собрании нашего музея и вправду имеются тцантцы. Они появились в тысяча восемьсот девяносто восьмом году – именно тогда доктор Стенли Криспин привез их из путешествия по бассейну Верхней Амазонки. – Робинсон поглядел на Саймона. – Он твой дед, я полагаю.

Саймон кивнул:

– Я слышал, что они были в нашем собрании. Но никогда не знал, что с ними стало.

– Куратор, служивший здесь в восемьсот девяностые, описал их следующим образом. – Робинсон перевернул несколько страниц

инвентарной книги. – «Трофейные головы, традиционные для индейцев-хиваро, обе в прекрасном состоянии».

Поняв смысл этого описания, Маура взглянула на Робинсона:

– Вы сказали «обе»?

Тот кивнул:

– Если верить записям, в нашем собрании их всего две.

– А могла ли третья появиться позже, но так и не попасть в документы?

– Разумеется. Это одна из проблем, с которыми мне приходится бороться, – неполная документация. Вот почему я принялся за инвентаризацию – хотел наконец понять, что именно у нас есть.

Маура, нахмурившись, оглядела три усохшие головы:

– Значит, теперь вопрос в том, какая именно появилась позже. И как давно она здесь.

– Я ставлю на то, что новая – эта. – Джейн показала на голову с остриженными волосами. – Могу поклясться – сегодня утром я видела точно такую же прическу у официантки в кофейне.

– Во-первых, по внешнему виду почти невозможно определить, какого пола тцантца, женского или мужского, – возразил Робинсон. – Во-вторых, при усыхании черты лица искажаются, и представители обоих полов выглядят одинаково. Они необычные, но прическа сама по себе ни о чем нам не говорит.

– Тогда каким образом можно отличить традиционную усохшую голову от современной подделки? – поинтересовалась Маура.

– Вы позволите мне взять их в руки? – осведомился Робинсон.

– Да, конечно.

Подойдя к шкафу, он вынул перчатки и принялся тщательно натягивать их с видом хирурга, готовящегося к сложной операции. «Этот человек был бы дотошным в любой профессии», – решила Маура. Среди ее однокурсников в медицинском колледже никто не был так требователен к себе, как Николас Робинсон.

– Сначала, – сказал он, – я должен объяснить, что такое на самом деле тцантцы индейцев-хиваро. Они были предметом моего особого интереса, так что я немного знаю о них. Индейцы-хиваро жили вдоль границы между Эквадором и Перу и регулярно совершали набеги на племена своих сородичей. Воины всегда забирали чьи-нибудь головы – мужские, женские, детские.

– А зачем забирать головы? – поинтересовалась Джейн.

– Это связано с их представлениями о духе. Они верили, что человек

может обладать тремя разными видами духа. Есть обычный дух – он дается каждому при рождении. А есть дух древнего видения – его можно заслужить, если совершить определенные обряды. Этот дух дает особую силу. Если того, кто заслужил дух древнего видения, убивают, он переходит на следующую ступень трансформации – становится духом мщения, который будет преследовать своего убийцу. Единственный способ не позволить этому духу жестоко покарать обидчика – отрезать голову и сделать из нее тцантцу.

– А как сделать тцантцу? – Джейн бросила взгляд на три головки, по размеру больше подходящие для кукол. – Я вообще не понимаю, как можно до такой степени уменьшить человеческую голову.

– Описания этого процесса достаточно противоречивы, но в трех основных этапах большинство свидетельств совпадают. Из-за тропического климата процесс начинался сразу же после наступления смерти. Сначала вы берете отрубленную голову и одним прямым разрезом рассекаете кожу от темени до основания шеи. Затем отделяете кожу от кости. В действительности, она отходит довольно-таки легко.

Маура посмотрела на Джейн:

– Ты видела – на вскрытиях я делаю почти то же самое. Но мой надрез пересекает темя, он идет от уха до уха.

– Ага, в этот момент меня всегда начинает тошнить, – отозвалась Джейн. – Особенно когда ты откидываешь кожу на лицо.

– О да. Лицо, – продолжил Робинсон. – Хиваро отделяли и его. Это требует умения, но лицо отделялось вместе со всей кожей головы, одним куском. В результате у нас получается маска из человеческой кожи. Хиваро выворачивали ее наизнанку и начисто выскабливали. Затем зашивали веки. – Взяв в руки одну из голов, он указал на едва заметные стежки. – Смотрите, как тонко это сделано, ресницы по-прежнему выглядят абсолютно естественно. Это по-настоящему искусная работа.

«Неужели в его голосе и вправду промелькнула нотка восхищения?» – удивилась доктор Айлз. Похоже, Робинсон не заметил, как Джейн и Маура обменялись тревожными взглядами; он полностью сосредоточился на ремесле, превратившем человеческую кожу в археологическую диковинку.

Робинсон перевернул тцантцу, чтобы взглянуть на шею, которая превратилась в небольшую кожаную трубку. По задней части шеи и головы шли грубые стежки, которые почти полностью скрывались под густыми волосами.

– После снятия с черепа, – продолжал куратор, – кожу помещали в разбавленный водой сок растений и томили на медленном огне, чтобы

растопить оставшийся жир. Когда последние частички плоти и жира удаляли, кожа выворачивалась на правильную сторону, и, как видите, затылочный надрез зашивался. Губы скреплялись при помощи трех заостренных деревянных стержней. Ноздри и уши затыкались хлопком. Таким образом получался мягкий кожаный карман, в который хиваро засовывали горячие камни и песок – чтобы высушить его. Затем они натирали этот «карман» углем и коптили, пока он не становился похожим на выделанную кожу животных. Весь процесс занимал не так много времени. Возможно, не более недели.

– И что они делали с ним потом? – спросила Джейн.

– С обработанными трофеями хиваро возвращались домой, в свое племя, и устраивали праздник с ритуальными танцами. Тцантцы носили вместо ожерелья – воины подвешивали их на тесемку и надевали на шею. Спустя год отмечался еще один праздник – духи убитых передавали воинам свою силу. И наконец через месяц племя снова затевало торжество. Именно в этот день тцантцы доделывались. Из губ вынимали деревянные стержни, в отверстия продевали хлопковую нить, а затем сплетали ее. Потом вешали на уши украшения. С этого момента головы использовались для похвальбы. Если воин хотел продемонстрировать свою мужественность, он надевал на шею тцантцы.

Джейн потрясенно усмехнулась:

– Почти как нынешние парни со своими золотыми цепочками. И зачем всем этим мачо побрякушки?!

Маура изучила все тцантцы, лежавшие на столе. По размеру они были похожи. Губы каждой были соединены сплетенными нитями, а веки – аккуратно зашиты.

– Боюсь, я не могу уловить разницу между этими тремя головами. По мне, они сделаны одинаково искусно.

– Верно, – согласился Робинсон. – Но все-таки одно существенное отличие есть. И я имею в виду не стрижку. – Он повернулся к Джозефине, которая молча стояла у изножья стола. – Ты понимаешь, о чем я?

Доктор Пульчилло заколебалась – ей очень не хотелось приближаться. В конце концов она надела перчатки и подошла поближе. По очереди приподнимая тцантцы, она принялась разглядывать их под ярким светом. Наконец Джозефина выбрала голову с длинными волосами; в ушах у этого экземпляра болтались украшения из крыльев зеленого жука.

– Ее сделали не хиваро, – объявила она.

Робинсон кивнул:

– Согласен.

– Из-за сережек? – спросила Маура.

– Нет. Такие серьги традиционны для этих племен, – возразил Робинсон.

– Тогда почему же вы выбрали именно эту, доктор Пульчилло? – удивилась Маура. – Она ведь почти не отличается от двух других.

Доктор Пульчилло просто смотрела вниз, на выбранную голову; черные кудри Джозефины рассыпались по плечам – пряди были такими же блестящими и темными, как волосы тцантцы, и до ужаса похожими на них – казалось, приложи одни локоны к другим, и отличить будет невозможно. На мгновение Мауру посетило тревожное чувство, будто она смотрит на одну и ту же голову – до процедуры и после. Джозефина живая – Джозефина мертвая. Может, именно поэтому молодой женщине так не хотелось дотрагиваться до артефакта? Неужели в этих усохших чертах она узнает себя?

– Из-за губ, – проговорила Джозефина.

Маура покачала головой:

– Я не вижу разницы. У всех трех тцантц губы защиты хлопковой нитью.

– Это связано с ритуалом хиваро. С ритуалом, о котором рассказывал Николас.

– С какой его частью?

– С той, когда деревянные колышки вынимались из губ, а в оставшиеся отверстия просовывали хлопковую веревку.

– У всех трех есть хлопковая нитка.

– Да, но она не должна оказаться там до третьего праздника. Раньше чем через год с лишним после убийства.

– Она абсолютно права, – вмешался Николас. Робинсон явно был доволен, что его юная коллега уловила ту деталь, которую он имел в виду. – Колышки в губах, доктор Айлз! Если они целый год находятся на одном месте, после них остаются широкие отверстия.

Маура внимательно оглядела лежавшие на столе тцантцы. У двух из них на губах виднелись большие дыры. А у третьей – нет.

– Эту колышками не прокалывали, – продолжал Робинсон. – Ее губы сшили сразу после удаления головы. Эту сделали не хиваро. Тот, кто ее обрабатывал, решил сократить ритуал. Возможно, он не знал, как это должно происходить. А может, просто хотел продать свою поделку туристам или выменять на что-нибудь. Но этот образец – не традиционная тцантца.

– Тогда откуда она взялась? – спросила Маура.

Робинсон помедлил с ответом.

– Не могу сказать. Знаю только одно: эта голова не имеет отношения к хиваро.

Маура взяла выбранную тцантцу в свои обтянутые перчатками руки. Ей уже приходилось держать на ладонях отрубленные человеческие головы, но эта, лишенная черепа, казалась удивительно легкой – всего-навсего сухая кожа и волосы.

– Мы даже не сможем установить пол этого образца, – снова заговорил Робинсон. – Впрочем, несмотря на искажения, его черты представляются мне женскими. Для мужских они слишком нежные.

– Согласна, – отозвалась Маура.

– А как насчет цвета кожи? – поинтересовалась Джейн. – Мы сможем определить расу?

– Нет, – ответил Робинсон. – Во время усыхания кожа темнеет. В данном случае речь вполне может идти о европеоиде. А без черепа, без зубов, с которых можно было бы сделать рентгеновский снимок, нельзя сказать, сколько этому экземпляру лет.

Маура перевернула тцантцу и бросила взгляд на шейное отверстие. Удивительно было видеть пустое пространство там, где обычно располагаются хрящи и мышцы, трахея и пищевод. Шея наполовину спала, так что темная внутренняя полость была практически не видна. Внезапно доктор Айлз подумала о недавно проведенном вскрытии Госпожи Икс. Перед ней снова всплыла та картинка: усохшая ротовая полость, металлический блеск в горле мумии... И Маура вспомнила, как она была потрясена, увидев сувенирный картуш. Может, на этот раз убийца тоже поместил какую-нибудь улику в останки своей жертвы?

– Можно мне еще немного света? – попросила она.

Джозефина повернула к ней увеличительную лампу, и Маура направила луч в шейное отверстие. Сквозь узкую щель она с трудом различила какой-то светлый клубок.

– Похоже на бумагу, – заметила она.

– В этом нет ничего необычного, – отозвался Робинсон. – Иногда внутрь засовывали мятые газеты, чтобы сохранить форму при перевозке. Если это какая-нибудь южноамериканская пресса, то, по крайней мере, мы сможем узнать что-нибудь о происхождении этого экземпляра.

– У вас есть щипцы?

Отыскав инструмент в одном из выдвижных ящиков, Джозефина передала щипцы доктору Айлз. Маура просунула их в отверстие и ухватила то, что находилось внутри. Затем осторожно потянула и достала мятую

газету. Разглаживая страницу, она заметила, что тексты отпечатаны не на испанском, не на португальском, а на английском языке.

– «Индио дейли ньюз»? – удивленно усмехнулась Джейн. – Это калифорнийская газета.

– И взгляни-ка на дату. – Маура указала на заголовок газеты. – Всего двадцатishестилетней давности.

– Но, возможно, голову все-таки сделали раньше, – вмешался Робинсон. – Вероятно, газету засунули внутрь позднее, для транспортировки.

– Однако мы кое-что выяснили. – Маура подняла взгляд. – Эта голова изначально не входила в собрание музея. Возможно, перед нами останки еще одной жертвы, появившиеся здесь тогда же, когда... – Она запнулась, внезапно глянув на Джозефину.

Доктор Пульчилло побелела как полотно. Маура уже не раз видела, как лица приобретают такой нездоровый оттенок (подобное случалось с молодыми полицейскими, впервые приходившими на вскрытие), а потому знала, о чем это говорит: женщину тошнит, и сейчас она либо помчится к мойке, либо, пошатываясь, побредет к ближайшему стулу. Но Джозефина поступила иначе: она просто повернулась и вышла из лаборатории.

– Я проверю, как она. – Доктор Робинсон стянул перчатки. – Джозефина неважно выглядит.

– Я присмотрю за ней, – вызвался Фрост и вышел из лаборатории вслед за доктором Пульчилло.

Дверь уже захлопнулась, а Робинсон все смотрел вслед полицейскому, видимо размышляя, стоит ли пойти за ним.

– У вас есть документы двадцатishестилетней давности? – спросила Маура. – Доктор Робинсон?

Внезапно поняв, что доктор Айлз зовет его, куратор обернулся:

– Что, простите?

– Двадцатishестилетней давности. Дата газеты. У вас есть документы того времени?

– А! Да, мы нашли инвентарные книги тысяча девятьсот семидесятых и восьмидесятых годов. Но я не помню, чтобы там упоминались тцантцы. Если даже голова поступила к нам в то время, в записях она не значится. – Куратор посмотрел на Саймона. – Ты не помнишь?

Саймон устало покачал головой. Он казался выжатым как лимон, словно за последние полчаса состарился лет на десять.

– Я не знаю, откуда взялась эта голова, – проговорил он. – Понятия не имею, кто и зачем поместил ее за ту стену.

Маура пристально посмотрела на усохшую голову с навечно зашитыми веками и губами и тихо сказала:

– Похоже, кто-то формировал здесь свою собственную коллекцию.

Джозефине страшно хотелось побыть одной, но она так и не смогла придумать благовидного предлога, чтобы отделаться от детектива Фроста. Вслед за Джозефиной он поднялся по лестнице к ее кабинету и теперь, стоя в дверях, с тревогой следил за доктором Пульчилло. У него был спокойный взгляд и доброе лицо, а лохматые светлые волосы напомнили Джозефине о взъерошенных мальчишках-близнецах, которых она частенько видела катающимися с горки на соседней детской площадке. Тем не менее он был полицейским, а полицейские пугали Джозефину. Не стоило уходить из лаборатории так внезапно. Не стоило привлекать к себе внимание. Но взгляд на газету был словно удар кулаком – от него перехватило дыхание и почва ушла из-под ног.

«Индио, штат Калифорния. Двадцать шесть лет назад, – стучало у нее в голове. – Город, где я появилась на свет. Год, когда я родилась».

И снова всплыла эта зловещая связь с прошлым – Джозефина не понимала, как такое возможно. Ей нужно было время, чтобы все обдумать, разобраться, почему в цокольном этаже этого неизвестного музея, куда ее недавно взяли на работу, скрывается столько старых тайных ниточек, тянущихся к ее собственной судьбе. «Будто бы именно моя жизнь, мое прошлое хранится в этом собрании», – думала она. Мысленно Джозефина изо всех сил пыталась найти всему объяснение, но одновременно ей приходилось с улыбкой отвечать на вопросы детектива Фроста, который и не собирался покидать порог ее кабинета.

– Вам уже лучше? – осведомился он.

– В лаборатории у меня немножко закружилась голова. Возможно, понижен сахар в крови. – Джозефина опустила в кресло. – Все-таки нужно было позавтракать сегодня утром.

– Может быть, вам выпить чашечку кофе или еще чего-нибудь? Принести?

– Нет, спасибо. – Джозефина выдавила из себя улыбку, надеясь, что это поможет отослать детектива куда подальше. Но вместо того, чтобы тихо удалиться, Фрост перешагнул порог ее кабинета.

– Эта газета имеет для вас какое-то особое значение? –

поинтересовался детектив.

– Что вы имеете в виду?

– Просто я заметил, вас потрясло, когда доктор Айлз раскрыла ее и мы увидели, что газета калифорнийская.

«Он наблюдал за мной, – пронеслось в голове у Джозефины. – Он и теперь следит за мной».

Сейчас не время демонстрировать, насколько она близка к панике. Если не высовываться, оставаться на заднем плане, играя роль тихой музейной сотрудницы, у полиции не будет причин интересоваться ею.

– Дело не только в газете, – призналась она. – Эта ситуация вызывает ужас сама по себе. То, что в нашем здании находят мертвецов... и их части. Музей для меня – это храм науки. Место для исследований и раздумий. А теперь у меня такое ощущение, будто я работаю в доме ужасов – только и гадай, где обнаружится очередная часть тела.

Детектив сочувственно улыбнулся; мальчишеское выражение лица делало его совсем непохожим на полицейского. Джозефина дала бы ему лет тридцать пять, однако во Фросте было нечто такое, из-за чего он выглядел совсем юным и даже немного наивным. Увидев у него на пальце обручальное кольцо, Джозефина решила: «Еще одна причина не подпускать этого человека ближе чем на расстояние вытянутой руки».

– Честно говоря, мне кажется, здесь и без того жутковато, – заметил Фрост. – У вас там на третьем этаже кости всякие выставлены.

– Этим костям две тысячи лет.

– Разве от этого они становятся менее зловещими?

– Они становятся более ценными с точки зрения истории. Понимаю, это вряд ли что-нибудь меняет. Но со временем мы несколько отстраняемся от смерти, верно ведь? С Госпожой Икс все наоборот – ее мы и вправду могли бы знать лично. – Джозефина запнулась, внезапно похолодев. И тихо добавила: – Иметь дело со старинными останками гораздо проще.

– Полагаю, они больше походят на керамику или статуи.

– Вроде того. – Джозефина улыбнулась. – Чем древнее, тем лучше.

– И вас это увлекает?

– Вы говорите так, будто вам это непонятно.

– Мне просто интересно, какие люди посвящают всю свою жизнь изучению древних костей и керамики.

– «Что такая девушка, как вы, делает в подобном месте?» Это вы хотели спросить?

Фрост рассмеялся:

– Вы ведь здесь самая молодая.

Теперь Джозефина тоже улыбалась, потому что он был прав.

– Связь с прошлым – в этом все дело. Мне нравится, взяв в руки керамический черепок, представлять себе мужчину, вращавшего глину на колесе. И женщину, носившую в этом горшке воду. И ребенка, который однажды уронил и разбил его. История никогда не казалась мне мертвой. Я всегда ощущала пульс жизни в экспонатах, заполнявших музейные шкафы. Это у меня в крови, я впитала это с молоком матери, потому что... – Джозефина осеклась, внезапно поняв, что ступила на опасную территорию.

«Нельзя говорить о прошлом, – пронеслось у нее в голове. – Нельзя говорить о маме».

К счастью, детектив Фрост не обратил внимания на ее запинку. Следующий вопрос полицейского вовсе не касался жизни Джозефины.

– Я знаю, вы тут недолго проработали, – произнес он. – Но все же – вам никогда не казалось, будто в музее что-то не так?

– Что вы имеете в виду?

– Вы сказали, у вас такое ощущение, словно вы работаете в доме ужасов.

– Это фигура речи. Вы ведь можете это понять, верно? После того, что обнаружилось за стеной в цоколе. И после того, как выяснилась правда о Госпоже Икс. – Джозефине показалось, что температура воздуха в ее кондиционированном кабинете понизилась еще сильнее. Она протянула руку, собираясь надеть свитер, который только что повесила на спинку своего кресла. – Но во всяком случае, моя работа вряд ли ужасает так, как ваша. Вы удивляетесь, почему я решила работать с керамикой и старыми костями. А меня удивляет, что такой человек, как вы, решил работать с... ну, с ужасами наших дней. – Подняв взгляд, Джозефина заметила искру беспокойства в глазах детектива, ведь на этот раз вопрос был адресован ему. Человек, привыкший допрашивать других, похоже, не жаждал делиться своей личной информацией.

– Прошу прощения, – проговорила она. – Видимо, я не вправе задавать вопросы. Я должна только отвечать на них.

– Нет, мне просто любопытно, что вы имели в виду.

– А что я имела в виду?

– Когда сказали «такой человек, как вы».

– Ах это... – Джозефина робко улыбнулась. – Просто вы показались мне очень приятным. Добрым.

– А большинство полицейских не такие?

Она вспыхнула:

– Похоже, я продолжаю рыть себе яму, да? На самом деле мне просто

хотелось сделать вам комплимент. Потому что, должна признаться, большинство полицейских наводят на меня страх. – Джозефина опустила взор и стала разглядывать стол. – Думаю, я не одинока в своих чувствах.

Фрост вздохнул:

– Боюсь, вы, скорее всего, правы. Даже несмотря на то, что сам я вряд ли смогу хоть кого-нибудь испугать.

«Однако я боюсь вас, – подумала Джозефина. – Я ведь знаю, что вы можете сделать, если узнаете мою тайну».

– Детектив Фрост? – На пороге кабинета возник Николас Робинсон. – Ваша коллега хочет, чтобы вы спустились вниз.

– А! Хорошо. – Фрост наградил Джозефину улыбкой. – Мы побеседуем в следующий раз, доктор Пульчилло. И все-таки поешьте, что же вы так!

Дождавшись, когда Фрост выйдет из комнаты, Николас спросил:

– Что тут происходит?

– Мы просто болтали, Ник.

– Он детектив. Не думаю, что они могут «просто болтать».

– Но он меня не допрашивал. Ничего такого.

– У тебя какие-то неприятности, Жози? Может, тебе стоит рассказать о них?

Его вопрос насторожил Джозефину, но ей все же удалось сохранить спокойствие.

– С чего ты так решил?

– Ты сама не своя. И не только из-за того, что случилось сегодня. Вчера в коридоре, когда я подошел к тебе сзади, ты аж подпрыгнула.

Джозефина сидела, положив руки на колени, и радовалась, что Николас не видит, как ее пальцы стягиваются в два тугих узла. Они недолго проработали вместе, но за это время куратор необъяснимым образом научился четко улавливать настроение Джозефины, понимать, когда ее стоит рассмешить, а когда женщине нужно побыть одной. Вне всякого сомнения, он и сейчас смекнул, что ей хочется остаться наедине с собой, но отступать не собирался. Это не было похоже на того Николаса, которого она знала, Николаса, который никогда не вмешивался в ее личную жизнь.

– Жози, – не унимался куратор, – может, ты хочешь поговорить о чем-нибудь?

Джозефина печально усмехнулась:

– Похоже, меня убивает то, что я так ужасно просчиталась с Госпожой Икс. И вовремя не поняла, что мы столкнулись с подделкой.

– Этот радиоуглеродный анализ сбил с толку нас обоих. Я ошибался

так же, как ты.

– Но ты ведь не египтолог по образованию. Именно поэтому ты взял меня на работу, а я так напортачила. – Склонив голову, Джозефина принялась массировать виски. – Если бы ты нанял кого-нибудь более опытного, этого не случилось бы.

– Ничего ты не напортачила. Ведь это ты настояла на компьютерной томографии, помнишь? Потому что именно ты не была абсолютно уверена в Госпоже Икс. Только благодаря тебе мы добрались до истины. Так что прекрати казнить себя за это.

– Я подпортила музею репутацию. Ты взял меня на работу, так что я и твою репутацию подпортила.

Робинсон ответил не сразу. Он молча снял очки и протер их носовым платком. Николас всегда носил с собой льняные платки – одна из тех анахроничных привычек, что внушали Джозефине особую симпатию. Порой он напоминал ей холостого джентльмена из давно ушедших, более простодушных времен. Из того прошлого, когда мужчины вставали, если в комнату входила женщина.

– Может, стоит взглянуть на это с другой стороны, – предложил Николас. – Подумай о том, как мы прославились. Теперь весь мир знает, что Криспинский музей существует.

– Только причины у этой славы дурные. О нас узнали как о музее, в цокольном этаже которого хранятся трупы. – Джозефина почувствовала, как из кондиционера вырвалась очередная порция холодного воздуха, и поежилась, даже несмотря на вновь надетый свитер. – Я все время думаю о том, что еще может обнаружиться в этом здании. Вдруг за этим потолком хранится очередная усохшая голова, а за той стеной – новая Госпожа Икс? Как можно сделать такое без ведома куратора? – Джозефина посмотрела на Робинсона. – Наверняка это он, да? Доктор Скотт-Карр. Именно он руководил музеем долгие годы, значит, надо полагать, все происходило с его ведома.

– Я знал Уильяма Скотта-Карра. И мне очень трудно поверить в это.

– А ты действительно близко его знал?

Николас поразмыслил над ее вопросом.

– Теперь я начал задумываться: так ли хорошо мы знали Уильяма? Так ли хорошо мы знаем окружающих? Он ушел из этой жизни тихим и абсолютно простым человеком. На таких, как правило, не обращают внимания.

– А разве не так обычно описывают психопатов, захоронивших у себя в подвале два десятка трупов? «Он был таким тихим и простым».

– Похоже, это универсальное описание. Кстати, оно подходит почти любому, верно? – Николас насмешливо покачал головой. – Включая меня.

Джозефина ехала домой в автобусе, тупо глядя в окно. Говорят, жизнь полна совпадений, так ведь? И ей не раз приходилось слышать рассказы туристов о том, как на парижских улицах им довелось столкнуться с кем-нибудь из соседей. Странное стечение обстоятельств – дело вполне заурядное, и, возможно, в ее жизни произошло именно это.

«Но сегодняшнее совпадение не первое, – думала она. – Сначала имя на картуше. Медея. А теперь еще „Индио дейли ньюз“».

На своей остановке она вышла из автобуса и оказалась в липкой, напоенной влагой жаре. Сверху нависли устрашающе черные тучи, и по пути к дому, слушая раскаты грома, Джозефина чувствовала, как на ее руках дыбятся волоски, словно встревоженные наэлектризованным воздухом. Капли дождя начали падать ей на голову, а когда Джозефина добралась до здания, разразился настоящий тропический ливень. Она помчалась вверх по лестнице в холл и, роняя струи воды, принялась открывать свой почтовый ящик.

Стоило ей вытащить из ящика стопку конвертов, как дверь квартиры 1А открылась и господин Гудвин произнес:

– Мне показалось, я видел, как вы вбежали в дом. Там, на улице, похоже, влажновато?

– Там черт-те что. – Джозефина захлопнула ящик. – Я рада, что сегодня мне больше никуда не нужно идти.

– Утром почтальон принес еще одно. Я решил, что вы захотите его взять.

– Еще одно – что?

– Еще одно письмо, адресованное Джозефине Соммер. Почтальон поинтересовался, как вы отреагировали на предыдущее, и я ответил, что вы его забрали.

Джозефина просмотрела почту, которую только что вынула из ящика, и обнаружила нужный конверт. Адрес был написан той же рукой. А штемпель и на этот раз оказался бостонским.

– Знаете, похоже, эти письма сбили почтальонов с толку, – заметил господин Гудвин. – Наверное, стоит попросить отправителя указывать правильную фамилию.

– Конечно. Спасибо. – Джозефина начала подниматься по лестнице.

– Вы еще не нашли свои ключи? – крикнул ей вслед комендант.

Джозефина ничего не ответила – она вбежала в квартиру и захлопнула

за собой дверь. Затем, бросив всю прочую почту на диван, быстро разорвала конверт, адресованный Джозефине Соммер, и вынула оттуда сложенный лист бумаги. Уставившись на слова: «Национальный парк „Синие Холмы“», Джозефина задумалась: зачем кому-то понадобилось присылать ей ксерокопию карты с пешеходными маршрутами близлежащего заповедника? Потом, перевернув листок, она увидела сделанную чернильной ручкой надпись:

НАЙДИ МЕНЯ.

Ниже стояли цифры:

42 13 06.39
71 04 06.48

Джозефина опустилась на диван, а два чернильных слова продолжали пялиться на нее с листка, упавшего ей на колени. Дождь на улице превратился в непроглядный ливень. Раскаты грома стали слышнее, небо за окном прорезала молния.

НАЙДИ МЕНЯ.

В этой фразе не таилось никакой угрозы, ничто не наводило на мысль, что отправитель письма хочет навредить Джозефине.

Она вспомнила предыдущую записку, полученную несколько дней назад: «Не стоит водить дружбу с полицией». Опять же никакой угрозы – лишь тайный, но разумный совет. Водить дружбу с полицией действительно не стоит, это она уже знала – усвоила еще в четырнадцатилетнем возрасте.

Джозефина взглядела в строчки с цифрами. Всего несколько секунд – и она догадалась, что они означают.

В преддверии грозового шторма вряд ли стоило включать компьютер, но Джозефина все равно загрузила его. Зашла на сайт «Гугл Планета Земля» и ввела две группы цифр – как широту и долготу. Словно по волшебству, карта Массачусетса на мониторе пришла в движение, и в центре оказался лесистый участок земли неподалеку от Бостона.

Это и был парк «Синие Холмы».

Джозефина поняла правильно: цифры действительно оказались координатами, обозначающими конкретное место в заповеднике. Понятно, что она должна отправиться именно туда, но зачем? День и время свидания не указаны. Вряд ли кто-то станет дожидаться ее появления в парке

несколько часов или даже дней. Нет, там должно обнаружиться нечто конкретное. Не человек, а какая-то вещь.

Быстро отыскав в Интернете информацию о парке «Синие Холмы», Джозефина узнала, что он занимает около трех тысяч гектаров к северу от Милтона. Общая протяженность троп, пролегающих по лесам, топям, лугам и болотам, – около двух тысяч километров; там обитают различные виды диких животных, включая змею полосатый гремучник. Да, вот это настоящее приключение! Вероятность встречи с гремучими змеями. Достав с книжной полки карту Бостона и окрестностей, Джозефина разложила ее на журнальном столике. Она принялась разглядывать большой зеленый участок, изображавший парк, размышляя о том, придется ли ей продираться сквозь чащу или шлепать по болоту в поисках... чего? Какого-нибудь предмета? Размером больше хлебницы или меньше?

«И как же я пойму, что оказалась в нужном месте?»

Пришла пора навестить любителя техники.

Джозефина спустилась на первый этаж и постучала в квартиру 1А. На пороге возник господин Гудвин, его защитные очки-лупы сидели на лбу, как вторая пара глаз.

– Скажите, могу я вас кое о чем попросить? – сказала Джозефина.

– Я сейчас очень занят. Это не долго?

Джозефина заглянула за его плечо, в комнату, которую заполняли ожидающие починки приборчики и электронные схемы.

– Я подумываю о покупке джи-пи-эс-навигатора для своей машины. У вас ведь есть такой, правда? С ним легко управляться?

Лицо коменданта мгновенно просветлело. Чтобы осчастливить господина Гудвина, достаточно было лишь задать вопрос о каком-нибудь устройстве, не важно, о каком.

– О, конечно же! Даже и не знаю, что бы я делал без своего навигатора. У меня их целых три. В прошлом году, когда я ездил во Франкфурт навестить дочь, я брал один из них с собой и с его помощью ориентировался, как коренной житель. Мне не нужно было спрашивать дорогу: стоило лишь забить туда адрес – и вперед. Надо было видеть, как мне завидовали прохожие. Некоторые даже останавливали меня на улице, чтобы поближе рассмотреть навигатор.

– С ним тяжело управляться?

– Хотите, покажу? Входите, входите! – Забыв обо всех делах, он повел Джозефину в гостиную. Там господин Гудвин открыл один из ящичков и достал блестящий приборчик, едва ли превосходивший размером колоду карт. – Сейчас я включу его, и вы покрутите его в руках. Моя помощь вам

вообще не понадобится. Достаточно одной лишь интуиции, поверьте, нужно просто следить за меню. Если знаете адрес, навигатор доставит вас прямо к двери. Можно запустить поиск ресторанов, гостиниц. Можно даже сделать так, чтобы он заговорил с вами по-французски.

– Я люблю долгие прогулки. А если я сломаю ногу где-нибудь в лесу? Как узнать, где я?

– То есть как быть, если вам понадобится помощь? Очень просто. Нужно просто набрать девять-один-один на вашем телефоне и сообщить ваши координаты. – Выхватив приборчик из рук Джозефины, господин Гудвин несколько раз надавил на экран. – Видите? Вы находитесь здесь. Широта и долгота. Будь я туристом, никогда бы не стал бродить в глуши без навигатора. Он не менее важен, чем мини-аптечка.

– Ух ты! – Джозефина наградила коменданта подобающе восхищенной улыбкой. – Даже и не знаю, готова ли я раскошиться на такой.

– Может, позаимствуете его на денек? Поиграете с ним. Увидите, это очень просто.

– Правда? Было бы здорово.

– Я же говорил, у меня есть еще два. Потом расскажете, понравилось вам или нет.

– Я буду осторожно с ним обращаться, обещаю.

– Хотите, я пойду с вами? Научу, как им пользоваться?

– Нет, я справлюсь. – Помахав коменданту рукой, Джозефина вышла из квартиры. – Завтра я прихвачу его с собой на небольшую прогулку.

Затормозив на парковке у входа в заповедник, Джозефина отключила двигатель. И немного посидела в машине, разглядывая начало тропы – небольшой проход, врезающийся в полумрак лесной чащи. Если верить сайту «Гугл Планета Земля», к точке с указанными на карте координатами ближе не подъедешь. Пора выйти из машины и двинуться пешком.

Жесточайший ливень кончился накануне вечером, однако с утра в небе по-прежнему висели низкие серые тучи, а воздух казался настолько влажным, что, верилось, его можно было отжать. Джозефина стояла у кромки леса и разглядывала узкую тропинку, исчезающую в густой тени деревьев. Ее охватил озноб – словно затылка коснулось чье-то ледяное дыхание. Джозефине вдруг захотелось снова сесть в машину и заблокировать все двери. Уехать домой, раз и навсегда забыв о полученной

карте. Она боялась бродить по лесу, однако еще больше ее страшило то, что могло бы произойти, если бы она оставила записку без внимания. Тот, кто отправил письмо, мог оказаться ее лучшим другом.

Или самым страшным врагом.

Она посмотрела вверх, и ветки, висевшие над головой, осыпали ее влажными студеными поцелуями. Натянув на голову капюшон куртки, Джозефина двинулась по тропинке.

Дорожка была усеяна яркими, блестящими от дождя поганками. Они наверняка ядовитые, как и все красивые грибы. Это как в той поговорке: «Бывают грибники смелые, бывают наторелые, но наторелых и смелых грибников не сыщешь». На портативном навигаторе начали меняться координаты – по мере того как Джозефина продвигалась вглубь леса, цифры словно бы приноравливались к местности. С этим приборчиком нельзя рассчитывать на идеальную точность. В лучшем случае Джозефина окажется в нескольких десятках метров от того места, где нужно начать поиски. Если это небольшой предмет, как обнаружить его в такой чаще?

Вдалеке прогремел гром – надвигалась очередная буря. Но пока волноваться не о чем, решила Джозефина. Если гроза приблизится, можно отойти подальше от высоких деревьев и засесть на корточках в каком-нибудь овраге. Во всяком случае, так полагается. Дождевые капли стали чаще срываться с листьев, ударяясь о куртку Джозефины. Нейлоновый капюшон заглушал внешние шумы, усиливая звуки ее собственного дыхания и биения крови в венах. Координаты на мониторе навигатора изменялись на ничтожные доли градуса, неспешно приближая Джозефину к цели.

Утро было в самом разгаре, однако казалось, что лес быстро накрывает мгла. Возможно, все дело в сгущавшихся тучах, которые грозили обратить тихий дождичек в ливень. Джозефина ускорила шаг и стала двигаться живее, шлепая по грязи и мокрым листьям. Внезапно она остановилась и хмуро поглядела на приборчик.

Чуть-чуть проскочила. Придется вернуться.

Пройдя немного назад по собственным следам и вновь оказавшись у изгиба тропы, Джозефина вгляделась в чащу. Навигатор велел ей уйти с тропинки. Чуть дальше деревья со спутанными ветвями, казалось, расступались, а за ними проглядывала манящая полянка.

Джозефина сошла с дорожки и, с треском наступая на ветки, принялась подбираться к полянке; она передвигалась шумно и неуклюже, точно слон. Тяжелые ветви больно били по лицу, словно наносили влажные пощечины. Джозефина забралась на упавший ствол и хотела было

спрыгнуть, чтобы продолжить путь, но вдруг посмотрела на землю и замерла – там виднелся отпечаток большого ботинка. Кто-то до нее уже перелезал через это бревно. Кто-то еще пробирался через этот подлесок. Только этот кто-то двигался в другом направлении – в сторону тропы, а не прочь от нее. След не показался Джозефине свежим. Тем не менее она остановилась, чтобы оглядеться. Но увидела лишь поникшие ветви и стволы, покрытые струпами лишайников. Какой человек в здравом уме станет торчать здесь, в лесу, днем и ночью, подстерегая женщину, которая может и не прийти? Женщину, которая могла и не понять, что цифры на карте – координаты.

Собственная логика успокоила Джозефину, она спрыгнула с бревна и продолжила путь, внимательно следя за тем, как медленно меняются цифры на дисплее навигатора. «Близко, – подумала она. – Я почти на месте».

Заросли внезапно поредели, и Джозефина, спотыкаясь, выбралась из леса на полянку. В первый момент при виде большого пространства, заросшего отяжелевшим от влаги высокотравьем с яркими пятнами полевых цветов, она, заморгав, остановилась. И куда теперь? Если верить навигатору, она должна была прийти именно сюда, но кругом не было видно никаких меток, вообще ничего необычного. Обыкновенная поляна, в центре которой росла старая яблоня с корявыми ветвями.

Джозефина двинулась по поляне; ее джинсы, шурша, задевали траву, а сквозь брючины просачивалась влага. Если не считать шума падающих капель, этого дождевого шелеста, кругом стояла зловещая тишина, и только где-то вдали лаяла собака. Джозефина добрела до центра поляны, медленно повернулась, осматривая опушку леса, но не заметила никакого движения, даже взлетающих птиц не было видно.

«И что же, по-твоему, я должна найти?» – подумала она.

Воздух прорезал громовой раскат. Джозефина посмотрела на темнеющее небо. Пора убираться с поляны. Торчать возле одинокого дерева во время грозы было бы верхом безрассудства.

И в этот момент она обратила внимание на яблоню. На то, что висело на вколоченном в ствол гвозде. Частично закрытый веткой предмет висел выше уровня ее глаз, вот почему Джозефина до этого момента не замечала его. Теперь она безотрывно смотрела на то, что болталось на гвозде.

«Мои потерянные ключи», – поняла Джозефина.

Она сняла связку с гвоздя и резко обернулась, лихорадочно оглядывая поляну в поисках человека, который повесил ключи на дерево. Грянул гром. Джозефина помчалась так, словно услышала выстрел стартового пистолета.

Но вовсе не гроза заставила ее стремглав броситься в чащу и рвануть к тропе, продираясь сквозь подлесок, не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветви. Вперед ее гнало увиденное – ключи, висевшие на стволе. Ключи, которые Джозефина крепко сжимала в своей руке, хотя теперь они казались ей чужими. Зараженными.

Когда Джозефина, спотыкаясь, выбралась к началу тропинки, она едва дышала. Теперь ее машина стояла на парковке не одна – рядышком пристроилась чья-то «вольво». Замерзшими и онемевшими руками Джозефина с трудом открыла автомобиль. Оказавшись на водительском сиденье, она заблокировала двери.

«Я в безопасности».

Некоторое время она сидела, тяжело дыша – так, что от дыхания запотело ветровое стекло. Джозефина уставилась на ключи, которые недавно сняла с яблони. Они выглядели точно так же, как раньше, – пять ключиков, висящих на брелоке в форме анха, древнеегипетского символа жизни. Тут были два ключа от квартиры, ключи от машины и ключик от почтового ящика. Кто-то забрал их больше недели назад. «Кто-то мог зайти в квартиру, пока я спала, – подумала Джозефина. – Или выкрасть мою почту. Или порыться в...»

«...моей машине», – стукнуло ей в голову.

Задохнувшись от ужаса, она резко обернулась, ожидая, что сейчас с заднего сиденья на нее набросится какое-нибудь чудовище. Но увидела лишь несколько музейных папок и пустую бутылку из-под воды. Ни чудовища, ни убийцы с топором. Джозефина откинулась на спинку сиденья, но в смешке, вырвавшемся из ее горла, слышалась едва уловимая истерическая нотка.

«Кто-то хочет свести меня с ума, – решила Джозефина. – Они ведь свели с ума маму».

Она сунула ключ в замок зажигания и уже завела было двигатель, но тут ее взгляд застыл на позвякивающем ключе от багажника. Прошлой ночью, пронеслось у нее в голове, машина стояла на улице возле моего дома. Неохраняемая и беззащитная.

Джозефина оглядела парковку. Сквозь запотевшее стекло она увидела приближавшихся владельцев «вольво». Они оказались молодой парой с мальчиком и девочкой, которым было лет по десять. Мальчик вел черного лабрадора. Вернее, это лабрадор вел мальчика – пес тащил его так, что ребенку едва удавалось удерживать поводок.

Присутствие других людей успокоило Джозефину; прихватив ключи, она вышла из машины. Дождь капал на ее непокрытую голову, но она почти

не замечала влаги, стекавшей по шее и пропитывавшей ворот куртки. Джозефина обогнула автомобиль и посмотрела на багажник, пытаясь вспомнить, когда в последний раз открывала его. Наверное, во время еженедельной поездки за продуктами. Она прекрасно помнила стоявшие в багажнике объемистые пластиковые пакеты и то, как она за один раз перетащила их наверх. В багажнике ничего не должно было остаться.

Собака бешено залаяла, а мальчик, державший поводок, заорал:

– Сэм, прекрати! Что такое?

Обернувшись, Джозефина увидела, как мальчик попытался оттащить пса к «вольво», но тот продолжал лаять на Джозефину.

– Простите! – крикнула мама мальчика. – Не знаю, чего это он. – Теперь поводок был у нее в руках, и женщина силой поволокла повизгивавшую собаку к автомобилю.

Джозефина отперла багажник. Крышка приподнялась.

Увидев то, что лежало внутри, Джозефина, задыхаясь, отшатнулась. Дождевые капли мерно били ее по щекам, пропитывали волосы и медленно стекали – так, словно голову гладили чьи-то ледяные пальцы. Пес сорвался с поводка и с бешеным лаем яростно рванул к Джозефине. Затем она услышала детский визг.

– Господи! – закричала мама мальчика и девочки. – Боже мой!

Отец семейства принялся звонить в 911, а потрясенная Джозефина, пошатываясь, подошла к дереву и, опершись спиной о ствол, сползла вниз, на пропитанный дождем мох.

Независимо от времени суток и погодных условий Мауре Айлз всегда удавалось выглядеть элегантно. Брюки у Джейн промокли, с ее волос стекала дождевая вода, и она, дрожа от холода, с легкой завистью наблюдала за тем, как судмедэксперт вылезает из своего черного «лексуса». Прическа Мауры была гладкой и безупречной, волосок к волоску, и даже обыкновенная куртка-дождевик с капюшоном почему-то выглядела на ней стильно. Правда, она и не стояла битый час вместе с Джейн здесь, на парковке, где дождь лил прямо на голову.

Когда Маура проходила оцепление, полицейские почтительно расступались, словно освобождая дорогу королевской особе. Маура и двигалась как королева – с холодной целеустремленностью; она сразу же направилась к «хонде», возле которой ее ждала Джейн.

– А тебе не кажется, что Милтон – не совсем ваша территория? – осведомилась Маура.

– Когда ты увидишь, в чем дело, поймешь, почему они вызвали нас.

– Что-то в машине?

Джейн кивнула:

– Ее хозяйка – Джозефина Пульчилло. Она говорит, что неделю назад у нее пропали ключи, но она считала, что просто сунула их куда-то. Теперь оказалось, что, возможно, их выкрали и похититель получил доступ в машину. Вот каким путем эта штукавина попала в багажник. – Джейн обернулась к «хонде». – Надеюсь, ты готова взглянуть на нее. Потому что мне она точно будет являться в кошмарных снах.

– Я это от тебя уже слышала.

– Ага, но сейчас я говорю абсолютно серьезно.

Ухватившись обтянутыми латексом пальцами за крышку багажника, Джейн подняла ее, и оттуда вырвался запах гнилой кожи. Джейн не раз сталкивалась со зловонием разлагающегося тела, но тут было нечто иное, плотским разложением здесь даже и не пахло. В этой вонии не ощущалось ничего человеческого. Она и вправду никогда в жизни не видела человеческое существо в таком виде, в каком пребывало нечто, свернувшееся клубком в багажнике «хонды».

На мгновение показалось, что Маура потеряла дар речи. Она просто молча глядела на копну спутанных черных волос и лицо, потемневшее до смоляного оттенка. Все складочки на коже, все изгибы обнаженного тела сохранились так, словно были отлиты из бронзы. Как сохранилось и предсмертное выражение перекошенного от ужаса женского лица с разинутым ртом, словно приговоренным к вечному крику.

– Сначала я решила, что она ненастоящая, – призналась Джейн. – Думала, это какой-то хеллоуиновский прикол, который вывешивают, чтобы детишки не совались за угощением. Не настоящее тело, а нечто вроде игрушечного зомби. Ну то есть как можно сотворить с женщиной такое? – Джейн запнулась, переводя дух. – А потом я увидела ее зубы.

Внимательно посмотрев в открытый рот, Маура тихо заметила:

– У нее есть пломбы.

Джейн отвернулась, метнув взгляд на фургон теленовостей, который только что остановился перед полицейским оцеплением.

– Так скажи же мне, док, как женщина может стать вот этим? – выдохнула Риццоли. – Расскажи, как можно превратить труп в хеллоуиновское чудище?

– Не знаю.

Этот ответ удивил Джейн. Она привыкла считать Мауру Айлз специалистом по всем, даже самым невероятным видам умерщвления.

– Такое ведь не сделаешь за неделю, верно? – спросила Джейн. – Может, даже и за месяц не сделаешь. Наверняка нужно много времени, чтобы превратить женщину в такую штуковину.

«Или в мумию», – добавила про себя Риццоли.

Маура поглядела на Джейн:

– А где доктор Пульчилло? Что она говорит об этом?

Джейн указала на дорогу – количество припаркованных там машин неуклонно увеличивалось.

– Она там, сидит в машине вместе с Фростом. Говорит, что понятия не имеет, как труп попал в ее багажник. Последний раз доктор Пульчилло ездила на своей машине несколько дней назад, за продуктами. Если бы тело пролежало в багажнике дольше одного-двух дней, возможно, оно воняло бы еще хуже. Она наверняка ощутила бы запах, даже сидя в машине.

– Ее ключи пропали неделю назад?

– Она знать не знает, как потеряла их. Помнит только, что однажды приехала домой с работы и не обнаружила их в своей сумочке.

– А что она делала здесь?

– Гулять ходила.

– В такой день?

Дождь припустил сильнее, и тяжелые капли застучали по их курткам. Маура закрыла багажник, чтобы больше не смотреть на лежавшую в нем чудовищную находку.

– Что-то с ней не так.

Джейн усмехнулась:

– Ты думаешь?

– Я говорю о погоде.

– Что ж, меня эта погода тоже не радует, но что тут поделаешь?

– Джозефина Пульчилло пришла сюда в такой день одна, чтобы прогуляться?

Джейн кивнула.

– Меня это тоже напрягает. Я спросила ее об этом.

– И что она ответила?

– Что ей захотелось на воздух. И что она любит гулять в одиночестве.

– И очевидно, в грозу. – Обернувшись, Маура взглянула на машину, где сидела Джозефина. – Она ведь привлекательная девушка, как ты думаешь?

– Привлекательная? По-моему, так просто отпадная красотка. Мне придется посадить Фроста на короткий поводок, а то он к ней неровно

дышит.

Хмурясь все сильнее, Маура по-прежнему смотрела в сторону Джозефины.

– Последнее время было много шума по поводу Госпожи Икс. Огромная статья прошла в марте в «Бостон глоуб». За последние несколько недель появлялись и другие новости с фотографиями.

– Ты имеешь в виду фотографии Джозефины?

Маура кивнула:

– Возможно, она подцепила какого-нибудь обожателя.

«Какого-нибудь особенного обожателя, – подумала Джейн. – Того, кто знал, что все это время лежало в цокольном этаже музея. Шум вокруг Госпожи Икс наверняка привлек его внимание. Он, несомненно, читал каждую статью, разглядывал каждую фотографию. Он должен был заметить лицо Джозефины».

Джейн бросила взгляд на багажник, радуясь, что он закрыт и что ей не придется смотреть на несчастную, скорчившуюся в агонии пассажирку.

– Думаю, наш коллекционер решил сообщить нам кое-что. Он говорит, что по-прежнему жив. И охотится за новыми образцами.

– А еще то, что он находится прямо здесь, в Бостоне. – Маура снова обернулась и взглянула на Джозефину. – Ты говорила, что она потеряла ключи. А какие?

– От машины. И от квартиры.

Маура беспокойно вскинула подбородок:

– Это нехорошо.

– Ее замки меняют прямо сейчас, пока мы с тобой разговариваем. Мы уже беседовали с управляющим ее домом и проследим за тем, чтобы она благополучно туда добралась.

У Мауры зазвонил мобильный. Она бросила взгляд на определившийся номер.

– Извини, – проговорила доктор Айлз и отвернулась, чтобы принять звонок.

Джейн заметила, как воровато Маура склонила голову, как ссутулила плечи – будто не хотела, чтобы ее видели во время разговора.

– А как насчет субботнего вечера, ты сможешь? Мы так давно...

Именно этот шепот и выдавал Мауру. Она разговаривала с Дэниелом Брофи, но Джейн не слышала радости в приглушенной беседе, только разочарование.

«А что еще, кроме разочарования, можно ожидать, влюбившись в недоступного мужчину?» – удивилась про себя Риццоли.

Маура закончила разговор тихим обещанием:

– Я тебе перезвоню.

Доктор Айлз снова обернулась к Джейн, но в глаза ей уже не смотрела. Вместо этого она сосредоточила внимание на «хонде». Разговаривать о мертвецах куда проще. В отличие от возлюбленного труп не может причинить страдания, разочаровать, из-за него не станешь проводить вечера в одиночестве.

– Полагаю, багажник будут обследовать криминалисты? – осведомилась Маура, на этот раз совершенно деловым тоном, возвращаясь к роли хладнокровного медицинского эксперта.

– Мы конфискуем этот автомобиль. Когда ты проведешь вскрытие?

– Для начала мне понадобятся предварительные исследования. Рентгеновские снимки, образцы тканей. Прежде чем резать ее, мне необходимо точно выяснить, как ее законсервировали.

– Значит, сегодня вскрытия не будет?

– Оно состоится не раньше будущей недели. Внешне тело выглядит так, будто эта женщина умерла уже давно. Так что еще несколько дней не изменят результатов посмертного исследования. – Маура бросила взгляд в сторону Джозефины. – А что насчет доктора Пульчилло?

– Мы продолжим беседовать с ней. Может, после того, как мы доставим ее домой и она переоденется в сухое, она вспомнит что-нибудь еще.

«Джозефина Пульчилло больна на всю голову», – решила Джейн, стоя вместе с Фростом в квартире молодой женщины и ожидая, пока она выйдет из спальни. Гостиная была обставлена в стиле «голодающая студентка колледжа». Обивку раскладного дивана разодрала когтями какая-то таинственная кошка, а журнальный столик был усеян круглыми следами от кофейных чашек. На книжных полках выстроились учебники и технические журналы, однако Джейн не обнаружила ни фотографий, ни каких-либо сувениров – здесь не было ничего, что могло бы рассказать о личности обитательницы. Заставка на компьютере представляла собой бесконечную череду фотографий с изображениями египетских храмов.

Когда Джозефина в конце концов вышла к ним, ее влажные волосы были затянуты в хвостик. Она надела чистые джинсы и хлопчатобумажный свитер, но даже несмотря на это, казалось, не отогрелась – лицо ее было напряженным, словно каменным. Такие бывают у статуй египетских цариц или каких-нибудь мифических красавиц. Фрост откровенно пялился на нее, словно перед ним стояла богиня. Если бы его жена Элис оказалась здесь,

она наверняка как следует врезала бы ему по голени, и поделом.

«Может, мне стоит выступить от ее лица?» – задумалась Джейн.

– Вам уже лучше, доктор Пульчилло? – спросил Фрост. – Хотите еще повременить или мы можем начать разговор?

– Я готова.

– Может, выпьете чашечку кофе, перед тем как мы начнем?

– Сейчас я приготовлю его для вас. – Джозефина повернулась, собираясь направиться на кухню.

– Нет. Я думал, что это вы хотите выпить кофе. Может быть, вам еще что-нибудь нужно.

– Фрост, – осадила его Джейн, – она только что сказала, что готова поговорить. Почему бы нам не сесть и не начать беседу?

– Я просто хочу, чтобы ей было удобно, вот и все.

Фрост и Джейн устроились на выдавшем виды диване. Риццоли почувствовала, как сквозь подушку в ее тело врезается сломанная пружина. Она сдвинулась с нее, оказавшись довольно далеко от Фроста. Напарники сидели на разных концах дивана, словно отдалившиеся друг от друга супруги на приеме у семейного психолога.

Джозефина опустила в кресло с выражением лица, распознать которое было не проще, чем определить цвет оникса. Ей было всего двадцать шесть, но она невероятно хорошо владела собой – эмоции, которые, возможно, обуревали Джозефину, были надежно заперты внутри. Что-то здесь не так, решила Джейн. Неужели это чувствует только она одна? Фрост, казалось, окончательно утерял свою объективность и беспристрастность.

– Давайте еще раз поговорим о ключах, доктор Пульчилло, – начала Джейн. – Вы сказали, что не видели их больше недели?

– Когда я в прошлую среду приехала домой, мне не удалось найти ключи в своей сумочке. Я решила, что сунула их куда-то на работе, но и там не смогла их найти. Можете спросить об этом у господина Гудвина. Он взял с меня сорок пять долларов за смену ключа от почтового ящика.

– И вы больше не видели утерянную связку ключей?

Джозефина опустила взгляд на свои колени. За этим последовали всего несколько секунд тишины, но этого было достаточно, чтобы привлечь внимание Джейн. Почему простой вопрос заставил ее так задуматься?

– Нет, – отозвалась Джозефина. – Я больше ни разу не видела эти ключи.

– А на работе вы где держите свою сумочку? – поинтересовался Фрост.

– В столе. – Джозефина заметно расслабилась, словно на этот вопрос

ей было проще всего ответить.

– Ваш кабинет запирается на ключ? – Фрост подался вперед, словно боялся упустить хотя бы одно слово, сказанное Джозефиной.

– Нет, я постоянно хожу туда-сюда и поэтому не запираю кабинет на ключ.

– Я полагаю, в музее ведется видеонаблюдение? Можно ли увидеть на записях того, кто входил в ваш кабинет?

– Теоретически.

– Что это значит?

– Наша система видеонаблюдения сломалась три недели назад, и ее до сих пор не починили. – Джозефина пожала плечами. – Финансовые проблемы. Денег всегда не хватает, и мы решили, что публике достаточно просто видеть камеры, это и будет отпугивать воров.

– Значит, любой посетитель музея мог забрести наверх, в ваш кабинет, и взять ключи?

– А из-за этого шума в связи с Госпожой Икс посетителей у нас пруд пруди. Люди наконец узнали, что Криспинский музей существует.

– Почему же вор взял только ключи, а сумочку оставил? – поинтересовалась Джейн. – Из вашего кабинета больше ничего не пропало?

– Нет. По крайней мере, я этого не заметила. А потому ни о чем и не волновалась. Просто посчитала, что ключи где-нибудь выронила. Я даже представить себе не могла, что кто-нибудь решит с их помощью забраться в мою машину. И положить эту... штуку ко мне в багажник.

– Возле вашего дома нет парковки, – заметил Фрост.

Джозефина покачала головой:

– Тут каждый сам за себя. Я, как и все прочие жильцы, оставляю машину на улице. А потому никогда не храню в ней ничего ценного, ведь в автомобили то и дело заезжают. Правда, обычно вещи воруют. – Она вздрогнула. – Воруют, а не подбрасывают их.

– И как охраняется это здание? – спросил Фрост.

– Мы вернемся к этой проблеме буквально через минуту, – прервала его Джейн.

– Кто-то брал ее ключи. Думаю, это должно тревожить нас в первую очередь – то, что у этого кого-то был доступ и в машину, и в квартиру. То, что он, похоже, зациклился на ней. – Фрост повернулся к Джозефине. – Вы не знаете почему?

Она тут же отвела взгляд:

– Нет, представления не имею.

– Может быть, это человек, которого вы знаете? С которым недавно

познакомились?

– Я прожила в Бостоне всего-то пять месяцев.

– А где вы жили до этого? – поинтересовалась Джейн.

– Искала работу в Калифорнии. Я переехала в Бостон, потому что меня взяли в музей.

– У вас есть враги, доктор Пульчилло? Бывшие молодые люди, с которыми вы не ладили?

– Нет.

– Какие-нибудь приятели-археологи, знающие, как сделать из женщины мумию? Или как высушить голову?

– Эти знания доступны большому количеству людей. Для этого не нужно быть археологом.

– Но ведь у вас есть друзья-археологи?

Джозефина пожала плечами:

– У меня не так уж много друзей.

– Почему это?

– Я же сказала, в Бостоне я недавно. Я только в марте приехала.

– Значит, вы не знаете никого, кто мог бы вас преследовать? Украсть ваши ключи? Или запугать вас, положив труп в ваш багажник?

Джозефина впервые утратила хладнокровие, продемонстрировав, что в глубине души, под внешней маской, скрывается страх.

– Нет, не знаю, – прошептала она. – Не знаю, кто все это делает. И почему он выбрал именно меня, тоже не знаю.

Джейн изучающе посмотрела на молодую женщину, с завистью и восхищением разглядывая безупречную кожу, угольно-черные глаза.

«Интересно, каково это – быть такой красавицей? Входя в комнату, чувствовать, что все мужчины смотрят на тебя. Даже те, чьи взгляды тебе неприятны», – подумала Риццоли.

– Надеюсь, вы понимаете, что с этого момента вы должны вести себя гораздо осторожнее? – спросил Фрост.

Джозефина нервно сглотнула:

– Понимаю.

– Вы можете пожить в каком-либо другом месте? Вас отвезти куда-нибудь? – предложил он.

– Я думаю... Думаю, я могла бы на некоторое время уехать из города. – Джозефина выпрямилась; вновь возникший план действий подбодрил ее. – Моя тетя живет в Вермонте. Я побуду у нее.

– А где в Вермонте? Нам нужно знать это, чтобы проверять, как у вас дела.

– В Берлингтоне. Ее зовут Конни Пульчилло. Но вы всегда можете позвонить мне на мобильный.

– Хорошо, – проговорил Фрост. – И я полагаю, вы больше не станете совершать безрассудные поступки вроде прогулок в одиночестве?

Джозефина с трудом выдавила слабую улыбку:

– Я еще не скоро решусь на подобное.

– Знаете, я как раз об этом и хотела вас спросить, – снова заговорила Джейн. – О вашей сегодняшней прогулке.

Улыбка Джозефины угасла, будто она поняла, что Джейн так просто не очаровать.

– Это не очень разумный поступок, я знаю, – призналась Джозефина.

– Дождливый день. Грязные тропинки. Что вы там забыли?

– Я была в парке не одна. Та семья тоже там гуляла.

– Они из другого города, им надо было выгулять собаку.

– Мне тоже нужно было погулять.

– Судя по вашим грязным сапогам, вы там не просто прохаживались.

– Риццоли, на что ты намекаешь? – удивился Фрост.

Джейн не обратила на него внимания; она по-прежнему смотрела на Джозефину.

– Может, вы хотите рассказать нам что-нибудь еще, доктор Пульчилло? Например, о том, почему вы оказались в парке «Синие Холмы». Причем в четверг утром, когда, я полагаю, вы должны были быть на работе.

– Мне не нужно приходить на работу раньше часа.

– И дождь не помешал вам?

Джозефина напоминала загнанного зверька. «Она меня боится, – решила Джейн. – И почему все это кажется мне странным?»

– Неделя выдалась тяжелая, – пояснила Джозефина. – Мне нужно было пойти куда-нибудь, просто подумать обо всем. Я слышала, что в этом парке приятно прогуляться, вот и поехала туда. – Она выпрямилась. Теперь ее голос звучал громче, увереннее: – Вот и все, детектив. Прогулка. Разве это запрещено законом?

На мгновение взгляды двух женщин встретились. И этот момент сбил Джейн с толку – она не понимала, что на самом деле здесь происходит.

– Законом это не запрещено, – ответил Фрост. – И я думаю, мы вас сегодня достаточно помучили.

Джейн заметила, как Джозефина внезапно отвела глаза. И подумала: «Нет, мы помучили ее недостаточно».

– Кто назначил тебя добрым полицейским? – спросила Джейн, пока Фрост забирался к ней в «субару».

– Что ты имеешь в виду?

– Ты с таким обожанием пялился на Пульчилло, что мне пришлось изображать из себя злого полицейского.

– Понятия не имею, о чем ты.

– «Приготовить вам чашечку кофе?» – Джейн фыркнула. – Ты кто – детектив или дворецкий?

– И что за проблема? Бедная женщина запугана до смерти. У нее украли ключи, ей в багажник подложили труп, да еще мы конфисковали машину. Не кажется ли тебе, что человек в таком положении заслуживает сочувствия? Ты обращалась с ней как с подозреваемой.

– Сочувствия? Это ты ей так сочувствовал? А я ждала, что ты вот-вот пригласишь ее на свидание.

За все время их совместной работы Джейн ни разу не видела, чтобы Фрост по-настоящему злился на нее. Поэтому, заметив ярость, которая внезапно вспыхнула в его глазах, она не на шутку встревожилась, даже почти испугалась.

– Ты меня задолбала, Риццоли!

– Эй!

– У тебя серьезные проблемы, ты знаешь об этом? Что тебя так раздражает? То, что она красивая?

– Она какая-то странная. Мне кажется, здесь что-то не так.

– Она напугана. Ее жизнь только что перевернулась вверх дном. Будешь тут странной.

– И тут появляешься ты и спасаешь ее.

– Я стараюсь быть приличным человеком.

– Скажи еще, что вел бы себя так же, если бы она была лошадь страшная.

– Внешность тут ни при чем. Почему ты все время намекаешь, что у меня есть другие мотивы?

Джейн вздохнула:

– Слушай, я просто пытаюсь удержать тебя от беды, а? Я мама-медведица^[8], которая выполняет свой долг и оберегает тебя. – Она вставила ключ в замок зажигания и завела двигатель. – Так когда же Элис вернется домой? Не слишком ли долго она навещает родителей?

Фрост с подозрением посмотрел на Джейн:

– А чего это ты спрашиваешь об Элис?

– Ее нет вот уже несколько недель. Не пора ли ей вернуться домой?

В ответ на эту фразу Фрост фыркнул:

– Джейн Риццоли, консультант по вопросам брака. Знаешь, меня это возмущает.

– Что?

– Что ты считаешь, будто я решил пойти налево.

Джейн отъехала от обочины и влилась в поток машин.

– Да нет, просто подумала, мне нужно хоть что-то сказать. Я изо всех сил стараюсь отвести беду.

– Да, с твоим папой эта стратегия сработала просто замечательно. Он хоть разговаривает с тобой теперь или ты его окончательно достала?

При упоминании об отце пальцы Джейн мертвой хваткой вцепились в руль. После тридцати одного года семейной жизни, которая казалась счастливой, Фрэнк Риццоли внезапно заинтересовался дешевыми блондинками. Семь месяцев назад он ушел от матери Джейн.

– Я сказала ему все, что думаю о его девице.

Фрост рассмеялся:

– Ага. А потом попыталась избить ее.

– Я ее не била. Мы с ней просто побеседовали.

– Ты пыталась ее арестовать.

– А нужно было арестовать его – за то, что вел себя как великовозрастный идиот! Мне чертовски стыдно за него. – Джейн мрачно уставилась на дорогу. – А теперь еще мама изо всех сил старается меня опозорить.

– Из-за того, что у нее свидания? – Фрост покачал головой. – Вот видишь! Черт возьми, ты такая критиканша, что в конце концов и ее достанешь.

– Она ведет себя как подросток.

– Твой папа бросил ее, и теперь она встречается с другим. И что? Корсак – хороший парень, пусть у нее будет хоть немного радости.

– Мы говорили не о моих родителях. Мы говорили о Джозефине.

– Это ты о ней говорила.

– Что-то в ней меня очень напрягает. Ты заметил, что она почти не смотрит нам в глаза? Мне кажется, ей не терпелось выпроводить нас за дверь.

– Она ответила на все наши вопросы. А что еще ты хотела?

– Она нам не все выложила. Что-то она скрывает.

– Что, например?
– Не знаю. – Джейн глядела вперед, не сводя глаз с дороги. – Но узнать побольше о докторе Пульчилло будет нелишне.

Сквозь выходявшее на улицу окно Джозефина проследила за тем, как два детектива сели в машину и уехали. И только после этого, открыв свою сумочку, вынула оттуда ключи на брелоке-анхе, которые сняла с яблони. Она не рассказала полицейским о том, что эти ключи ей вернули. Если бы она упомянула об этом, ей пришлось бы сообщить о записке, которая привела ее туда, о записке, адресованной Джозефине Соммер. А о фамилии Соммер они не должны узнать ни в коем случае.

Джозефина Пульчилло собрала все записки и конверты, адресованные Джозефине Соммер, и разорвала их; вместе с ними она с удовольствием оторвала бы и тот период своей жизни, который пыталась забыть все эти годы. Несмотря на все ее попытки спастись бегством, прошлое все-таки сумело настичь Джозефину, и оно навсегда останется частью ее личности. Она отнесла изорванные клочки бумаги в ванную и спустила их в унитаз.

Ей придется уехать из Бостона.

Сейчас будет разумно покинуть город. Полиция знает, что она напугана сегодняшними событиями, так что ее отъезд не вызовет никаких подозрений. Возможно, потом они станут задавать вопросы, разыскивать документы, но сейчас им не с чего интересоваться ее прошлым. Они будут считать, что она та, за кого себя выдает: тихая и скромная Джозефина Пульчилло, которая, учась в колледже и аспирантуре, работала официанткой в коктейльном баре «Голубая звезда». Все это правда. Все это легко проверяется. Если, конечно, не рыть дальше, не углубляться в прошлое. Пока она не подаст полицейским повода, они не всполошатся. Джозефина Пульчилло может ускользнуть из Бостона, и никто ничего не заподозрит.

«Но я не хочу уезжать из Бостона», – мелькнула у нее мысль.

Из окна Джозефина оглядела округу, с которой уже сроднилась. Грозовые тучи уступили место проблескам света; омытые дождем тротуары заблестели под солнцем, как новенькие. Когда она приехала сюда в марте, чтобы поступить на работу, эти улицы казались ей чужими. Джозефина с трудом шла навстречу ледяному ветру, считая, что долго здесь не продержится, что она, как и ее мама, теплолюбивое создание, рожденное для жаркой пустыни, а не для климата Новой Англии. Но однажды апрельским днем, после того как сошел снег, она прошла по Общинному парку, мимо деревьев с набухшими почками, мимо цветущих золотистых

нарциссов, и вдруг поняла, что здесь она на своем месте. Что в городе, где каждый кирпич, каждый булыжник, казалось, отдает эхом истории, она чувствует себя как дома. Шагая по булыжникам Маячного холма, она будто бы слышала стук лошадиных копыт и грохот экипажей. А стоя на пирсе Длинной верфи, воображала крики торговцев рыбой и смех моряков. Как и ее мама, Джозефина всегда больше интересовалась прошлым, нежели настоящим, а в этом городе дыхание истории по-прежнему ощущалось.

«Теперь мне придется уехать отсюда. А еще – сменить имя».

Звонок домофона напугал ее. Она подошла к интеркому и, немного помолчав, чтобы перевести дух, нажала на кнопку:

– Да?

– Жози, это Николас. Можно мне подняться?

Джозефина не смогла придумать никакой вежливой отговорки, а потому впустила его. Через мгновение куратор уже стоял в дверях. На его волосах поблескивали дождевые капли; серые глаза, полускрытые запотевшими стеклами очков, сощурились от тревоги.

– У тебя все в порядке? Мы узнали о том, что произошло.

– Откуда?

– Мы ждали, что ты придешь на работу. А потом детектив Кроу сообщил, что случилась большая неприятность. Кто-то залез в твою машину.

– Все гораздо хуже, – возразила она, устало опустившись на диван.

Николас стоял, рассматривая ее, и впервые его взгляд заставил Джозефину нервничать – он наблюдал за ней слишком уж пристально. Внезапно она почувствовала себя такой же незащищенной, как Госпожа Икс, чьи обмотки сняли, выставив напоказ то ужасное, что скрывалось под ними.

– Кто-то взял мои ключи, Ник.

– Те, что ты потеряла?

– Я их не теряла. Их украли.

– Ты хочешь сказать... специально?

– Именно так обычно и воруют.

Заметив его потрясенный взгляд, Джозефина подумала: «Бедняжка Ник! Ты слишком долго возился со своими заплесневевшими древностями и понятия не имеешь, насколько ужасен реальный мир».

– Возможно, это случилось, когда я была на работе.

– О боже!

– На связке не было музейных ключей, так что не стоит об этом беспокоиться. Собрание в безопасности.

– Собрание меня не беспокоит. Меня беспокоишь ты. – Он глубоко вздохнул, словно был пловцом, готовившимся нырнуть глубоко под воду. – Если тебе здесь страшно, Джозефина, ты всегда можешь... – Он вдруг выпрямился и бесстрашно заявил: – В моем доме есть свободная комната. Я буду очень рад, если ты поживешь у меня.

Она улыбнулась:

– Спасибо. Но я хочу на некоторое время уехать из города, так что несколько недель меня на работе не будет. Прости, что бросаю тебя, особенно в такой момент.

– Куда ты поедешь?

– Похоже, пришло время навестить тетушку. Я целый год ее не видела. – Она подошла к окну, чтобы еще раз взглянуть на пейзаж, по которому будет скучать. – Спасибо тебе за все, Николас, – проговорила Джозефина.

«Спасибо, что был мне почти другом, единственным за многие годы», – добавила она про себя.

– Так что же происходит на самом деле? – спросил он. Николас подошел к ней сзади, приблизившись так, что мог прикоснуться, но не сделал этого. Он просто стоял поблизости, тихо и терпеливо, как всегда. – Знаешь, ты можешь довериться мне. Что бы ни случилось.

Внезапно Джозефине захотелось рассказать ему всю правду, выложить все о своем прошлом. Но ей не хотелось видеть его реакцию. Ведь он верил в безобидную выдумку по имени Джозефина Пульчилло. Николас всегда был добр к ней, а лучший способ отплатить ему за добро – сохранить иллюзию и не разочаровывать его.

– Джозефина, ответь, пожалуйста. Что сегодня произошло? – спросил Николас.

– Ты наверняка увидишь это в новостях, – ответила она. – Кто-то открыл моими ключами машину. И оставил кое-что в багажнике.

– Оставил – что?

Джозефина обернулась к нему:

– Еще одну Госпожу Икс.

Джозефина проснулась во второй половине дня от яркого солнца, светившего ей прямо в глаза. Сощурившись, она выглянула в окно автобуса «Грейхаунд»^[9] и увидела пролетающие мимо зеленые поля, окутанные

золотистой дымкой заката. Прошлой ночью она почти не сомкнула глаз, и только в автобусе невероятная усталость взяла-таки над ней верх – Джозефина задремала. Она даже не представляла, где теперь находится, но, судя по времени, автобус уже приближался к границе штатов Массачусетс и Нью-Йорк. Если бы она поехала на своей машине, вся дорога заняла бы у нее только шесть часов. А поездка в автобусе с пересадками в Олбани, Сикаркьюсе и Бингемптоне займет целый день.

Когда Джозефина в конце концов подъехала к последнему пересадочному пункту в Бингемптоне, было уже темно. Она в очередной раз с трудом вышла из автобуса и двинулась к телефону-автомату. Звонки по мобильному можно отследить, так что свой аппарат она отключила еще до отъезда из Бостона. Джозефина полезла в карман за двадцатипятицентовыми монетами и опустила их в прожорливый автомат. А затем услышала все то же приветствие автоответчика, говорившего энергичным женским голосом:

– Скорее всего, я на раскопе. Оставьте свой номер, и я перезвоню.

Джозефина, не произнеся ни слова, повесила трубку. Потом, подтащив два чемодана к следующему автобусу, встала в небольшую очередь ожидавших посадки пассажиров. Разговоров слышно не было, – видимо, окружающие утомились не меньше ее и теперь безропотно ждали продолжения путешествия.

В одиннадцать вечера автобус остановился в городке Уэйверли. Джозефина была единственной пассажиркой, вышедшей на этой станции, и вскоре она в полном одиночестве оказалась у темного пристанционного магазинчика. Даже в таком небольшом городке должна быть служба такси. Она направилась к кабинке телефона-автомата, собираясь опустить в аппарат несколько двадцатипятицентовых монет, но тут увидела, что на прорези для монет приклеена табличка: «Не работает». Еще один удар – финальный для этого тяжелого дня. Глядя на бесполезный телефон, Джозефина внезапно рассмеялась, и этот грубоватый, отчаянный звук эхом огласил пустую парковку. Если не удастся поймать такси, ей придется пройти восемь километров во тьме, волоча за собой два чемодана.

Джозефина поразмыслила, насколько опасно будет включить мобильный. Стоит только раз воспользоваться им, и ее можно будет отследить. «Но я так устала, – подумала она. – Я не знаю, что делать и куда идти. Я торчу в маленьком городке, и единственную местную жительницу, которую я знаю, застать, похоже, невозможно».

На дороге показался свет двух фар.

Машина ехала прямо на нее – патрульный автомобиль с синими

проблесковыми маячками. Джозефина замерла, не зная, как поступить – нырнуть в темноту или продолжить наглую игру в несчастную пассажирку.

Бежать было поздно – полицейская машина уже сворачивала на парковку возле магазинчика. Стекло опустилось, и из автомобиля выглянул молодой патрульный.

– Здравствуйте, мисс. За вами кто-нибудь приедет?

Джозефина откашлялась.

– Я собиралась вызвать такси по телефону.

– Автомат не работает.

– Я только что увидела это.

– Он уже полгода неисправен. Телефонные компании сейчас и не думают чинить автоматы – у всех ведь есть мобильники.

– У меня тоже есть. Я сейчас позвоню по нему.

Некоторое время полицейский просто смотрел на нее – наверняка размышлял, зачем возиться с автоматом, если есть мобильник.

– Мне нужен был справочник, – пояснила она, открывая телефонную книгу, которая висела в кабинке.

– Ладно, я посижу здесь и подожду, пока приедет такси, – заявил он.

Пока они вместе ждали машину, полицейский объяснил, что в прошлом месяце на этой самой парковке произошло неприятное событие с участием молодой дамы.

– Она, как и вы, приехала на одиннадцатичасовом автобусе из Бингемптона, – сказал полицейский.

С тех пор он всегда проезжает мимо и смотрит, не пристает ли кто к молодым дамам. Охранять и помогать – вот его работа, и если бы его собеседница знала, какие ужасные вещи случаются порой даже в таких городках, как Уэйверли, с населением в четыре тысячи шестьсот человек, она ни за что не осмелилась бы стоять в одиночестве возле темного магазинчика.

За время ожидания такси добряга-полицейский так разговорился, что Джозефина начала опасаться: а не решит ли он для продолжения разговора проводить ее домой? Однако патрульный автомобиль направился в другую сторону, и Джозефина, облегченно вздохнув, откинулась на спинку сиденья и стала обдумывать свои последующие действия. Для начала необходимо как следует выспаться в доме, который она считает безопасным. В доме, где ей не придется скрывать свое истинное лицо. Она очень долго жонглировала правдивыми фактами и вымыслом, порой забывая, что в ее жизни действительно было, а что просто выдумка. Стоит только выпить лишнего, допустить небольшую оплошность, и с ее губ может слететь

правда, способная разрушить весь этот карточный домик. Среди студентов, вечно тусовавшихся в университетском общежитии, она одна всегда оставалась трезвой и в любой момент готова была к бессмысленной болтовне, не выдавая при этом ни единого факта из собственной биографии.

«Я устала от такой жизни, – подумала Джозефина. – Устала думать, к чему приведет то или иное слово, еще не сорвавшееся с губ. Сегодня вечером я наконец побуду собой».

Такси остановилось перед большим фермерским домом, и водитель объявил:

– Приехали, мисс. Отнести ваши вещи к двери?

– Нет, я сама справлюсь.

Джозефина заплатила таксисту и двинулась к крыльцу, везя по дорожке свои чемоданы. Там, делая вид, что ищет ключи, она простояла до тех пор, пока такси не уехало прочь. Как только автомобиль скрылся из виду, Джозефина развернулась и снова двинулась к дороге.

Прошагав пять минут, она оказалась у длинной, посыпанной гравием подъездной аллеи, пересекавшей густой лес. Луна уже стояла высоко, и Джозефина различала путь настолько, что могла идти не спотыкаясь. Звук чемоданных колес, бороздивших гравий, казался зловеще громким. В лесу затихли сверчки: они поняли, что в их королевство вторгся чужак.

Джозефина поднялась на крыльцо темного дома. Несколько ударов и звонков в дверь подтвердили то, что она и без того знала: дома никого нет.

Не беда.

Джозефина обнаружила ключ там, где его прятали всегда, – под сложенными на крыльце дровами – и открыла дверь. Щелкнув выключателем, она увидела гостиную – такую же, какой запомнила ее за время последнего визита два года назад. На всех полках и прочих поверхностях царил прежний беспорядок, в застекленных рамках из мексиканского олова, что висели на стенах, были все те же фотографии. Джозефина посмотрела на улыбающихся людей с обожженными солнцем лицами, выглядывающих из-под широкополых шляп; мужчину, застывшего перед потрескавшейся стеной и опирающегося на лопату; рыжеволосую женщину – стоя на коленях и держа в руках совок, она, сощурившись, смотрела в объектив из раскопа. Большинство лиц на этих фотографиях были незнакомы Джозефине – они населяли воспоминания другой женщины, были частью другой жизни.

Оставив свои чемоданы в гостиной, Джозефина направилась на кухню. Там царил такой же беспорядок: потемневшие кастрюли и сковородки

свисали с закрепленных на потолке полок с крючками, подоконники хранили на себе всякую всячину – от морских стеклышек до битой посуды. Джозефина наполнила чайник и поставила его на плиту. Ожидая, пока вскипит вода, она подошла к холодильнику и принялась разглядывать прикрепленные к его дверце снимки. В центре этого нескладного коллажа находилось лицо, которое она прекрасно знала. Ее собственное. Эту фотографию сделали, когда Джозефине было три года; она сидела на коленях у женщины с волосами цвета воронова крыла. Джозефина протянула руку и нежно погладила женщину по лицу, вспоминая гладкую щеку, аромат ее волос. Чайник засвистел, но Джозефина так и не тронулась с места, замороженно глядя на фотографию, в смотревшие с нее притягательные темные глаза.

Вдруг свисток резко смолк, и чей-то голос сказал:

– Знаешь, а ведь меня уже много лет никто о ней не спрашивал.

Развернувшись, Джозефина увидела худощавую женщину средних лет, которая только что выключила конфорку.

– Джемма, – пробормотала Джозефина, – ты все-таки дома.

Улыбнувшись, женщина шагнула вперед, чтобы заключить гостью в крепкие объятия. Телосложение Джеммы Хамертон больше походило на мальчишеское, чем на женское; она была худой, но мускулистой, а посеребренные сединой волосы для удобства коротко стригла. Ее руки покрывали уродливые шрамы, оставшиеся от ожогов, но она, надевая блузку без рукавов, дерзко выставляла их напоказ всему миру.

– В гостиной стоят твои чемоданы, я узнала их. – Джемма отступила назад, чтобы хорошенько рассмотреть Джозефину. – Боже мой, с каждым годом ты все большеходишь на нее. – Она покачала головой и рассмеялась. – Ты унаследовала какую-то кошмарную ДНК, малышка.

– Я пыталась дозвониться тебе. Мне не хотелось оставлять сообщение на автоответчике.

– Я весь день была в пути. – Джемма полезла в свою сумочку и вытащила оттуда вырезку из газеты «Интернэшнл геральд трибюн». – Я увидела эту статью еще до отъезда из Лимы. Есть ли связь между тем, что в ней написано, и твоим приездом?

Джозефина поглядела на заголовок: «КТ-сканирование мумии ошеломило власти».

– Значит, о Госпоже Икс ты уже знаешь.

– Новости доходят даже до Перу. Мир стал тесен, Жози.

– Возможно, даже слишком тесен, – тихо согласилась Джозефина. – И мне больше негде спрятаться.

– После стольких лет? Не думаю, что тебе это необходимо.

– Меня нашли, Джемма. Я боюсь.

Джемма пристально посмотрела на Джозефину. А затем медленно опустилась на стул напротив нее.

– Расскажи мне, что случилось.

Джозефина указала на вырезку из «Геральд трибюн».

– Все началось с нее. С Госпожи Икс.

– Продолжай.

Сначала фразы получались сбивчивыми – Джозефина давно не говорила свободно, она привыкла контролировать себя, оценивая опасность, с которой может быть сопряжена откровенность. Но Джемме можно было доверять тайны, и, рассказывая, Джозефина поймала себя на том, что слова полились быстрее, стремительным потоком, который невозможно удержать. Когда были выпиты три чашки чая, она наконец умолкла, устало откинувшись на спинку своего стула. Джозефина испытывала облегчение, хотя ее положение едва ли изменилось. Было лишь одно отличие – она больше не чувствовала себя одинокой.

История потрясла Джемму, и она пристально уставилась на гостью.

– В твою машину подложили труп? И ты скрываешь, что тебе по почте приходили те записки? Ты не сказала об этом полиции?

– Как я могла сделать это? Если они узнают о записках, докопаются и до всего остального.

– Может быть, уже пора, Жози? – проговорила Джемма. – Пора прекратить скрываться и надо просто рассказать правду.

– Я не могу так поступить с мамой. Не могу втягивать ее во все это. Я очень рада, что ее здесь нет.

– Она с радостью оказалась бы здесь. Ведь именно тебя она всегда пыталась защитить.

– Что же, теперь она защитит меня не сможет. Да и не должна. – Поднявшись, Джозефина поставила свою чашку в мойку. – Она тут ни при чем.

– Ни при чем?

– Мама никогда не была в Бостоне. И никогда не имела отношения к Криспинскому музею. – Джозефина обернулась к Джемме. – Так ведь?

Джемма покачала головой:

– Даже и не знаю, с чего вдруг между ней и этим музеем возникла какая-то связь. Картуш, газета...

– Возможно, это совпадение.

– Слишком большое совпадение. – Джемма обхватила руками свою

чашку, словно стремясь отогнать внезапную стужу. – А как насчет трупа в твоей машине? Что по этому поводу предпринимает полиция?

– То же, что обычно предпринимают по делу об убийстве. Расследуют. Они задавали мне вполне ожидаемые вопросы. Кто может меня преследовать? Нет ли у меня ненормальных поклонников? Были ли в прошлом люди, которых я боюсь? Если они и дальше будут расспрашивать, обязательно узнают, кто такая Джозефина Пульчилло на самом деле, это всего лишь вопрос времени.

– Возможно, они не станут возиться и раскапывать это. Они должны раскрыть множество убийств, и ты не единственная, кем они интересуются.

– Я не могу так рисковать. Поэтому я и сбежала. Собрала вещи и бросила любимую работу, бросила город, который мне нравился. Я была счастлива там, Джемма. Музейчик, конечно, странный, но я с удовольствием работала в нем.

– А люди? Может, кто-нибудь из них замешан в этом деле?

– Я такого не заметила.

– Иногда это невозможно заметить.

– Они совершенно безобидные. И куратор, и директор, оба такие хорошие... – Джозефина грустно усмехнулась. – Представляю, что они теперь обо мне подумают. Когда узнают, кого они на самом деле взяли на работу.

– Они взяли замечательного молодого археолога. Женщину, которая заслуживает лучшей жизни.

– Что ж, а я живу другой жизнью – вот такой...

Открыв кран, она ополоснула чашку. На кухне все лежало на прежних местах, и Джозефина обнаружила полотенца все в том же шкафу, а ложки – все в том же ящике. Как любая стоящая археологическая находка, кухня Джеммы находилась на вечном хранении. «Какая же это роскошь – иметь собственный угол! – думала Джозефина, возвращая чистую чашку на полку. – Каково это – обзавестись домом, выстроить жизнь так, чтобы от нее никогда не пришлось отказываться?»

– И что ты будешь делать теперь? – спросила Джемма.

– Не знаю.

– Ты можешь вернуться в Мексику. Мама хотела бы этого.

– Мне просто придется начать все заново. – От этой перспективы Джозефина вздрогнула, ей даже пришлось опереться на столешницу. – Боже мой, я потеряла двенадцать лет жизни!

– А может, и не потеряла. Не исключено, что полиция даст маху.

– Я не могу на это рассчитывать.

– Наблюдай и жди. Следи за событиями. Дом будет пустовать большую часть лета. Через две недели мне надо вернуться в Перу, чтобы проследить за раскопками. Ты можешь жить здесь сколько захочешь.

– Я не хочу причинять тебе беспокойство.

– Беспокойство? – Джемма покачала головой. – Ты даже не представляешь, от какого беспокойства уберегла меня твоя мама. В любом случае я не уверена, что полиция умна настолько, насколько ты думаешь. Или настолько дотошна. Вспомни, сколько преступлений остаются нераскрытыми, о скольких полицейских ошибках мы то и дело слышим в новостях.

– Ты не знакома с такими детективами.

– А что в них такого?

– В ней. Она так на меня смотрит, задает такие вопросы...

– Женщина? – Джемма вздернула бровь. – О, это плохо.

– Почему?

– Мужчин так просто отвлечь красивым личиком.

– Если детектив Риццоли будет копать и дальше, в конце концов она окажется здесь. Станет разговаривать с тобой.

– Что ж, пусть приезжают. Что им удастся здесь выяснить? – Джемма жестом указала на кухню. – Посмотри вокруг! Они придут сюда, поглядят на мои травяные чаи и махнут на меня рукой, посчитав, что эта безобидная старая хиппи вряд ли сможет сообщить им что-нибудь стоящее. Когда ты пятидесятилетняя женщина, никто особенно на тебя не смотрит, и уж тем более никто не прислушивается к твоему мнению. Для самолюбия человека, много повидавшего на своем веку, это тяжело. Но, черт возьми, в такой ситуации тебе многое может сойти с рук.

Джозефина рассмеялась:

– Так, значит, мне стоит лишь дождаться пятидесятилетия – и на свободу с чистой совестью?

– Ты и так можешь быть на свободе с чистой совестью, если иметь в виду полицию.

– Но меня пугает не только полиция, – тихо проговорила Джозефина. – Особенно после всех этих записок. После того, что подбросили в мою машину.

– Да, – согласилась Джемма. – Стоит опасаться вещей похуже. – Она помолчала немного, потом бросила взгляд на Джозефину, сидевшую по другую сторону стола. – Тогда почему же ты до сих пор жива?

Вопрос поразил Джозефину.

– Ты считаешь, я должна была умереть?

– С чего вдруг какой-нибудь извращенец станет тратить время, запугивая тебя жутковатыми записочками? Оставляя нелепые дары в твоей машине? Почему просто не убить тебя?

– Может, именно потому, что здесь замешана полиция? С того момента, как начались исследования Госпожи Икс, полицейские так и крутятся возле музея.

– Еще кое-что вызывает у меня недоумение. Похоже, он оставил труп в твоей машине как раз для того, чтобы привлечь к тебе внимание. Теперь полиция следит за тобой. Странный шаг, если учесть, что кто-то хочет твоей смерти.

Заявление, типичное для Джеммы: основанное на жестоких фактах и резкое до жестокости. «Кто-то хочет твоей смерти». «Но я и так умерла, – подумала Джозефина. – Двенадцать лет назад та девочка, которой я была, исчезла с лица земли. И родилась Джозефина Пульчилло».

– Жози, маме не понравилось бы, что ты пытаешься справиться с этим в одиночку. Давай все-таки позвоним.

– Нет. Будет лучше для всех, если мы не станем ей звонить. Если они следят за мной, именно этого они и ждут. – Джозефина втянула воздух. – После окончания колледжа я со всем справлялась одна и с этим тоже справлюсь. Просто мне нужно немного времени, чтобы перевести дух. Метнуть дротиком в карту и решить, куда ехать дальше. – Она помолчала. – Думаю, мне понадобятся наличные деньги.

– На счету осталось двадцать пять тысяч долларов. Они отложены для тебя. На черный день.

– Думаю, это облегчит дело. – Джозефина встала, собираясь выйти из кухни. Остановившись уже в дверях, она обернулась. – Спасибо за все, что ты сделала. Для меня. И для моей мамы.

– Я перед ней в долгу, Жози. – Джемма поглядела на свои покрытые шрамами руки. – Лишь благодаря Медее я до сих пор жива.

В субботу вечером Дэниел все-таки пришел к ней.

В последнюю минуту перед его приездом Маура помчалась в ближайший супермаркет и купила маслины каламата, французские сыры и невероятно дорогую бутылку вина. «Вот как я добьюсь расположения возлюбленного, – подумала она, протягивая кассиру свою кредитку. – Улыбками, поцелуями и бокалами пино нуар. Я покорю его прекрасными

вечерами, которые он никогда не сможет забыть и о которых всегда будет тосковать. И возможно, однажды он все-таки сделает выбор. Он выберет меня».

Когда Маура вернулась, Дэниел уже ждал ее в доме.

Как только гаражная дверь поползла вверх, она увидела машину Брофи, стоявшую внутри, скрытую от глаз соседей; пока автомобиль стоит там, никто не станет удивленно приподнимать брови или распускать скабрзные слухи. Она поставила свой «лексус» рядом с машиной Дэниела и быстро закрыла гаражную дверь, пряча от чужих глаз откровенное подтверждение того, что она не одна сегодня вечером. Когда есть что скрывать, начинаешь хранить секреты интуитивно, и Маура закрыла гаражную дверь почти бессознательно, желая без лишних сложностей предотвратить невинные расспросы коллег и соседей.

«Ты встречаешься с кем-нибудь? Может, придешь ко мне на ужин? Хочешь познакомиться с одним моим приятелем, отличным человеком?» За несколько месяцев Маура отказалась от такого количества подобных приглашений, что теперь ее почти никуда не звали. Неужели на нее просто махнули рукой или все-таки догадались, в чем причина ее безразличия, почему она не хочет ни с кем общаться?

И теперь эта самая причина стоит в дверях и ждет ее.

Маура шагнула в дом, в объятия Дэниела Брофи. С тех пор как они последний раз были вместе, прошло десять дней – десять дней постоянно растущей жажды, которая теперь томила ее и требовала утоления сию же секунду. Пусть продукты по-прежнему лежали в машине, а ужин еще не был приготовлен, но их губы встретились, и теперь еда волновала Мауру меньше всего. Ей хотелось смаковать одного лишь Дэниела, и, пока они целовались по пути в спальню, Маура наслаждалась им, а грешные поцелуи из-за своей недозволенности казались еще слаще. «И сколько же новых грехов мы совершим сегодня вечером?» – размышляла она, наблюдая, как Дэниел расстегивает свою рубашку. Сегодня на нем не было церковного воротника, нынче к ней пришел любовник, а не слугитель Бога.

Уже несколько месяцев назад он нарушил обет, связавший его с церковью. В этом была виновата Маура: именно из-за нее Дэниел совершил грехопадение, которое в очередной раз привело его сюда, в ее постель, в ее объятия. Он отлично изучил этот маршрут и прекрасно знал, чего хочет Маура, в какой момент она прижмет его к себе и закричит от страсти.

И когда в конце концов, удовлетворенно вздрогнув, Маура откинулась назад, они с Дэниелом, не размыкая сплетенных рук и ног, как обычно,

улеглись рядом – два любовника, прекрасно изучившие тела друг друга.

– У меня такое ощущение, будто тебя не было здесь целую вечность, – прошептала Маура.

– Я бы пришел в четверг, но этот семинар оказался бесконечным.

– Какой семинар?

– По консультированию семейных пар. – Дэниел усмехнулся с печальной иронией. – Будто бы я в состоянии рассказать им, как сохранить брак. В них столько злости и боли, Маура. Находиться в одном помещении с этими людьми – уже само по себе пытка. Мне хотелось сказать им: «У вас ничего не получится, вы никогда не будете счастливы друг с другом. Вы связали свою жизнь не с теми людьми!»

– Возможно, это лучший совет, который ты мог бы им дать.

– Это был бы акт милосердия. – Он нежно смахнул волосы с лица Мауры, не торопясь убирать руку с ее щеки. – Гораздо человечнее было бы разрешить им расстаться. И найти тех, с кем они станут счастливыми. Как я нашел счастье благодаря тебе.

Она улыбнулась.

– А я благодаря тебе проголодалась. – Усевшись на кровати, Маура почувствовала аромат их любви, исходивший от смятого белья. Животный запах разгоряченных тел и вожделения. – Я обещала тебе ужин.

– Мне неловко оттого, что ты вечно кормишь меня. – Тоже усевшись, он потянулся за своей одеждой. – Скажи, чем я могу помочь.

– Я оставила вино в машине. Может, сходишь за бутылкой и откупишь ее? А я поставлю в духовку курицу.

Пока жарилась курица, они потягивали вино на кухне; Маура нарезала картофель, а Дэниел делал салат. Во время готовки они прикасались друг к другу и целовались, совсем как семейная пара. «Но мы не женаты», – думала Маура, со стороны поглядывая на выразительный профиль Дэниела и седеющие виски. Каждое мгновение, проведенное вместе, было словно тайным, краденым; пусть они смеялись, но порой в этом смехе Мауре слышались нотки отчаяния, будто бы они пытались убедить себя, что счастливы, черт возьми, действительно счастливы, несмотря на хитрости, чувство вины и бесчисленные вечера, проведенные врозь. Но она все чаще стала замечать в нем признаки эмоционального напряжения. За последние месяцы его волосы заметно поседели. «А когда они совсем побелеют, – думала Маура, – неужели мы по-прежнему будем встречаться при задернутых шторах? Интересно, какие перемены он видит во мне?»

Дэниел ушел от нее после полуночи. Маура заснула в его объятиях и не слышала, как он встал с постели. Когда она проснулась, Дэниела уже не

было, и простыня рядом с ней совсем остыла.

В то утро Маура в одиночестве пила кофе, в одиночестве пекла блины. Самые лучшие воспоминания о своем недолговечном браке с Виктором, который во всех остальных смыслах оказался совершенно неудачным, Маура связывала с воскресеньями – по утрам они поздно вставали и, лежа на диване, полдня читали газеты. Но с Дэниелом таких воскресений никогда не получалось. Пока полусонная Маура сидела в халате, обложившись страницами «Бостон глоуб», отец Дэниел Брофи проводил службу для своих прихожан в церкви Пресвятой Богородицы, для прихожан, чей пастырь и сам абсолютно сбился с пути истинного.

Она проснулась от неожиданного звонка в дверь. Пытаясь стряхнуть остатки сна, Маура приняла сидячее положение и увидела, что уже два часа дня.

«Возможно, это Дэниел».

Шурша газетой, на которой оказались ее босые ноги, Маура торопливо вышла из гостиной. Открыв дверь и увидев человека, который стоял на крыльце, Маура внезапно пожалела, что не расчесала волосы и не надела что-нибудь вместо халата.

– Простите, я немного опоздал, – извинился Энтони Сансоне. – Надеюсь, я не причину беспокойства.

– Опоздали? Извините, но я вас не ждала.

– Разве вы не прослушали мое сообщение? Вчера днем я оставил его на вашем автоответчике. О том, что собирался навестить вас сегодня.

– О! Похоже, вчера я забыла прослушать сообщения.

«У меня были другие дела», – подумала Маура.

Она сделала шаг назад:

– Проходите.

Сансоне вошел в гостиную и остановился, глядя на разбросанные газеты и пустую кофейную чашку. Маура не видела его несколько месяцев и теперь заново поразились его спокойствию и тому, как он будто бы изучает воздух в поисках какой-нибудь упущенной детали. В отличие от Дэниела, быстро находившего контакт даже с чужаками, Энтони Сансоне будто бы со всех сторон был окружен стенами; этот человек, даже стоя в помещении, которое заполняла толпа, умел казаться подчеркнуто отчужденным и замкнутым. Мауре стало интересно, что он думает при виде беспорядка, свидетельствовавшего об упущенном воскресенье. «Не у каждого есть дворецкий, – пронеслось у нее в голове. – Не все живут так, как вы, в особняке на Бикон-Хилле».

– Простите, что беспокою вас дома, – снова заговорил он. – Мне не

хотелось наносить официальный визит в бюро судмедэкспертизы. – Сансоне обернулся и посмотрел на хозяйку. – А еще мне хотелось узнать, как вы поживаете, Маура. Я давно не виделся с вами.

– У меня все хорошо. Много дел.

– Клуб Мефисто возобновил еженедельные ужины в моем доме. Нам бы очень пригодилось ваше мнение, и мы будем рады, если вы присоединитесь к нам в один из вечеров.

– Для беседы о преступности? Этим предметом я достаточно часто занимаюсь на работе, благодарю вас.

– У нас иной подход к преступности. Вы рассматриваете конечный результат, мы же занимаемся причиной ее существования.

Маура принялась собирать газеты и складывать их в стопку.

– Я не совсем подхожу для вашей группы. Я не приемлю ваши теории.

– Даже после того, что пришлось пережить нам обоим? Те убийства наверняка заставили вас задуматься. Возможно, в глубине души вы все-таки допускаете это.

– То, что в свитках Мертвого моря можно найти единую теорию зла? – Она покачала головой. – Я занимаюсь наукой. И читаю религиозные тексты для лучшего понимания истории, а вовсе не для того, чтобы найти там реальные доказательства. Или чтобы объяснить необъяснимое.

– Но ведь той ночью вы вместе с нами сидели в ловушке на горе. Вы же видели доказательства.

Той ночью, о которой он говорил, той январской ночью они были на волоске от смерти. По крайней мере, в этом вопросе между Сансоне и Маурой не существовало разногласий, потому что доказательства были не менее реальными, чем кровавые последствия. Но было в этом событии много такого, о чем они всегда будут спорить, и больше всего разногласий касалось натуры чудовища, загнавшего их на ту гору.

– Я видела перед собой серийного убийцу, такого же, как и все прочие в этом мире, – возразила она. – Чтобы объяснить его поведение, мне не нужны библейские теории. Говорите со мной о науке, а не о сказках про древний демонический род. – Она положила стопку газет на журнальный столик. – Зло просто существует, и все тут. Люди могут быть жестокими, а некоторые из них убивают. Всем бы хотелось понять, почему это происходит.

– А может ли наука объяснить, почему убийца мумифицирует женский труп? Зачем он усушивает женскую голову, а еще одно тело кладет в багажник автомобиля?

Маура удивленно обернулась к гостю:

– Вы уже знаете об этом деле?

Конечно же, он знал о нем. Связи Энтони Сансоне в правоохранительных органах простирались до высших уровней, вплоть до самого комиссара полиции. Такое необычное преступление, как дело Госпожи Икс, должно было привлечь его внимание. И наверняка пробудило интерес в тайном Клубе Мефисто, имевшем свои собственные эксцентричные понятия о преступности и о том, как с ней бороться.

– Есть некие детали, о которых неизвестно даже вам, – сообщил Сансоне. – Думаю, вам необходимо с ними ознакомиться.

– Прежде чем продолжить эту беседу, мне хотелось бы одеться, – проговорила Маура. – Если вы не возражаете.

Она направилась в свою спальню. Там Маура надела джинсы и рубашку с отложным воротничком на пуговицах – повседневное облачение, вполне подходящее для воскресного утра, однако ей показалось, что для высокопоставленного гостя она одета слишком просто. Маура не стала возиться с макияжем, она просто умылась и щеткой расчесала спутанные волосы. Поглядев на себя в зеркало, она увидела припухшие глаза и новые седые прядки, которых раньше не замечала. «Что же, вот такая я, – решила Маура. – Женщина, которой уже никогда не будет сорок. Мне не удастся спрятать возраст, и я даже не стану пытаться».

Когда она вышла из спальни, дом был насквозь пропитан запахом свежего кофе. Аромат привел Мауру на кухню, где Сансоне уже доставал из шкафа две кружки.

– Надеюсь, вы не возражаете, что я позволил себе заварить свежий кофе?

Он взял в руки колбу от кофеварки и, повернувшись к Мауре своей широкой спиной, принялся разливать напиток. Казалось, Сансоне абсолютно освоился у нее на кухне, и Мауру раздражало то, что он с такой непринужденностью вторгся в ее дом. Он умел пройти в любое помещение, в любой дом и самим своим присутствием предъявить права на территорию.

Гость передал ей чашку. К удивлению Мауры, там оказалось нужное количество сахара и сливок – именно такое, как она любила. Она и не ожидала, что Сансоне запомнит такую мелочь.

– Пора поговорить о Госпоже Икс, – заявил он. – И о том, с чем вы столкнулись на самом деле.

– Сколь много вам известно?

– Я знаю, что у вас есть три связанные друг с другом смерти.

– Мы не уверены, что они связаны.

– Три убитые женщины, которых жутким образом законсервировали? Достаточно необычный почерк.

– Я еще не проводила вскрытие третьей убитой, так что ничего не могу сказать о ней. И даже о том, как именно ее законсервировали.

– Мне сказали, что это не обычная мумификация.

– Если под «обычной» вы имеете в виду засолку, просушку и обертывание, то нет, она не обычная.

– Черты ее лица кажутся относительно неповрежденными?

– Да. Удивительно неповрежденными. Однако в ее тканях по-прежнему сохранилась влага. Я никогда не проводила вскрытие такого тела. И даже не знаю, как сохранить его в нынешнем состоянии.

– А что там насчет владелицы машины? Она археолог, верно? Она-то имеет представление о том, как законсервировали труп?

– Я с ней не разговаривала. Но как сказала мне Джейн, женщина была сильно потрясена.

Сансоне отставил свою кружку и бросил на Мауру такой пристальный взгляд, что она почувствовала себя почти оскорбленной.

– Что вы знаете о докторе Пульчилло?

– Почему вы спрашиваете о ней?

– Потому, Маура, что она работает у них.

– У них?

– В Криспинском музее.

– Вы говорите так, будто это какое-то чудовищное учреждение.

– Вы согласились присутствовать на КТ-исследовании. Вы были частью той газетной шумихи, которую они устроили вокруг Госпожи Икс. Вы должны были знать, во что ввязываетесь.

– Куратор пригласил меня посмотреть. И не сказал, что будет газетная шумиха. Он просто решил, что мне будет интересно присутствовать, и мне, конечно же, было интересно.

– Давая согласие, вы ничего не знали о музее?

– Я была там несколько лет назад. Собрание, конечно, необычное, но его стоит посмотреть. Оно ничем не отличается от собраний других частных музеев, в которые я ходила. Такие заведения открывали богатые семьи, желавшие похвастаться своими коллекциями.

– Криспины – особенное семейство.

– И что же в них такого особенного?

Сансоне сел на стул, стоявший напротив Мауры, так чтобы их глаза находились на одном уровне.

– А то, что никто не знает, откуда они взялись.

– Разве это имеет значение?

– В этом есть нечто необычное, вы так не считаете? Первым известным Криспином был Корнелий. Он появился в Бостоне в тысяча восемьсот пятидесятом году. И этот Корнелий Криспин заявил, что он титулованный англичанин.

– Вы хотите сказать, что это неправда.

– В Англии он зарегистрирован не был. Как, впрочем, и в других странах. В один прекрасный день он просто материализовался на месте событий. Говорят, Корнелий был невероятно обаятелен и красив. Удачно женившись, он продолжал преумножать свое богатство. Корнелий и его потомки были собирателями и неустанными путешественниками, привозившими диковинки со всех континентов. Среди них были обычные экспонаты – резные фигурки, погребальные принадлежности, чучела животных. Но похоже, больше всего Корнелия и его родственников интересовало оружие. Любые виды оружия, использовавшегося военными во всех уголках земли. Этот интерес был особенно присущ им, если учесть, каким путем они нажили состояние.

– И каким же?

– При помощи войн, Маура. Начиная с Корнелия, все они были барышниками. Сам Корнелий разбогател во время Гражданской войны, обеспечивая оружием Юг. Его потомки продолжили традицию, наживаясь на конфликтах во всех частях света, начиная с Африки и Азии и заканчивая Средним Востоком. Они заключили тайный пакт с Гитлером и поставляли оружие его войскам, одновременно снабжая им силы союзников. В Китае они осуществляли поставки и националистам, и коммунистам. Их товар доходил до Алжира и Ливана, а также до Бельгийского Конго. Какая разница, кто с кем воюет? Криспины не принимали ничьей стороны, они принимали только деньги. Как только где-нибудь начинала проливаться кровь, они с готовностью наживались на ней.

– Какое отношение все это имеет к расследованию?

– Я просто хотел пояснить вам, что стоит за этим учреждением и какое наследие оно хранит. Криспинский музей оплачен кровью. Проходя по этому зданию, знайте: каждая золотая монетка, каждый керамический черепок окуплен какой-нибудь войной. Это омерзительное место, Маура, оно построено семьей, скрывавшей свое прошлое. Семьей, об истоках которой мы никогда не узнаем.

– Я понимаю, куда вы клоните. Сейчас вы скажете, что Криспины – демонический род. Что они произошли от библейских нефилим. – Покачив головой, Маура рассмеялась. – Прошу вас, давайте на этот раз обойдемся

без свитков Мертвого моря.

– А почему, как вы думаете, Госпожа Икс оказалась в музее?

– Уверена, что у вас есть ответ.

– У меня есть теория. Думаю, Госпожа Икс – своего рода подношение. Как и усушенная голова. Ее подарил какой-нибудь поклонник, прекрасно знающий, что представляет собой семейство Криспин.

– Третью убитую обнаружили не в музее. Тело подбросили в машину доктора Пульчилло.

– Она работает в музее.

– И теперь ужасно напугана. У нее украли ключи, а потом подкинули чертовски жуткий подарок.

– Потому что она явно стала связующим звеном между убийцей и тем, кому предназначался подарок, – Саймоном Криспином.

– Нет, я лично считаю, что подарок был предназначен именно доктору Пульчилло. Она потрясающе красивая женщина, и именно она привлекла внимание убийцы. Джейн тоже так думает. – Маура немного помолчала. – Почему бы вам не поговорить об этом с Риццоли? Ведь она расследует это дело. Почему вы пришли ко мне?

– Разум детектива Риццоли не приемлет альтернативных теорий.

– То есть она основывается только на реальных фактах. – Маура поднялась. – Как и я.

– Возможно, прежде чем категорически отвергать все это, вам стоит узнать еще кое-что о собрании Криспинов. О части собрания, которую никто никогда не видел. Она все время была спрятана.

– Почему?

– Потому что она настолько отвратительная и обескураживающая, что семейство Криспин не решилось показать ее публике.

– Откуда вы об этом узнали?

– На рынке древностей слухи о ней ходили годами. Примерно шесть лет назад Саймон Криспин выставил ее на закрытом аукционе. Похоже, он достаточно расточителен и умудрился потратить большую часть того, что осталось от состояния семьи. Ему нужны были деньги. А еще он хотел избавиться от порочащих и, возможно, даже незаконных предметов. Но отвратительней всего то, что он и в самом деле нашел покупателя, чье имя не разглашается.

– И что же Криспин продал?

– Военные трофеи. Я имею в виду не армейские медали и не ржавые штыки. Речь идет о погремушках, в которых использованы человеческие зубы из Африки, и ушах, отрезанных у японских солдат. Об ожерелье из

пальцев и сосуде с женскими... – Он осекся. – Это была жуткая коллекция. Дело в том, что не я один знаю о любви семейства Криспин к отвратительным сувенирам. Возможно, убийца-археолог тоже был в курсе. И решил, что может внести вклад в их коллекцию.

– Вы считаете, это дары?

– Подарки в знак восхищения от собирателя, который пожертвовал музею несколько своих сокровищ. Там они и хранились, всеми забытые.

– До сегодняшнего дня.

Сансоне кивнул:

– Полагаю, таинственный жертвователь решил появиться снова. Он сообщает миру о том, что еще жив. Возможно, скоро всплывут новые дары, Маура, – тихо добавил Сансоне.

Разрывая тишину, на кухне зазвонил телефон. Маура вздрогнула и, в очередной раз поднимаясь со стула, почувствовала, как участился ее пульс. Как же легко Сансоне удалось поколебать ее уверенность в логическом построении мира. Как запросто он умеет омрачить ясный солнечный день. Его паранойя оказалась заразной, и в телефонном звонке Мауре почудились зловещие нотки, некое предупреждение о том, что он принесет недобрые вести.

Однако голос, раздавшийся в трубке, был знакомым и приятным.

– Доктор Айлз, это Картер из лаборатории. У меня есть интересные результаты газовой хроматографии и масс-спектрометрии.

– Что вы анализировали?

– Те образцы ткани, что вы отослали нам в четверг.

– Из тела в багажнике? И вы уже успели сделать газовую хроматографию?

– Меня срочно вызвали в лабораторию на выходные. Я думал, это ваше распоряжение.

– Нет, не мое. – Маура через плечо бросила взгляд на Сансоне, который наблюдал за ней так пристально, что ей захотелось отвернуться. – Продолжайте, – сказала она в трубку.

– Я провел флеш-пиролиз образца ткани, а когда мы исследовали его с помощью газовой хроматографии и масс-спектрометрии, я обнаружил в нем наличие большого количества коллагеновых и неколлагеновых белков. Вне зависимости от возраста эти ткани прекрасно сохранились.

– А еще я запрашивала исследование на дубильные вещества. Вы нашли что-нибудь?

– Фенолы типа резорцина или гидрохинона не обнаружены. Значит, большинство дубильных веществ исключается. Но зато проявилось

соединение под названием четыре-изопропилфенол.

– Понятия не имею, что это обозначает.

– Мне самому пришлось навести справки. Оказалось, это вещество – характерный продукт пиролиза торфяного мха.

– Мха?

– Ага. Вам это вообще понадобится?

– Да, – тихо ответила она. – Думаю, да.

«Это как раз именно то, что мне нужно», – добавила Маура про себя. Повесив трубку, она продолжала стоять и смотреть на телефон – так потрясли ее результаты исследований. Теперь это дело оказалось вне области ее знаний, совсем не похожим на то, что она обычно делает в секционном зале, а потому Маура не сможет продолжать работу без помощи специалиста.

– Маура?

Она обернулась к Сансоне:

– Может, мы продолжим беседу как-нибудь в другой раз? Мне нужно сделать несколько звонков.

– Прежде чем уйти, могу я предложить вам кое-что? Я знаю одного джентльмена, с которым вы, возможно, захотите поговорить. Это некто Питер Ванденбринк. Я могу связать вас с ним.

– С чего вы вдруг о нем заговорили?

– В Интернете о нем довольно много информации. Посмотрите его резюме и сразу поймете, почему я о нем упомянул.

Здесь снова стояли фургоны телевизионщиков, но на этот раз их было гораздо больше. Как только преступник получает прозвище, он тут же становится достоянием общественности, и теперь каждая новостная программа норовила урвать хоть какую-нибудь подробность по делу Убийцы-археолога.

Пока они с Фростом шли от парковки к зданию бюро судмедэкспертизы, Джейн чувствовала нацеленные на нее взгляды всевидящих телекамер.

Когда, только начав работать детективом, Риццоли впервые увидела себя в вечерних новостях, она была в восторге. Но поскольку восторг давно сошел на нет, сейчас она смотрела на корреспондентов с некоторым раздражением. Вместо того чтобы позировать, Джейн двигалась, опустив

голову и выдвинув плечи вперед; в сегодняшних шестичасовых новостях она, скорее всего, будет походить на сутулого тролля в синем блейзере.

Шагнуть внутрь здания, сбежав от назойливых объективов, было облегчением, однако самое ужасное испытание еще не началось. Они с Фростом приближались к патологоанатомической лаборатории, и Джейн ощущала, как напрягаются ее мышцы, как в предчувствии ужаса, ожидавшего их на секционном столе, сжимается ее желудок.

В вестибюле, где детективы надевали халаты и бахилы, Фрост вел себя удивительно тихо. Осмелившись заглянуть в окно, Джейн с облегчением обнаружила, что тело по-прежнему накрыто простыней – этакая отсрочка перед надвигающимся кошмаром. Неумолимое чувство долга заставило ее открыть дверь в секционный зал.

Маура только что прикрепила рентгеновские снимки к негатоскопу, и на нем высветились зубы «Неизвестной № 3». Доктор Айлз взглянула на детективов.

– Итак, что вы об этом думаете? – поинтересовалась она.

– Похоже, зубы у нее неплохие, – отозвалась Джейн.

Маура кивнула:

– Здесь две амальгамовые пломбы и одна золотая коронка на нижнем коренном зубе с левой стороны. Кариеса я тут не вижу, да и потери альвеолярного отростка, указывающей на периодонтальную болезнь, не наблюдается. – Маура ткнула пальцем в снимок. – У нее отсутствуют сразу два малых коренных зуба.

– Думаешь, их вырвали?

– Не думаю, больших промежутков между зубами нет. А вот у этих двух резцов корни укороченные, с выровненной верхушкой.

– И это значит?..

– Это значит, что над ними поработал стоматолог-ортодонт. Она носила брекететы.

– То есть речь идет о состоятельной женщине?

– Ну уж во всяком случае о представительнице среднего класса.

– Эй, я никогда не носила брекететы. – Джейн оскалилась, выставя напоказ неровный ряд нижних зубов. – Это и есть зубы среднего класса, док. – Она указала на рентгеновский снимок. – Папа не смог бы оплатить такое.

– У Госпожи Икс тоже хорошие зубы, – заметил Фрост.

Маура кивнула:

– Полагаю, у обеих женщин было обеспеченное детство. Настолько обеспеченное, что они могли позволить себе хорошего стоматолога и

ортодонтию.

Доктор Айлз сняла снимки зубов и, потянувшись за следующей серией пленок, с характерным звуком просунула их под держатели негатоскопа. Теперь на поверхности аппарата светились кости нижних конечностей.

– А вот еще одна деталь, объединяющая двух убитых.

Пораженные Джейн и Фрост одновременно ахнули. Понять характер повреждения, показанного на снимке, они могли и без рентгенолога.

– Обе большие берцовые кости убитой повреждены, – пояснила Маура. – Каким-то тупым инструментом. Возможно, молотком, а возможно, монтировкой. Об ударах вскользь, задевших голени, можно и не говорить. А вот эти повреждения были тяжелыми и наносились умышленно, с намерением сломать конечность. На обеих больших берцовых костях имеются поперечные диафизарные переломы, при этом осколки вонзились в мягкие ткани. Боль наверняка была невыносимая. И уж конечно она не могла ходить. Даже представить трудно, как она страдала в последующие дни. Вероятно, у нее началось заражение, попавшее через открытые раны в мягкие ткани. Бактерии проникли в кость, а в итоге и в кровь.

Джейн посмотрела на Мауру:

– Ты сказала – «дни»?

– От этих переломов она не могла умереть. Во всяком случае, сразу.

– Но может быть, ее сначала убили. Вероятно, это посмертные увечья.

«Пожалуйста, пусть они будут посмертными, а не такими, как я это себе представляю», – взмолилась про себя Риццоли.

– К сожалению, должна сообщить, что она была жива, – возразила Маура. – По меньшей мере еще несколько недель. – Доктор Айлз указала на рваный контур, который окружал перелом, словно облако белого дыма. – Это костная мозоль. Признак заживления кости, который не может возникнуть за ночь или даже за несколько дней. Для такого заживления требуются недели.

Недели, проведенные в страданиях. Недели, когда этой женщине наверняка казалось, что лучше умереть. Джейн вспомнила о других снимках, висевших на этом же негатоскопе несколько раньше. Вспомнила раздробленную ногу еще одной женщины, перелом, очертания которого скрадывал туман заживающей кости.

– Совсем как у Госпожи Икс, – проговорила она.

Маура кивнула:

– Ни ту ни другую не убили сразу же. Обе страдали от боли в изувеченных нижних конечностях. Обе прожили еще какое-то время. А это означает, что кто-то снабжал их едой и водой. Кто-то поддерживал в них

жизнь довольно долго, иначе на этих снимках не было бы признаков заживления.

– Убийца один и тот же.

– Манера уж слишком похожа. Это характерно для него. Сначала он калечит – возможно, чтобы жертвы точно не смогли убежать. Затем в течение многих дней кормит их. И они живут.

– И что же, черт возьми, он делает все это время? Общается с ними и радуется?

– Я не знаю.

Уставившись на раздробленную кость, Джейн ощутила вспышку боли в собственных ногах – всего лишь намек на страшные муки, которые вытерпела убитая.

– Знаешь, – тихо призналась она, – в тот вечер, когда ты первый раз позвонила мне по поводу Госпожи Икс, я подумала, что это какое-то давнее убийство. Какой-нибудь висяк. И что преступник давно уже умер. Но если в машину госпожи Пульчилло это тело подбросил именно он...

– Он все еще жив, Джейн. И находится здесь, в Бостоне.

Входная дверь распахнулась, и какой-то седовласый джентльмен, войдя в вестибюль, принялся завязывать на себе хирургический халат.

– Доктор Ванденбринк? – обратилась к нему Маура. – Я доктор Айлз. Рада, что вы смогли приехать.

– Надеюсь, вы еще не начинали.

– Мы ждали вас.

Мужчина приблизился, чтобы пожать ей руку. На вид ему было лет шестьдесят с небольшим; он казался тощим, как скелет, однако его дочерна загорелое лицо излучало бодрость и энергичная походка была признаком хорошей формы. Пока Маура представляла присутствующих друг другу, этот человек даже не взглянул на Джейн и Фроста – все его внимание было сосредоточено на столе, где лежала убитая; ее изогнутая фигурка, к счастью, покоилась под простыней. Было ясно, что вошедшего мертвые интересуют больше, чем живые.

– Доктор Ванденбринк работает в Музее Дрентс в Ассене, – сообщила Маура. – Вчера вечером он прилетел из Нидерландов только ради этого вскрытия.

– А это она? – спросил доктор Ванденбринк, по-прежнему не отводя взгляда от накрытого простыней тела. – Давайте же посмотрим на нее.

Маура передала ему пару перчаток, и оба доктора обтянули пальцы латексом. Маура взялась за простыню, и, пока она откидывала ее, Джейн внутренне готовилась к страшному зрелищу.

На столе из нержавеющей стали под разоблачительно яркими лампами обнаженное скрученное тело напоминало кривую обуглившуюся ветку. Но именно это застывшее в предсмертном крике лицо, темное, блестящее, словно выкрашенное черной сажей, будет неотступно преследовать Джейн.

Доктор Ванденбринк был далек от ужаса – напротив, он с восхищением наклонился чуть ниже, чтобы получше разглядеть труп.

– Она великолепна, – пробормотал он. – О да, я очень рад, что вы позвонили мне. Определенно я прилетел не зря.

– Вы называете это «великолепным»? – поразилась Джейн.

– Я имею в виду степень сохранности, – отозвался доктор Ванденбринк. – В данный момент она просто превосходна. Но боюсь, теперь она начнет разлагаться, поскольку оказалась на воздухе. Это самый потрясающий современный экземпляр, который мне доводилось видеть. Последнее время очень редко встречаются человеческие существа, подвергшиеся этому процессу.

– Значит, вы знаете, как она стала такой?

– О да. Она очень похожа на остальных.

– Остальных?

Доктор поглядел на Джейн; его глаза были так глубоко посажены, что у Риццоли создалось неприятное впечатление, будто на нее смотрит скелет.

– Вы когда-нибудь слышали о девочке из Иде, детектив?

– Нет. А кто она?

– Иде – это название одного местечка. Деревни на севере Нидерландов. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году двое мужчин из Иде пошли резать торф – его издавна сушат и сжигают в качестве топлива. Они обнаружили в болоте нечто ужасное. Существо женского пола с длинными светлыми волосами, которое явно кто-то задушил. Вокруг шеи был три раза обернут длинный кусок какой-то материи. Сначала жители Иде не поняли, с чем имеют дело. Тело было маленьким и усохшим, и они решили, что это старуха. А возможно, демон. Но со временем, когда ученые приехали взглянуть на эту находку, они узнали о трупе гораздо больше. Стало ясно, что в момент смерти покойная была не старухой, а девочкой лет шестнадцати. Девочкой, страдавшей от искривления позвоночника. Девочкой, которую убили. Ей нанесли рану в области ключицы, а затем, затянув ткань вокруг шеи, задушили. После чего лицом вниз погрузили в болото, где она пролежала несколько веков. До тех пор, пока резальщики торфа не обнаружили ее и не сообщили о находке всему миру.

– Несколько веков?

Ванденбринк кивнул:

– Радиоуглеродное датирование говорит о том, что ей две тысячи лет. Возможно, в те времена, когда Иисус ходил по земле, эта бедняжка уже лежала в своей могиле.

– И даже спустя два тысячелетия можно сказать, как она умерла? – поразился Фрост.

– Она прекрасно сохранилась – от волос до ткани, которой была обернута шея. Ох, тело, конечно же, повредили, но гораздо позже – когда ее вместе с торфом выуживали из болота. Однако состояние тела позволяло составить портрет девочки. И представить себе, насколько она страдала. Вот в чем чудо болот, детектив. Они дают нам возможность заглянуть в прошлое. Сотни таких трупов были найдены в Голландии, Дании, Ирландии и Англии. Каждый из них – путешественник во времени, этакий бедолага-посланник, отправленный к нам людьми, которые не оставили после себя письменных документов. Одну лишь жестокость, запечатленную в их жертвах.

– Но ведь этой женщине явно нет двух тысяч лет. – Джейн кивнула на лежавшее на столе тело.

– Однако при этом степень ее сохранности не менее замечательна. Взгляните, заметен даже рисунок кожи на пятках и подушечках пальцев. Видите, она темная, как выделанная кожа? Но при этом ее черты явно свидетельствуют о том, что она относится к европеоидной расе. – Доктор Ванденбринк посмотрел на Мауру. – Я полностью согласен с вашей точкой зрения, доктор Айлз.

– Так, значит, вы говорите, что это тело сохранилось так же, как девочка из Нидерландов?

Ванденбринк кивнул:

– Вы имеете дело с современным болотным телом.

– Именно поэтому я и позвонила доктору Ванденбринку, – пояснила Маура. – Он уже несколько десятилетий изучает болотные тела.

– В отличие от техники египетской мумификации, – снова заговорил Ванденбринк, – письменных документов о том, как делается болотное тело, не существует. Это природный и абсолютно спонтанный процесс, который нам до конца не ясен.

– Но откуда же убийца узнал, как это сделать? – удивилась Джейн.

– Сообщество, изучающее болотные тела, как раз и обсуждает эту тему.

У Джейн вырвался изумленный смешок:

– У вас есть сообщество?

– Конечно. Мы проводим встречи, собственные коктейльные

вечеринки. Большая часть наших обсуждений – чисто гипотетическая. Однако существуют и научные обоснования, подтверждающие наши теории. Например, нам известно, что у болот есть несколько характерных свойств, способствующих консервации тел. Они высококислотны, малоокислородны и содержат слои торфяного мха. Эти факторы тормозят разложение и сохраняют мягкие ткани. Они делают кожу темной, такой, как у этого тела. Если этот труп поместить в болото на несколько веков, его кости в конце концов растворятся и останется лишь одна законсервированная плоть, кожистая и невероятно податливая.

– Это все из-за мха? – спросил Фрост.

– Он необходимая часть процесса. В торфяном мхе происходит химическая реакция между бактериями и полисахаридами. Он связывает клетки бактерий так, что они не могут разрушать органическую материю. А если связать бактерии, можно остановить разложение. И весь этот процесс происходит в кислотном «супе» из мертвого мха, танинов и холоцеллюлозы. Другими словами, в болотной воде.

– И это все? Просто сунул труп в болотную воду – и готово?

– Несколько сложнее. В Ирландии и Англии проводили несколько экспериментов с использованием трупов поросят. Их хоронили в различных торфяных болотах, а затем, спустя несколько месяцев, извлекали. Поскольку в биохимическом плане свиньи похожи на нас, можно предположить, что с людьми результаты будут аналогичными.

– И что, они превратились в болотных свинок?

– В том случае, если условия были абсолютно правильными. Во-первых, их нужно было погрузить полностью, иначе они начинали разлагаться. Во-вторых, в болото их следует класть сразу же после смерти. Если до погружения труп находится на воздухе более нескольких часов, он все равно начнет разлагаться.

Фрост и Джейн переглянулись.

– Значит, наш преступник, когда убил ее, не мог терять ни минуты, – заметила Джейн.

Ванденбринк кивнул:

– Ее нужно было погрузить в воду вскоре после смерти. В случаях с европейскими болотными телами покойных заводили в болото еще при жизни и уже там, у кромки воды, убивали.

Обернувшись, Джейн устремила взгляд на негатоскоп, на рентгеновские снимки с грубо раздробленными большими берцовыми костями.

– Эту жертву с двумя сломанными ногами не удалось бы никуда

завести. Ее нужно было нести. Будь вы убийцей, вы наверняка не стали бы делать это во тьме. Особенно если нужно идти по болоту.

– Так что, он занимался этим средь бела дня? – поразился Фрост. – Выволакивал ее из машины и тащил к воде? Тогда ему пришлось заранее выбрать место, да такое, где его точно никто не увидел бы. Причем важно, чтобы неподалеку была дорога, иначе тащить пришлось бы долго.

– Но требуются еще и другие условия, – заметил Ванденбринк.

– Какие? – поинтересовалась Джейн.

– Болото должно быть достаточно глубоким и прохладным. Температура имеет здесь большое значение. А еще оно должно находиться в отдалении, чтобы тело не обнаружили до того, как он сам придет за ним.

– Целый список условий, – отозвалась Джейн. – Не проще ли положить в ванну торфяной мох и налить воды?

– Но разве в этом случае вы будете уверены, что воссоздали необходимые условия? Болото – сложная экосистема, еще не полностью изученная нами, химический суп из органических веществ, который отстаивался веками. Даже если вам удастся получить такой суп в ванне, для начала придется охладить его до четырех градусов и продержать в таком состоянии по крайней мере несколько недель. После этого тело должно будет лежать в нем несколько месяцев, а возможно, и лет. И как же вы станете так долго скрывать все это? А вдруг появится запах? А подозрения соседей? – Он покачал головой. – Нет, все равно идеальным местом может быть только болото. Настоящее болото.

Одна загвоздка все же оставалась: сломанные ноги. Живую или мертвую жертву пришлось бы нести или волочить к воде там, где почва, скорее всего, топкая.

– Она была крупная, как ты думаешь? – спросила Джейн.

– Судя по скелету, можно предположить, что ее рост – сто шестьдесят восемь сантиметров, – ответила Маура. – И как видишь, она относительно стройная.

– Значит, в ней было около пятидесяти, пятидесяти двух килограммов.

– Вполне обоснованное предположение.

«Но даже стройную женщину через некоторое время станет тяжело нести. А если к тому моменту она уже умерла, убийце нужно было торопиться. Протянешь слишком долго, и тело начнет свой неизбежный путь к разложению. А если женщина все еще дышит, появятся другие трудности. Кричащая и вырывающаяся жертва. Кто-нибудь может услышать, как ты вытаскиваешь ее из машины. И где же ты нашел этот идеальный уголок, место убийства?» – пронеслось в голове у Джейн.

Раздался звонок устройства внутренней связи, и в динамике зазвучал голос секретаря Мауры:

– Доктор Айлз, вам звонят по первой линии. Это Скотт Терлоу из НИКЦ^[10].

– Я отвечу, – сказала Маура. Снимая по пути перчатки, она подошла к телефону. – Доктор Айлз. – Некоторое время она молчала, слушая собеседника, а затем, внезапно выпрямившись, бросила на Джейн взгляд, словно бы говоривший: «Это важный звонок». – Спасибо, что сообщили. Я сейчас посмотрю на него. Подождите минутку. – Она подошла к лабораторному компьютеру.

– Что такое? – заволновалась Джейн.

Маура открыла одно из сообщений электронной почты и щелкнула по вложению. На экране появилось несколько рентгеновских снимков зубов. В морге обычно делают панорамные снимки, на которых видны сразу все зубы, во вложении же был рентген из стоматологического кабинета, изображающий лишь отдельные зубы.

– Да, снимки передо мной, – сообщила Маура в телефонную трубку. – Я вижу амальгаму на окклюзионной поверхности шестого зуба. Это полностью совпадает.

– С чем совпадает? – спросила Джейн.

Маура подняла руку, требуя тишины, и продолжила телефонный разговор.

– Открываю второе вложение, – объявила она.

Экран заполнил новый снимок, изображающий молодую женщину с длинными черными волосами и сощуренными на солнце глазами. На ней были черный топ и джинсовая рубашка. Сильно загорелое лицо, лишенное макияжа, свидетельствовало о том, что женщина большую часть времени проводила на улице, любила свежий воздух и практичную одежду.

– Я сейчас просмотрю эти файлы и перезвоню вам, – пообещала Маура и повесила трубку.

– Кто эта женщина? – осведомилась Джейн.

– Ее звали Лорейн Эджертон. Последний раз ее видели двадцать пять лет назад неподалеку от Гэллапа, штат Нью-Мексико.

Вглядываясь в улыбающееся лицо на экране компьютера, Джейн нахмурилась:

– Я что, должна помнить это имя?

– Теперь ты его запомнишь. Потому что сейчас ты смотришь на Госпожу Икс.

У судебного психолога доктора Лоуренса Цукера взгляд был настолько пронизывающим, что Джейн, как правило, старалась не садиться прямо напротив него, однако в этот раз она опоздала на заседание, а потому ей пришлось занять единственное свободное место – как раз напротив доктора. Он медленно разглядывал лежавшие на столе фотографии. На них красовалась юная Лорейн Эджертон. На одних снимках она представляла в шортах и футболках, на других – в джинсах и высоких спортивных ботинках. Было ясно, что она проводила много времени на свежем воздухе, и загар подтверждал это. Затем психолог переключился на нынешний образ убитой – одеревенелая и сухая, как доска, кукла, с лицом, напоминающим кожаную маску, туго натянутую поверх костей.

Когда доктор поднял взгляд, его зловеще светлые глаза были направлены на Джейн, и та с тревогой почувствовала, будто они устремлены прямо в темные уголки ее сознания, туда, куда Риццоли не позволяла заглядывать никому. И хотя в зале сидели еще четыре детектива, женщин, кроме нее, здесь не было, – возможно, именно поэтому доктор Цукер сосредоточил свое внимание именно на Джейн. Она пресекла попытку доктора запугать ее и тоже уставилась на психолога.

– И когда же, вы говорите, пропала госпожа Эджертон? – осведомился он.

– Это случилось двадцать пять лет назад, – ответила Джейн.

– И что, именно в то время ее тело приобрело такой вид?

– О том, что это Лорейн Эджертон, мы знаем только благодаря документации зубного врача.

– А еще мы знаем, что для мумификации трупа не нужны столетия, – добавил Фрост.

– Да, но вдруг она была убита не двадцать пять лет назад, а несколько позже? – предположил Цукер. – Вы говорили, что она дожила до того момента, когда ее пулевое ранение начало зарубцовываться. А что, если ее продержали в неволе гораздо дольше? Можно ли сделать мумию, скажем, за пять лет?

– Думаете, преступник держал ее у себя два десятилетия?

– Я просто строю предположения, детектив Фрост. Пытаюсь понять, что в этом так привлекает нашего неизвестного. Что могло заставить его совершать эти жуткие посмертные ритуалы. Во всех трех случаях он приложил массу усилий, чтобы уберечь свои жертвы от разложения.

– Ему хотелось сохранить их, – предположил лейтенант Маркетт, начальник отдела убийств. – Он хотел, чтобы они подольше оставались рядом.

Цукер кивнул:

– Вечное единение. Это одно из объяснений. Он не хотел отпускать их, а потому превратил в сокровища, которые можно хранить вечно.

– Зачем их тогда вообще убивать? – удивился детектив Кроу. – Почему нельзя просто держать их взаперти? Мы знаем, что две из них прожили довольно долго, настолько долго, что переломы уже начали заживать.

– Возможно, вследствие травм они умерли естественной смертью. Насколько я понял из отчетов о вскрытиях, четких выводов о причинах смерти так и не сделано.

– Да, доктор Айлз пока не смогла установить причины смерти, – подтвердила Джейн, – но мы знаем, что Болотная леди... – Она осеклась. «Болотная леди» было новым прозвищем убитой, однако никто из детективов не собирался произносить его в присутствии посторонних. Не хватало еще, чтобы оно попало на страницы газет. – Мы знаем, что убитая из багажника страдала от переломов обеих ног, в которые, вероятно, попала инфекция. Это и могло стать причиной смерти.

– А консервация – единственный способ оставить ее рядом с собой, – добавил Маркетт. – Навсегда.

Цукер снова глянул вниз, на фотографию:

– Расскажите мне об этой убитой, о Лорейн Эджертон.

Джейн придвинула папку поближе к психологу:

– Вот все, что нам о ней известно. Пока. На момент исчезновения она была аспиранткой и работала в Нью-Мексико.

– А что она изучала?

– Археологию.

Брови Цукера поползли вверх.

– Мне кажется или я нащупал основное?

– Это трудно не нащупать. Тем летом Лорейн в составе группы студентов работала на археологических раскопках в каньоне Чако. В день исчезновения она сказала своим коллегам, что собирается съездить в город. Ранним вечером она уехала на своем мотоцикле и больше не вернулась. Спустя две-три недели мотоцикл обнаружили в нескольких километрах от раскопа, возле резервации навахо. По тем данным, что я нашла, местность там малолюдная. В основном открытая пустыня и грунтовые дороги.

– Значит, свидетелей не было.

– Нет. А теперь, по прошествии двадцати пяти лет, детектив, который

занимался делом о ее исчезновении, умер. И у нас есть только его отчет. Именно поэтому мы с Фростом летим в Нью-Мексико – побеседовать с археологом, который руководил раскопками. Он был одним из последних, кто видел ее живой.

Цукер посмотрел на фотографии:

– Похоже, у этой девушки было атлетическое сложение.

– Верно. Она походница, путешественница. Много времени проводила с лопатой в руках. Такие девчонки без боя не сдаются.

– Но у нее в ноге была пуля.

– Возможно, нашему преступнику только таким способом и удавалось контролировать свои жертвы. Именно так он сломил Лорейн Эджертон.

– А у Болотной леди были сломаны две ноги, – заметил Фрост.

Цукер кивнул:

– И это, конечно же, убедительно свидетельствует о том, что обеих женщин убил наш неизвестный. А что мы знаем о болотной жертве? О той, что обнаружили в багажнике?

Джейн придвинула ему папку с материалами по Болотной леди.

– Мы пока не установили ее личность, – сообщила Риццоли. – Так что пока неизвестно, была ли она каким-то образом связана с Лорейн Эджертон. НИКЦ пробивает ее по своим базам, а нам остается только надеяться, что кто-то когда-либо заявлял о ее исчезновении.

Цукер проглядел отчет о вскрытии.

– Взрослая женщина, возраст – от восемнадцати до тридцати пяти. Великолепные зубы, ортодонтия. – Он поднял взгляд. – Я очень удивлюсь, если о ее исчезновении никто не заявил. Метод консервации должен подсказать, в какой части страны ее убили. В каких штатах есть торфяные болота?

– На самом деле во многих, – отозвался Фрост. – Так что это особенно не сужает границы поиска.

– Приготовьтесь, – с улыбкой предупредила Джейн. – Детектив Фрост теперь официальный эксперт по болотам в Бостонском полицейском управлении.

– Я беседовал с доктором Джудит Уэлш, биологом из Массачусетского университета, – начал Фрост. Вынув блокнот, он перелистнул несколько страниц, чтобы добраться до нужного места. – И вот что она мне сказала. Торфяные болота можно найти в Новой Англии, в Канаде, возле Великих озер и на Аляске. Во всех местах с умеренным и влажным климатом. Даже во Флориде есть торфяные болота. – Фрост поднял взгляд. – Кстати, болотные тела там нашли неподалеку от парка «Дисней уорлд».

– Seriously? – рассмеялся детектив Кроу.

– Более сотни тел, и, возможно, им восемь тысяч лет. Это называется Уиндоверское захоронение. Но эти трупы не законсервировались. От них остались только скелеты. Честно говоря, никакого сравнения с нашей Болотной леди. Там климат жаркий, так что они разложились, даже несмотря на то, что лежали в торфе.

– Это означает, что южные болота можно исключить? – осведомился Цукер.

Фрост кивнул:

– Наша жертва слишком хорошо законсервирована. В момент ее погружения вода наверняка была холодной, четыре градуса или даже ниже. Только в этих условиях она могла сохраниться так хорошо.

– В таком случае речь надо вести о северных штатах. Или о Канаде.

– В Канаде нашему преступнику грозили бы неприятности, – заметила Джейн. – Ему пришлось бы перевозить труп через границу.

– Думаю, Аляску тоже можно исключить, – подхватил Фрост. – Там пришлось бы пересекать другую границу. Не говоря уже о долгой дороге.

– Все равно возможных мест достаточно, – проговорил Цукер. – Остается много штатов с болотистой местностью, где можно было припрятать тело.

– Фактически поиски можно сузить до омброгенных болот, – сказал Фрост.

Все присутствующие обратили на него взгляды.

– Что? – обалдел детектив Трипп.

– Болота – очень клевая вещь, – с энтузиазмом пустился в объяснения Фрост. – Чем больше о них узнаешь, тем интересней становится. Начать хотя бы с органического перегноя, погруженного в стоячую воду. Вода настолько холодная и в ней так мало кислорода, что торф просто лежит там, не разлагаясь и накапливаясь год от года, пока его толщина не достигнет полуметра. Если вода застойная, значит болото – омброгенное.

– Знание – вещь опасная, даже в небольших количествах, – сухо заметил Кроу, глянув на Триппа.

– Это вообще имеет отношение к делу? – осведомился Трипп.

Фрост вспыхнул:

– Да. И если ты слушаешь немного, возможно, что-нибудь узнаешь.

Джейн с удивлением обернулась к своему напарнику. Фрост редко раздражался, и она совершенно не ожидала, что разговор о торфяном болоте может вызвать у него такое недовольство.

– Пожалуйста, продолжайте, детектив Фрост, – попросил Цукер. – Мне

интересно узнать, отчего болото становится омброгенным.

Сделав глубокий вдох, Фрост выпрямился на стуле.

– Здесь имеется в виду источник воды. Омброгенное – значит, в него не попадает вода из рек и подземных ключей. Следовательно, болото не получает дополнительно кислорода и питательных веществ. В него попадает только дождевая вода, оно застойное, а потому там повышенная кислотность. Вот эти самые черты и делают его настоящим болотом.

– Значит, это не просто топкая местность.

– Нет. В болото должна поступать только дождевая вода. Иначе оно называлось бы топью или трясиной.

– Насколько это важно?

– Только в настоящем болоте создаются условия, которые могут понадобиться для консервации тела. Мы говорим о совершенно конкретной болотистой местности.

– И это поможет нам определить территорию, на которой было законсервировано тело?

Фрост кивнул:

– На северо-востоке тысячи гектаров покрыты трясиной, однако настоящие болота занимают лишь небольшую часть этой площади. Их обнаружили в районе гор Адирондак, в Вермонте, на севере штата Мэн и на его побережье.

Детектив Трипп покачал головой:

– Я однажды ходил на охоту вглубь северного Мэна. Кроме деревьев и оленей, там ничего нет. Если у нашего парнишки есть тайничок в этих местах – ищи его свищи.

– Биолог, я имею в виду доктора Уэлш, – снова заговорил Фрост, – сказала, что, вероятно, она смогла бы сузить территорию поиска, если бы у нее было больше информации. Так что мы отправили ей несколько кусочков растительного материала, которые доктор Айлз вынула из волос убитой.

– Очень важный момент, – заметил Цукер. – Это дает дополнительные сведения для географического профиля убийцы. Знаете, как говорят специалисты по психологии преступников? «Идешь, куда знаешь, и знаешь, куда идешь». Люди обычно выбирают места, где им уютно, знакомую местность. Вероятно, наш субъект ездил в летний лагерь в горы Адирондак. А может, он охотник вроде вас, детектив Трипп, и знает все дорожки, все потайные стоянки в Мэне. Для того, что он сделал с болотной жертвой, требовалась предварительная подготовка. Как он ознакомился с этой местностью? Есть ли у него там какой-нибудь домишко? Доступен ли

он в нужное время года, когда вода уже холодная, но еще не замерзла и жертву можно быстро поместить в болото?

– Нам известно о нем и кое-что другое, – сказала Джейн.

– Что же это?

– Он знал, как именно законсервировать ее. Он представлял себе необходимые условия и нужную температуру воды. Это особые знания, такая информация недоступна большинству людей.

– Если, конечно, эти люди не археологи, – заметил Цукер.

Джейн кивнула:

– Мы снова возвращаемся к этой теме, верно?

Откинувшись на спинку стула, Цукер задумчиво сощурил глаза:

– Убийца, знакомый со старинными похоронными практиками. Его жертвой в Нью-Мексико была молодая женщина, работавшая на месте раскопок. Теперь, похоже, он заиклился на другой молодой особе, служащей в музее. Как он нашел этих женщин? Как встретился с ними? – Доктор поглядел на Джейн. – У вас есть список друзей и знакомых госпожи Пульчилло?

– Этот список достаточно краток. Там только служащие музея и люди, живущие в ее многоквартирном доме.

– И никаких джентльменов? Вы говорили, что она достаточно привлекательная молодая женщина.

– По ее словам, с тех пор как она переехала в Бостон пять месяцев назад, у нее не было ни единого свидания. – Джейн умолкла. – На самом деле она какая-то странноватая.

– Что вы имеете в виду?

Помедлив, Джейн посмотрела на Фроста, который постоянно избегал ее взгляда.

– Есть в ней что-то... не то. Я не могу объяснить.

– У вас такое же отношение к ней, детектив Фрост?

– Нет, – отозвался Барри, поджав губы. – Думаю, Джозефина просто очень напугана, вот и все.

Цукер бросил взгляд сначала на него, потом на его напарницу, и брови психолога поползли вверх.

– Мнения не совпали.

– Риццоли слишком многое в этом усматривает, – добавил Фрост.

– Я улавливаю от нее странные сигналы, – призналась Джейн. – Словно она боится нас больше, чем преступника.

– Тебя – может быть, – отозвался Фрост.

– А кто не боялся бы? – засмеялся детектив Кроу.

Некоторое время Цукер молчал; Джейн не нравилось то, как он разглядывал их с Фростом – словно прощупывал, насколько глубока пропасть, образовавшаяся между ними.

– Эта женщина – одиночка, вот я о чем, – сказала Джейн. – Она идет на работу, потом возвращается домой. Создается впечатление, что вся ее жизнь проходит в музее.

– А как насчет коллег?

– В музее есть куратор, Николас Робинсон. Сорок лет, холост, судимости не имеет.

– Холост?

– Да, меня это тоже насторожило, но я так и не обнаружила, что именно меня грызет. Кроме того, он-то и нашел Госпожу Икс в цокольном этаже. Остальные работают на общественных началах, их средний возраст – лет сто. Я даже представить себе не могу, что такие стариканы способны вытащить тело из болота.

– Значит, дееспособных подозреваемых у вас нет.

– Зато есть три жертвы, убитые, возможно, не только вне нашей территории, но и вовсе за пределами Массачусетса, – констатировал Кроу.

– Что ж, теперь они на нашей территории, – возразил Фрост. – Мы обыскали все ящики в цокольном этаже музея и других жертв не обнаружили. Но разве разберешь, где еще за стенами могут оказаться тайники? – Бросив взгляд на свой зазвонивший мобильный телефон, Фрост внезапно поднялся. – Прошу прощения, мне нужно ответить на этот вызов.

Когда Фрост вышел из зала, Цукер снова устремил взгляд на Джейн:

– Мне интересно то, что вы говорили ранее о госпоже Пульчилло.

– Что именно?

– Вы сказали, она странноватая. Однако детектив Фрост ничего такого не заметил.

– Да. Что ж, мнения у нас не совпали.

– Насколько сильно не совпали?

Она что, должна высказать все начистоту? То, что Фрост не может трезво мыслить, так как его жена уехала в другой город и ему одиноко, а у Джозефины Пульчилло большие карие глаза?

– В этой женщине есть что-то такое, из-за чего вы относитесь к ней с предубеждением?

– Что? – Джейн изумленно усмехнулась. – Вы считаете, это я...

– Почему вы нервничаете из-за нее?

– Я не нервничаю. Просто она скрытная. Будто пытается опередить...

– Вас? Или убийцу? Насколько я понимаю, эта женщина имеет полное

право быть испуганной. В ее машину подкинули труп. Очень похоже, что это подарок убийцы, подношение, если хотите. Подарок очередной спутнице.

«Очередной спутнице». От этой фразы руки Джейн покрылись гусиной кожей.

– Я так понимаю, она в безопасном месте? – спросил Цукер. Ему никто не ответил, и он оглядел всех сидевших за столом. – Уверен, что все согласятся – ей может угрожать опасность. Где она?

– Как раз этот вопрос мы и пытаемся прояснить, – призналась Джейн.

– Вы не знаете, где она?

– Она сказала, что собирается погостить у своей тетки по имени Конни Пульчилло в Берлингтоне, штат Вермонт, однако это имя нигде не зарегистрировано. Мы оставляли сообщения на голосовой почте Джозефины, но она так и не ответила.

Цукер покачал головой:

– Это очень нехорошо. Вы наведывались в ее бостонскую квартиру?

– Ее там нет. Сосед по дому видел, как в пятницу утром она уехала с двумя чемоданами.

– Даже покинув Бостон, она может оказаться в опасности, – заметил Цукер. – Этот неизвестный явно не испытывает трудностей, действуя на территории разных штатов. Похоже, географических пределов для него не существует. Возможно, он последовал за ней.

– Если он знает, где она. Даже мы не способны ее обнаружить.

– Но он сконцентрирован на ней одной. Возможно, он уже некоторое время на ней зациклен. Если он наблюдал за ней, ходил за ней, он наверняка точно знает, где ее искать. – Цукер снова откинулся на спинку стула. Он явно был встревожен. – Почему она не отвечает на звонки? Потому, что не может?

Не успела Джейн отреагировать, как дверь открылась и в зал снова вошел Фрост. Стоило ей глянуть в лицо напарнику, и сразу стало ясно: что-то не так.

– Что случилось?

– Джозефина Пульчилло погибла, – объявил он.

Это резкое сообщение потрясло всех присутствовавших, словно заряд электрошокера.

– Погибла? – Джейн вскочила со стула. – Как? Что случилось, черт возьми?

– Автокатастрофа. Но...

– Значит, это не наш убийца.

– Нет. Это определенно не наш преступник, – подтвердил Фрост.

Джейн слышала ярость в его голосе, видела ее в сощуренных глазах напарника, в его поджатых губах.

– Она погибла в Сан-Диего, – сказал Фрост. – Двадцать четыре года назад.

Они ехали в машине уже полчаса, когда Джейн в конце концов подняла тягостную тему – до этого момента, во время полета из Бостона в Альбукерке, им удавалось избежать ее.

– А ты ведь запал на нее, верно? – спросила Риццоли.

Фрост даже не взглянул на Джейн. Он по-прежнему сосредоточенно вел машину, не отрывая взгляда от дороги, поверхность которой, раскаленная, словно сковорода, поблескивала под жарким солнцем Нью-Мексико. За все время их совместной работы Джейн впервые почувствовала, что между ними выросла стена, этакий непроницаемый барьер, сквозь который, казалось, ей не удастся пробиться. Сейчас рядом с Риццоли сидел не хорошо знакомый добряга Барри Фрост, а его злобный близнец, который, не ровен час, заговорит на неведомом языке или начнет вращать головой, словно демон.

– Знаешь, нам и вправду надо обсудить это, – с настойчивостью сказала Джейн.

– Почему ты не можешь оставить эту тему, а?

– Нельзя же постоянно изводить себя. Она красивая девица, и ей удалось охмурить тебя. С парнями такое случается.

– Только не со мной. – Наконец он взглянул на Джейн, но с такой неукротимой яростью, что Риццоли затихла. – Понять не могу, как я этого не заметил, – добавил Фрост, снова переводя взгляд на дорогу.

Наступившую затем тишину некоторое время нарушали только шум кондиционера да звук рассекавшего жару автомобиля.

Джейн еще ни разу не бывала в Нью-Мексико. И никогда в жизни не видела пустыню. Но сейчас она лишь мельком отмечала пролетавшие мимо пейзажи – ее волновало только одно: нужно было заделать трещину, возникшую между ней и напарником, а единственный способ справиться с этим – обсудить ситуацию, хочет этого Фрост или нет.

– Это сюрприз не только для тебя, – снова начала Джейн. – Доктор Робинсон не имел об этом ни малейшего понятия. Видел бы ты его лицо,

когда я объявила, что Джозефина – мошенница. А раз уж она даже имя использовала чужое, представляешь, сколько еще она наврала? Эта женщина надула массу людей, в том числе и преподавателей в колледже.

– Но не тебя. Ты ее раскусила.

– Просто я почувствовала в ней что-то странное, вот и все.

– Полицейский инстинкт.

– Ага. Типа того.

– Так что же тогда случилось с моим?

Джейн усмехнулась:

– Тут действовал другой инстинкт. Она красива, запугана, все такое прочее. И наш бойскаут решил спасти ее.

– Не разобравшись, кто это.

Личность мошенницы еще не установили, наверняка было ясно только одно – она не настоящая Джозефина Пульчилло, поскольку та погибла двадцать четыре года назад в возрасте двух лет. Спустя годы юная покойница умудрилась поступить в колледж и даже закончить его. Ей удалось открыть счет в банке, получить права и устроиться на работу в малоизвестный бостонский музей. Воскреснув, девочка перевоплотилась в женщину, чье происхождение по-прежнему оставалось загадкой.

– Не могу поверить, что я был таким идиотом, – проговорил Фрост.

– Хочешь, дам тебе совет?

– Вообще-то, не очень.

– Позвони Элис. Попроси ее вернуться домой. Знаешь, ведь проблема и в этом тоже. Твоя жена уехала, и ты почувствовал себя одиноким. Уязвимым. А когда на горизонте появилась красивая женщина, ты начал думать другим местом.

– Я же не могу просто взять и приказать ей вернуться.

– Но она ведь твоя жена, или как?

Фрост фыркнул:

– Хотел бы я посмотреть, как Габриэль диктует тебе, что делать. Сцена будет – не обрадуешься.

– Но меня можно уговорить, и Элис тоже. Она слишком долго пробыла у родителей, а ты нуждаешься в ней. Возьми и позвони ей.

Фрост вздохнул:

– Все гораздо сложнее.

– Что ты имеешь в виду?

– У нас с Элис... ну, кое-какие проблемы. С тех пор как она пошла в юридическую школу, нам, похоже, стало не о чем разговаривать. Будто бы я всякую ерунду несу, которую и слушать не стоит. Целый день она проводит

с этими умниками-профессорами, а когда приходит домой, о чем с ней беседовать-то?

– Может быть, о своей работе?

– Ага, я рассказываю, как мы проводили арест, а она спрашивает, имели ли место проявления жестокости со стороны полиции.

– Господи! Элис перешла на сторону врага?

– Она считает, что вражеская сторона – это мы. – Фрост поглядел на Джейн. – А знаешь, тебе повезло. Габриэль – один из нас. Он врубается в то, что мы делаем.

Да, Джейн повезло – она вышла замуж за человека, понимающего, насколько сложно защищать закон. Однако Риццоли знала, как быстро порой распадаются даже самые счастливые браки. Во время прошлогоднего рождественского ужина Джейн стала свидетелем того, как развалился брак ее родителей. Она видела, как совершенно чужая блондинка разрушила их семью. И понимала: Барри Фрост оказался на пороге супружеской катастрофы.

– Скоро будет барбекю – мама каждый год устраивает его для соседей. Туда явится Винс Корсак, так что получится встреча бывших коллег. Может, придешь?

– Ты меня, что ли, из жалости приглашаешь?

– Я так и так хотела тебя позвать. Да я и раньше тебя приглашала, только ты никогда не приходил.

Фрост вздохнул:

– Это из-за Элис.

– Что-что?

– Она ненавидит полицейские тусовки.

– А ты ходишь на ее юридические вечеринки?

– Ага.

– Ну и что за фигня?

Фрост пожал плечами:

– Понимаешь, мне просто нужно, чтобы она была счастлива.

– Мне очень не хочется говорить это...

– Тогда и не говори, ладно?

– Элис – порядочная сучка, да?

– Боже! Обязательно было обзывать ее?

– Прости. Но она действительно сучка.

Барри покачал головой:

– Неужели все против меня?

– Я за тебя. Я тебя оберегаю. Потому и говорила, что от этой

Джозефины нужно держаться за миллион километров. Я очень рада, что ты наконец понял, почему я так сказала.

Фрост еще сильнее вцепился в руль:

– Я все думаю, кто она на самом деле. И что, черт возьми, она скрывает.

– Завтра нам должны сообщить хоть что-нибудь об отпечатках ее пальцев.

– А вдруг она прячется от бывшего мужа? Может, все из-за этого?

– Если бы Джозефина скрывалась от какого-нибудь психа, она наверняка сказала бы нам об этом, как думаешь? Мы же вроде как хорошие. Зачем убегать от полиции, если ты ни в чем не виновата?

Фрост продолжал смотреть на дорогу. До поворота на каньон Чако оставалось еще пятьдесят километров.

– Мне очень хочется это понять, – признался он.

Через десять минут, проведенных под местным солнцем, Джейн поклялась, что больше не станет жаловаться на бостонское лето. Спустя несколько секунд после того, как они с Фростом вышли из взятой напрокат машины с кондиционером, у нее на лице тут же выступил пот. Песок был таким горячим, что, казалось, обжигал ступни сквозь туфли. Солнце пустыни сияло так ярко, что Джейн щурилась даже под темными очками, которые приобрела на одной из попавшихся по пути заправочных станций. Фрост купил такие же, и в сочетании с костюмом и галстуком они наверняка придали бы ему сходство с агентом секретной службы или персонажем из «Людей в черном», если бы его лицо не приобрело тревожно-красный оттенок. Создавалось впечатление, что у него вот-вот прихватит сердце.

«Как же этот старикан умудряется работать?» – удивилась про себя Риццоли.

Заслуженному профессору Алану Куигли было семьдесят восемь лет, однако это не мешало ему, преклонив колени, сидеть на самом дне раскопа и терпеливо ковырять совком в каменистой земле. Его изношенная грязная панама с загнутыми по бокам полями казалась такой же старой, как и он сам. Профессор трудился в тени брезентового полога, однако даже в этом случае здешняя жара запросто могла свалить и куда более молодого человека. Действительно, студенты из его бригады уже закончили работу и теперь дремали в тени неподалеку, но старый профессор продолжал откалывать камни и собирать в ведро рыхлую землю.

– Появляется определенный ритм, – пояснил Куигли. – Дзен-раскопки,

так я это называю. Молодые ребята выкладываются полностью, выплескивают всю нервную энергию. Они считают, что мы ищем клад, а потому торопятся найти золото быстрее других. Или хотя бы до конца семестра – если он приходит раньше. Они либо полностью истощаются, либо, обнаруживая лишь землю и камни, теряют интерес. Так или иначе, но это случается с большинством. Однако серьезные ребята – те редкие личности, которые продолжают работать, – понимают, что человеческая жизнь проходит в мгновение ока. За один сезон невозможно раскопать то, что копилось веками.

Сняв солнечные очки, Фрост вытер со лба пот:

– Так что же... э-э-э... что вы откапываете там, профессор?

– Мусор.

– Как?

– Это мусорная куча. Место, куда сваливали отходы. Мы ищем битую посуду, кости животных. Изучая то, что считали нужным выбросить, можно многое узнать о том или ином обществе. А здешняя община была крайне интересной. – Куигли натужно крикнул и поднялся на ноги, вытирая рукавом обветренный лоб. – Эти старые колени уже давным-давно пора заменить. Первое, что портишь, занимаясь нашей профессией, – это проклятые колени. – По приставной лестнице он выбрался из раскопа. – Роскошное место, правда? – проговорил профессор, окидывая взглядом пейзаж – долину, усеянную древними развалинами. – Когда-то этот каньон был обрядовым местом, здесь совершали священные ритуалы. Вы уже посмотрели парк?

– Боюсь, что нет, – ответила Джейн. – Мы только сегодня прилетели в Альбукерке.

– Вы так долго добирались из Бостона и не хотите посмотреть на каньон Чако, одно из лучших мест раскопок в стране?

– У нас мало времени, профессор. Мы приехали, чтобы поговорить с вами.

Он фыркнул:

– Тогда вам придется оглядеться, ведь это место и есть моя жизнь. Я провел в этом каньоне сорок сезонов – во всяком случае, все то время, когда не нужно было читать лекции в университете. А теперь я ушел на пенсию и могу полностью посвятить себя раскопкам.

– Поискал мусора, – добавила Джейн.

Куигли рассмеялся:

– Да. Полагаю, можно сказать и так.

– А Лорейн Эджертон работала в этом же месте?

– Нет, мы стояли вон там, по другую сторону каньона. – Профессор указал на скопище каменных руин, видневшихся вдали. – Со мной работала бригада студентов – старшекурсники и аспиранты. Обычный состав. Некоторые из них и в самом деле интересовались археологией, а иные приехали, только чтобы получить диплом. Или повеселиться всласть, а может, даже потрахаться.

Джейн не ожидала услышать грязное слово из уст семидесятивосьмилетнего старика, однако этот человек большую часть жизни провел, работая бок о бок с сексуально озабоченными студентами.

– Вы помните Лорейн Эджертон?

– О да. После того происшествия я, конечно же, не забыл о ней. Эта девушка была моей аспиранткой. Весьма целеустремленной и крепкой, как скала. Во всем том, что случилось с Лорейн, разумеется, хотели обвинить меня, хотя она сама прекрасно могла за себя постоять.

– Кто хотел обвинить вас?

– Ее родители. Они были безутешны, ведь Лорейн – их единственная дочь. Поскольку руководил раскопками именно я, они решили, что это моя вина. Они судились с университетом, но, разумеется, дочь уже нельзя было вернуть. Видимо, именно из-за этого отца Лорейн в конце концов хватил инфаркт. Ее мать умерла несколько лет спустя. – Куигли покачал головой. – Самое удивительное, что эту девушку будто бы поглотила пустыня. В один прекрасный день она села на мотоцикл, помахала рукой и исчезла. – Профессор поглядел на Джейн. – А теперь, вы говорите, ее тело обнаружили в Бостоне?

– Но мы считаем, что ее убили здесь, в Нью-Мексико.

– Прошло так много времени. И только сейчас мы узнали правду.

– Не всю. Именно поэтому мы и приехали.

– Тогда нас допрашивал какой-то детектив. Кажется, его звали Макдоналд или что-то в этом роде. Вы говорили с ним?

– Его звали Макдауэлл. Он умер два года назад, но все его записи теперь у нас.

– Господи! А ведь и он был младше меня. Все они были моложе, и все уже умерли. И Лорейн. И ее родители. – Профессор устремил на Джейн взгляд своих ясных голубых глаз. – А я по-прежнему жив и здоров. Никогда не знаешь, что тебя ждет, верно?

– Профессор, я понимаю, это было давно, но мы очень просим вас вспомнить то лето. Расскажите нам о дне, когда исчезла Лорейн. И обо всех студентах, с которыми вы тогда работали.

– Детектив Макдауэлл опросил всех, кто тогда был здесь. У вас

наверняка сохранились эти записи.

– Но ведь вы лично знали студентов. И наверняка вели полевой дневник. Документировали раскопки.

Профессор Куигли встревоженно посмотрел на Фроста, чье алое лицо стало еще на тон ярче.

– Молодой человек, я вижу, вы больше не в состоянии выносить эту жару. Может, лучше поговорим в моем кабинете? Это в административном здании парка. Там есть кондиционер.

На фотографии Лорейн Эджертон стояла в последнем ряду, бок о бок с мужчинами. Черные волосы она забрала в хвостик, словно желая выделить свое сильно загоревшее лицо – широкий подбородок и выпирающие скулы.

– Мы называли ее амазонкой, – сказал профессор Куигли. – Не за выдающуюся силу, а за бесстрашие. И не только физическое. Лорейн всегда высказывала свое мнение, не раздумывая, будут у нее из-за этого неприятности или нет.

– А у нее бывали неприятности из-за этого? – осведомился Фрост.

Куигли с улыбкой глядел на лица бывших студентов, которые теперь уже достигли среднего возраста. Если, конечно, были еще живы.

– Со мной – нет, детектив. Ее честность забавляла меня.

– А других?

– Ну, знаете, как это бывает в группах. С одними конфликтуете, с другими ладишь. А этим молодым людям было едва за двадцать, так что нужно все это помножить на гормоны. От таких проблем я изо всех сил старался держаться подальше.

Джейн внимательно рассматривала фотографию, сделанную в самый разгар сезона. На ней студенты расположились в два ряда – те, что были спереди, стояли на коленях. В футболках и шортах все они выглядели симпатичными, загорелыми и здоровыми. Рядом со студенческой группой стоял профессор Куигли – пусть лицо его казалось полнее, а бакенбарды пышнее, зато фигура, как и теперь, была худощавой.

– В этой группе гораздо больше девушек, чем юношей, – заметил Фрост.

Куигли кивнул:

– Обычно так оно и бывает. Похоже, женщин археология привлекает сильнее, чем мужчин, – они с большим усердием берутся за такие утомительные занятия, как чистка и просеивание.

– Расскажите мне о молодых людях, изображенных на фото, – попросила Джейн. – Что вы о них помните?

– Вы думаете, кто-то из них мог убить Лорейн?
– Для краткости отвечу: да.
– Детектив Макдауэлл опросил всех. Но так ничего и не обнаружил, а потому никого из них не привлек по этому делу.

– Тем не менее мне бы хотелось узнать все, что вы о них помните.
Куигли некоторое время поразмышлял над просьбой Джейн. А потом указал на азиата, стоявшего рядом с Лорейн.

– Джефф Чу, готовился поступать в медицинскую школу. Очень умный мальчик, только вот нетерпеливый. Думаю, здесь ему было скучно. Сейчас он работает врачом в Лос-Анджелесе. А это Карл, не помню, как его там. Обычный неряха. Девочкам все время приходилось убирать за ним. Третий парнишка на этом снимке, Адам Станчефф, изучал музыку. Таланта археолога за ним не водилось, а вот на гитаре он играл хорошо. Девочкам нравилось.

– И Лорейн тоже? – поинтересовалась Джейн.
– Адама любили все.
– Я имею в виду, с точки зрения романтических отношений. У Лорейн был роман с кем-нибудь из них?

– Интрижки Лорейн не интересовали. Она упорно занималась своей профессией. И это меня всегда восхищало в ней. Мне бы хотелось, чтобы как можно больше студентов походили на нее. Однако в основном мой курс посещают знатоки «Расхитительницы гробниц». Они понятия не имеют, что им придется таскать землю. – Он замолчал, пытаясь понять выражение лица Джейн. – Вы разочарованы.

– Пока я не узнала ничего нового – все это мы уже читали в записях Макдауэлла.

– Сомневаюсь, что мне удастся добавить хоть что-нибудь стоящее. А если что и вспомню, то после стольких лет этому вряд ли стоит верить.

– Макдауэллу вы сказали, что ваши студенты вряд ли причастны к этому исчезновению. Вы до сих пор так считаете?

– Мое мнение не изменилось. Знаете, детектив, все они были хорошими ребятами. Некоторые, конечно, ленились. И порой перебирали с выпивкой, когда ездили в город.

– А как часто они это делали?

– Раза два в неделю. В Гэллапе тоже, знаете, особо делать нечего. Ну и взгляните на каньон. Кроме здания администрации парка и нескольких лагерей, здесь ничего нет. Впрочем, днем сюда навещают туристы, и в каком-то смысле это развлечение, потому что они ходят вокруг нас и задают вопросы. Но, помимо общения с ними, можно развлечься только

поездкой в город.

– Вы упомянули туристов, – заметил Фрост.

– Детектив Макдауэлл проработал этот вопрос. Нет, я не могу припомнить среди них ни одного убийцы-психопата. Правда, увидев такого, я вряд ли понял бы, с кем имею дело. И уж конечно не смог бы вспомнить его лицо, особенно четверть века спустя.

«В этом-то и состоит проблема, – подумала Джейн. – Спустя двадцать пять лет воспоминания стираются или, что еще хуже, преобразовываются. Выдумки становятся правдой». Она глянула в окно, на дорогу, ведущую к каньону. Всего-навсего грунтовая дорога, над которой взмывают клубы раскаленной пыли. Для Лорейн Эджертон она стала дорогой забвения. «Что же случилось с тобой в пустыне? – задумалась Джейн. – Ты села на свой мотоцикл, выехала из каньона и словно бы провалилась во временную яму, чтобы двадцать пять лет спустя снова выбраться из нее, но уже в Бостоне, в музейном ящике. А пустыня давным-давно уничтожила все следы твоего путешествия».

– Профессор, можно мы пока возьмем эту фотографию? – попросил Фрост.

– Но вы ее вернете, правда?

– С ней ничего не случится.

– Просто с того сезона у меня осталась только эта групповая фотография. Без таких снимков мне трудно припомнить всех. Когда каждый год к тебе приходит по десять студентов, имена начинают путаться. Особенно если преподаешь столько лет, сколько я.

Джейн отвернулась от окна:

– Каждый год вы берете по десять студентов?

– Я ограничиваюсь десятью из организационных соображений. К нам всегда поступает больше, чем мы можем принять.

Джейн указала на фото:

– Но здесь только девять студентов.

Профессор, нахмурившись, глянул на фотографию:

– Ох, верно. Был еще и десятый, но он уехал в самом начале лета. Когда пропала Лорейн, его здесь уже не было.

Вот, оказывается, почему в деле Макдауэлла было только восемь бесед с коллегами Лорейн.

– А что это был за юноша? Тот, что уехал? – поинтересовалась Риццоли.

– Студент. Только что окончил второй курс. Очень умный парень, однако чрезвычайно тихий и немного неуклюжий. Он не очень подходил

для этой группы. Я принял юношу только из-за его отца. Но парню здесь не понравилось, так что через несколько недель он собрал вещички и уехал с раскопок. Стажировался он уже в другом месте.

– Вы помните, как звали этого юношу?

– Его фамилию я, конечно же, помню. Ведь его отец – Кимбалл Роуз.

– Мне должно быть известно это имя?

– Всем, кто связан с археологией, оно известно. Это современный лорд Карнарвон^[11].

– И что это значит?

– То, что у него есть деньги, – догадался Фрост.

Куигли кивнул:

– Вот именно. У господина Роуза денег много – он заработал их на нефти и газе. Формально он не изучал археологию, занимается ею непрофессионально – однако талантливо и с увлечением, а еще финансирует раскопки в разных странах мира. Речь идет о десятках миллионов долларов. Если бы не было людей вроде него, если бы не существовало грантов, мы и камня не смогли бы с места сдвинуть.

– Десятки миллионов? – поразила Джейн. – И что же он получает в обмен за такие деньги?

– Что получает? Конечно же радость! Разве вам не хотелось бы первой ступить в только что обнаруженную гробницу? Или заглянуть в саркофаг, который был запечатан? Мы нужны ему, а он – нам. В археологии всегда было так. Союз тех, у кого есть деньги, и тех, кто обладает необходимыми навыками.

– Вы помните, как звали его сына?

– Я записал его имя где-то здесь. – Открыв книжку с полевым дневником, профессор принялся перелистывать страницы. На стол выпало несколько снимков, и Куигли указал на одну из фотографий. – А вот и он. Теперь я вспомнил, как его звали. Брэдли. Юноша в центре.

Брэдли Роуз сидел за столом, на котором были разложены осколки глиняной посуды. Еще два студента, попавшие в кадр, были заняты своими делами; Брэдли же пристально смотрел в камеру, словно изучая некое неведомое создание, которое не видел еще ни разу в жизни. Почти во всем он казался совершенно обычным: среднее телосложение, незапоминающееся лицо – бесцветность, которая легко теряется в толпе. Но его глаза привлекали внимание. Они напомнили Джейн тот день, когда она, придя в зоопарк, сквозь прутья клетки наблюдала за волком – светлые глаза зверя рассматривали ее со внушавшим страх интересом.

– Полиция допрашивала этого человека? – осведомилась Риццоли.

- Он уехал от нас за две недели до исчезновения девушки. У полицейских не было причин его допрашивать.
 - Но ведь он знал Лорейн. Они вместе работали на раскопе.
 - Да.
 - Разве уже из-за этого не стоило бы с ним поговорить?
 - Бессмысленно. Его родители сказали, что в это время он был у них в Техасе. Железное алиби, я так думаю.
 - А вы не помните, почему он уехал с раскопок? – спросил Фрост. – Что-нибудь случилось? Он не поладил с другими студентами?
 - Нет, я думаю, он просто заскучал здесь. А потому устроился на стажировку там, в Бостоне. Это разозлило меня – если бы я знал заранее, что Брэдли не продержится здесь, то мог бы взять другого студента.
 - В Бостоне? – насторожилась Джейн.
 - Да.
 - А где именно он стажировался?
 - В каком-то частном музее. Думаю, его папа пустил в ход свои связи и пристроил мальчика.
 - Случайно не в Кристинский музей?
- Профессор Куигли немного поразмыслил. Затем кивнул:
- Возможно, именно туда.

Джейн слышала, что Техас большой, но, будучи девчонкой из Новой Англии, она даже и вообразить не могла, что на самом деле означает это слово – «большой». А еще она не представляла, насколько ярко светит тexasское солнце и каким бывает здешний воздух – жарким, словно дыхание дракона.

Они три часа ехали из аэропорта, минуя километры поросшей кустарником земли и выжженные солнцем пейзажи; на этом фоне даже домашняя скотина выглядела иначе – тощей и неприкаянной, совсем не похожей на безмятежных гернзейских коров, которых Джейн видела на зеленых, радующих глаз фермах Массачусетса. Эта местность казалась чужой, обезвоженной, и Риццоли уже представляла себе, как будет выглядеть имение Роуза – такое же иссушенное ранчо, какие они проезжали по дороге, с невысоким, но вместительным домом и выжженной бурой землей, окруженной низким забором.

Поэтому, когда впереди показался особняк, она очень удивилась.

Дом стоял на покрытом буйной растительностью холме, который, возвышаясь над бесконечными владениями кустарников, казался невероятно зеленым. Лужайка, окружавшая строение, бархатной юбкой спадала вниз. В загоне, огороженном белым забором, паслось полдюжину лошадей с блестящими спинами. Но дольше всего Джейн глядела на само здание. Она ожидала увидеть обычное ранчо, а не замок с зубчатыми башнями.

Подъехав к массивным железным воротам, Риццоли и Фрост потрясенно уставились на них.

– И сколько же все это стоит, как считаешь? – спросила она.

– Думаю, миллионов тридцать, – отозвался Фрост.

– Всего-то? Тут небось двадцать тысяч гектаров.

– Да, но ведь это же Техас. Тут земля наверняка дешевле, чем у нас.

«Ну уж если тридцать миллионов долларов кажутся пустяком, – решила Джейн, – дело ясное: мы попали совсем в другой мир».

– По какому вопросу? – спросил голос из динамика внутренней связи, висевшего на воротах.

– Детективы Риццоли и Фрост. Мы из Бостонского полицейского управления. Приехали побеседовать с господином и госпожой Роуз.

– Господин Роуз ожидает вас?

– Я звонила ему сегодня утром. Он обещал поговорить с нами.

Последовала продолжительная пауза, после чего ворота наконец распахнулись.

– Проезжайте, пожалуйста.

По извилистой дороге они въехали на холм, мимо римских статуй и двойного ряда кипарисов. На каменной террасе возвышались разбитые колонны, стоявшие кругом, словно здесь находился древний храм, частично развалившийся по прошествии веков.

– И откуда они берут воду для всех этих растений? – удивился Фрост.

Когда они проезжали разбитую голову мраморного колосса, чей единственный уцелевший глаз внимательно смотрел на них со своего места на лужайке, взгляд Барри упал на него.

– Эй, как думаешь, он настоящий?

– Такие богачи на подделки не соглашаются. Держу пари, этот парень, типа лорд Карманвор...

– Ты имеешь в виду Карнарвон?

– Держу пари, он украсил свой дом всем настоящим.

– Сейчас это запрещено. Нельзя просто так забрать что-нибудь из другой страны и притащить домой.

– Запреты существуют для тебя и меня, Фрост. А не для таких людей, как они.

– Да уж, эти Роузы вряд ли обрадуются, когда поймут, к чему мы задаем все эти вопросы. Думаю, больше пяти минут мы не продержимся – нас выкинут вон.

– Тогда, черт возьми, это будет самое красивое место, откуда нас выкидывали.

Они притормозили возле каменного портика, где их уже ждал какой-то человек. «Точно не из obsługi, – подумала Джейн, – наверняка это сам Кимбалл Роуз». И хотя хозяину было уже за семьдесят, он казался высоким и прямым как стрела, а на его голове красовалась роскошная копна седых волос. Он был одет в повседневные брюки цвета хаки и рубашку-гольф, однако Джейн очень сомневалась, что этот темный загар появился лишь оттого, что господин Роуз коротал пенсию на игровом поле. Огромная коллекция скульптур и мраморных колонн на склоне холма свидетельствовала о куда более интересных увлечениях, чем удары клюшкой по мячу.

Джейн вышла из машины на сухой воздух и даже заморгала на обжигающем ветру. Кимбалл, казалось, вовсе не обращал внимания на жару – его рукопожатие было прохладным и твердым.

– Спасибо, что согласились встретиться с нами в столь короткий срок, – поблагодарила Джейн.

– Я ответил «да», только для того чтобы прекратить эти дурацкие расспросы, черт возьми. Здесь вам не за чем охотиться, детектив.

– Тогда много времени не потребуется. У нас всего несколько вопросов к вам и вашей жене.

– Моя жена не может разговаривать с вами. Она больна, и я не позволю вам ее расстраивать.

– Мы спросим о вашем сыне, только и всего.

– Она не вынесет никаких вопросов о Брэдли. Вот уже десять лет моя жена борется с лимфоцитарной лейкемией, и даже от малейшего расстройства она снова слегнет.

– Разговоры о Брэдли до такой степени расстраивают ее?

– Он наш единственный сын, и она очень привязана к нему. А уж если полиция подозревает его в чем-то – это ей слушать совсем необязательно.

– Мы и не говорили, что подозреваем его.

– Нет? – Кимбалл бросил на Джейн прямой, но в то же время враждебный взгляд. – Тогда что вы здесь делаете?

– Брэдли был знаком с госпожой Эджертон. Мы просто прощупываем

все возможные варианты.

– Долго же вы ехали, чтобы прощупать этот вариант. – Он повернулся к парадной двери. – Входите и давайте покончим с этим. Но скажу вам прямо сейчас – вы только теряете время.

После жары, царившей на улице, Джейн обрадовалась возможности охладиться в кондиционированном помещении, однако дом Роуза не показался ей гостеприимным, особенно неуютным его делали мраморная плитка и напоминавшая пещеру прихожая. Джейн поглядела вверх, на огромные балки, поддерживавшие сводчатый потолок. Несмотря на свет, который проникал сквозь разноцветные квадратики витражного окна, казалось, что деревянная обшивка стен и висевшие на них гобелены поглощают все яркие краски, погружая дом во мрак. «Это не жилое помещение, – подумала Риццоли, – это музей, который должен выставить напоказ приобретения помешанного на сокровищах коллекционера». В прихожей стояли доспехи, словно солдаты по стойке смирно. На стенах были укреплены боевые топоры и мечи, а с потолка свисал флаг, украшенный, без всякого сомнения, семейным гербом Роузов. Неужели так обязательно иметь титул? Джейн задумалась: интересно, какие символы изображались бы на семейном гербе Риццоли? Может быть, банка пива и телевизор?

Кимбалл увел гостей из парадной, и они оказались в следующей комнате – ощущение было такое, словно они переместились из одного тысячелетия в другое. Во внутреннем дворике, выложенном мозаичной плиткой, плескался фонтанчик. Здесь, проникая сквозь огромный застекленный потолок, царил дневной свет; он озарял мраморных нимф и сатиров, затеявших игру у самого фонтана. Джейн захотелось немного задержаться здесь, получше разглядеть мозаику, но Кимбалл провел их дальше, в следующую комнату.

Ею оказалась библиотека Кимбалла, и, зайдя туда, Джейн с Фростом застыли в изумлении. Книги заполнили все, куда ни глянь, – тысячи томов, расставленных в открытых трехъярусных шкафах. В темных нишах прятались египетские похоронные маски с огромными глазами. Купол потолка украшала роспись в виде ночного неба с созвездиями, которое пересекала царская процессия – за египетским парусным судном следовали колесницы, придворные и женщины с блюдами, наполненными яствами. В камине потрескивали настоящие дрова – весьма нелепое расточительство в жаркий летний день. Так вот почему в доме было так холодно – чтобы у очага казалось уютней.

Детективы сели в массивные кожаные кресла у камина. Июльская

жара на улице была в самом разгаре, однако в этом полутемном кабинете казалось, что наступил декабрь, за окном порхают снежинки, и только языки огня в камине способны прогнать стужу.

– Больше всего мы хотели бы побеседовать с Брэдли, господин Роуз, – начала Джейн. – Но найти его пока не получается.

– Этот мальчишка нигде подолгу не задерживается, – ответил Кимбалл. – Я даже затрудняюсь сказать, где он сейчас.

– А когда вы видели его последний раз?

– Некоторое время назад. Не помню.

– Так давно?

– Мы общаемся по электронной почте. Время от времени пишем друг другу. Ну знаете, как это теперь заведено у занятых родственников. Последний раз он прислал нам сообщение из Лондона.

– Вы знаете, где именно он жил в Лондоне?

– Нет. Это было несколько месяцев назад. – Кимбалл заерзал в кресле. – Давайте перейдем к делу, детектив. К причине вашего приезда. Это насчет девушки из каньона Чако.

– Лорейн Эджертон.

– Не важно, как ее звали. Брэдли не имеет к этому никакого отношения.

– Похоже, вы полностью уверены в этом.

– Потому что, когда все это случилось, он был здесь, у нас. Полиция даже не стала беседовать с ним – вот насколько их интересовала встреча с Брэдли. Профессор Куигли, наверное, говорил вам об этом?

– Да, говорил.

– Так зачем вы сейчас беспокоите нас по этому поводу? Ведь то, что случилось, произошло двадцать пять лет назад.

– Судя по всему, вы прекрасно помните подробности.

– Это потому, что я потрудился собрать информацию о вас, детектив Риццоли. О той пропавшей девушке, Эджертон, и о том, почему бостонская полиция суется в историю, произошедшую в Нью-Мексико.

– Тогда вы знаете, что недавно было обнаружено тело Лорейн Эджертон.

Кимбалл кивнул:

– В Бостоне, насколько я знаю.

– А знаете, где именно в Бостоне?

– В Криспинском музее. Я читал в новостях.

– Тем летом ваш сын работал в Криспинском музее.

– Да. Я организовал это.

– Вы устроили его на работу?

– В Криспинском музее всегда не хватает денег. Саймон – отвратный бизнесмен, он развалил это заведение. Я пожертвовал некую сумму, и он дал работу моему сыну. Думаю, им повезло с Брэдли.

– Почему он уехал из каньона Чако?

– А вот ему как раз не повезло – застрял там с этим сборищем дилетантов. Брэдли чрезвычайно серьезно относится к археологии. Он напрасно растрачивал свой талант, выполняя черную работу. Просто ковырял землю день за днем, день за днем.

– Я думала, это и есть археология.

– За такую работу я плачу другим людям. Думаете, я все время копаю? Я выписываю чеки и приезжаю осматривать находки. Я руковожу проектом и выбираю, где нужно копать. Брэдли не было нужды заниматься грязной работой в Чако – он и так прекрасно знает, как держать лопату. Он был со мной в Египте во время проекта, на котором работали сотни чернорабочих, и он умеет взглянуть на местность и сообразить, где копать. Я говорю это не только потому, что он мой сын.

– Так, значит, он был в Египте, – сказала Джейн. И вспомнила о фразе, отчеканенной на сувенирном картуше: «Я посетила пирамиды. Каир, Египет».

– Ему там нравится, – добавил Кимбалл. – Надеюсь, когда-нибудь он вновь приедет туда и найдет то, что не смог обнаружить я.

– А что вы не смогли обнаружить?

– Пропавшее войско Камбиза.

Джейн поглядела на Фроста – судя по озадаченному выражению лица, ее напарник тоже понятия не имел, о чем толкует Кимбалл.

Губы Роуза скривила неприятная надменная улыбка.

– Полагаю, мне придется пояснить это для вас обоих, – заметил он. – Две с половиной тысячи лет назад персидский царь Камбиз послал войско в западную пустыню Египта, в оазис Сива, чтобы захватить тамошнего оракула. Пятьдесят тысяч человек отправились туда, и с тех пор их больше никто не видел. Пески просто взяли и поглотили их, и никто не знает, что стало с этим войском.

– Пятьдесят тысяч воинов? – переспросила Джейн.

Кимбалл кивнул:

– Это одна из величайших загадок археологии. Я два сезона охотился за останками персидского войска. Все, что мне удалось обнаружить, – это обломки металла и костей, и больше ничего. Такие мелкие обломки, что египетское правительство даже не стало предъявлять права на них. Те

раскопки обернулись для меня самым большим разочарованием. Одной из редких неудач. – Он поглядел на огонь. – В один прекрасный день я снова отправлюсь туда. Я найду эту армию.

– А тем временем, может, подсобите нам с поисками вашего сына?

Кимбалл снова посмотрел на Джейн, и этот взгляд не был дружелюбным.

– А может, мы закончим эту беседу? Я не думаю, что могу еще чем-нибудь помочь вам.

Он поднялся.

– Мы просто хотим поговорить с ним. Спросить о госпоже Эджертон.

– И что же вы будете спрашивать? «Это ты ее убил?» Ведь в этом все дело, верно? Вы ищете, на кого бы возложить вину.

– Он был знаком с убитой.

– Вероятно, с ней были знакомы многие.

– Тем летом ваш сын работал в Криспинском музее. Ее тело обнаружили именно там. Трудно признать это совпадением.

– Я попросил бы вас уйти. – Роуз повернулся к двери, но Джейн не стала подниматься с кресла. Раз Кимбалл отказывается помогать им, пора испробовать другую тактику, которая почти наверняка выведет его из себя.

– А в Стэнфордском университетском городке произошел еще один случай, – сказала она. – Случай, о котором вам известно, господин Роуз. Поскольку именно ваш адвокат устроил освобождение Брэдли.

Кимбалл развернулся и направился к Джейн так быстро, что Фрост даже поднялся, готовясь вступить за напарницу. Но хозяин дома остановился в нескольких сантиметрах от Риццоли.

– Его так и не осудили.

– Но зато арестовывали. Дважды. После того как он ходил по пятам за одной студенткой. После того как залез в ее комнату, пока она спала. Сколько раз вы выручали его из беды? Сколько чеков вы выписали, чтобы он не оказался в тюрьме?

– Вам пора уйти.

– Где теперь ваш сын?

Не успел Кимбалл ответить, как дверь открылась. Он замер. Тихий голос позвал:

– Кимбалл! Они пришли из-за Брэдли?

Ярость на его лице тут же сменилась беспокойством.

– Синтия, тебе нельзя вставать, – обернувшись к женщине, сказал Кимбалл. – Вернись, пожалуйста, в постель, дорогая.

– Роза сказала, что в дом вошли двое полицейских. Это ведь связано с

Брэдли, верно?

Женщина, шаркая, вошла в комнату, и взгляд ее запавших глаз остановился на гостях. Несмотря на то что ее лицо подтянули пластические хирурги, возраст Синтии был виден по ссутулившейся спине и опущенным плечам. Но самым заметным его признаком были тонкие седые волосы, едва покрывавшие практически лысую голову. Пусть Кимбалл Роуз был очень богат, однако свою жену на молодую модель он все-таки не променял. Ни деньги, ни социальное положение этой семьи не меняли очевидного факта – Синтия Роуз была серьезно больна.

Несмотря на свою слабость, Синтия опиралась на трость и упрямо не сводила глаз с двух детективов.

– Вы знаете, где сейчас мой Брэдли? – осведомилась она.

– Нет, мэм, – ответила Джейн. – Мы надеялись, что нам расскажете об этом вы.

– Я провожу тебя в твою комнату, – сказал Кимбалл, подхватывая жену под руку.

Она сердито высвободилась, по-прежнему глядя на Джейн.

– Почему вы разыскиваете его?

– Синтия, к тебе это не имеет никакого отношения, – проговорил Кимбалл.

– Ко мне это имеет самое прямое отношение, – огрызнулась она. – Ты должен был сказать мне, что они приехали сюда. Почему ты постоянно что-то скрываешь от меня, Кимбалл? Я имею полное право знать все о своем мальчике!

Судя по всему, после этой вспышки Синтии стало тяжело дышать, потому что она шатаясь подошла к ближайшему креслу и упала в него. Там она и застыла, словно превратилась в один из экспонатов, в очередной ритуальный предмет, которых в этом мрачном помещении находилось огромное множество.

– Они приехали, чтобы снова расспросить о той девушке, – пояснил Кимбалл. – О той, что исчезла в Нью-Мексико. Вот и все.

– Но ведь это случилось так давно, – пробормотала Синтия.

– Ее тело обнаружили совсем недавно, – сообщила Джейн. – В Бостоне. Нам нужно побеседовать с вашим сыном по этому поводу, но мы не знаем, где он.

Синтия еще сильнее ссутулилась в кресле.

– Я этого тоже не знаю, – прошептала она.

– Разве он не пишет вам?

– Иногда. Порой присылает письма из каких-то странных мест.

Изредка электронное сообщение, дабы я поняла, что он помнит обо мне. И любит меня. Но... не приезжает.

– Почему же, госпожа Роуз?

Женщина подняла голову и посмотрела на Кимбалла:

– Возможно, вам стоит спросить у моего мужа.

– Брэдли никогда не был особенно близок с нами, – сказал он.

– Был, пока ты не отправил его куда-то далеко.

– Это не имеет никакого отношения к...

– Он не хотел уезжать. Ты заставил его.

– Вы заставили его уехать? Куда? – поинтересовалась Джейн.

– Это не относится к делу, – заявил Кимбалл.

– Я виню себя в том, что не воспротивилась тебе, – призналась Синтия.

– Куда вы отправили его? – снова спросила Джейн.

– Расскажи ей, – потребовала Синтия. – Расскажи ей, как ты отослал его прочь.

Кимбалл глубоко вздохнул:

– Когда ему исполнилось шестнадцать, мы отправили его в школу-интернат в Мэн. Он не хотел ехать, но это затевалось для его же блага.

– В школу? – Синтия горько рассмеялась. – Это была психиатрическая клиника!

Джейн перевела взгляд на Кимбалла:

– Это правда, господин Роуз?

– Нет! Нам порекомендовали это место. В своем роде оно лучшее в стране. Должен сказать вам, что и цена об этом свидетельствовала. Я делал все возможное, чтобы Брэдли было хорошо. Все, что делал бы любой нормальный отец. Это заведение называли лечебным поселком. Место, куда направляли мальчиков, чтобы они справлялись с... проблемами.

– Мы ни в коем случае не должны были этого делать, – сокрушалась Синтия. – Ты ни в коем случае не должен был...

– У нас не было выбора. Ему нужно было уехать.

– Ему было бы гораздо лучше здесь, со мной. А не там, в лесу, в колонии.

– В колонии? – фыркнул Кимбалл. – Это больше похоже на загородный клуб. – Он обернулся к Джейн. – Там у них собственное озеро. Дорожки для прогулок и лыжня. Черт, если у меня когда-нибудь съедет крыша, я с радостью отправлюсь в такое место.

– Именно это и случилось с Брэдли, господин Роуз? – спросил Фрост. – У него съехала крыша?

– Не говорите о нем так, будто он помешанный, – запротестовала Синтия. – Он не такой.

– Тогда почему же он оказался там, госпожа Роуз?

– Потому что мы решили... Кимбалл решил...

– Мы посчитали, что там его научат держать себя в руках, – закончил за нее супруг. – Вот и все. Многим мальчишкам необходима твердая рука. Он пробыл там два года и стал приличным, работающим юношей. Я очень гордился им, когда мы вместе поехали в Египет.

– Он обиделся на тебя, Кимбалл, – возразила его жена. – Он мне сам сказал.

– Что ж, иногда родителям приходится принимать непростые решения. Но все же надо было встряхнуть его немного, направить на верный путь.

– А теперь он далеко. Только меня, меня одну ты этим и наказал, и все из-за своего чудесного решения. – Синтия опустила голову и заплакала.

Все молчали. В комнате слышались лишь потрескивание огня и тихое всхлипывание Синтии – звуки безжалостной неизбывной боли.

Звонок мобильного телефона Джейн грубо нарушил обстановку. Она тут же отключила сигнал и, удалившись от камина, приняла звонок.

На том конце линии оказался детектив Кроу.

– У меня для тебя сюрприз, – начал он; его радостный голос резко контрастировал с горем, окутавшим комнату.

– Какой? – тихо спросила она.

– ФБР нашло ее пальчики в своей базе.

– Джозефины?

– Ну да, или как там ее. Мы сняли отпечатки в ее квартире и пробили их по базе АСРОП^[12].

– Они совпали?

– Теперь мы знаем, почему девчонка в бегах. Оказывается, ее пальчики совпадают с неизвестными отпечатками, снятыми на месте преступления в Сан-Диего двенадцать лет назад.

– Что за преступление?

– Убийство.

– Убитый – тридцатилетний белый мужчина по имени Джимми Отто, – сообщил детектив Кроу. – Его тело обнаружили в Сан-Диего: одна собачка раскопала чудесное лакомство – человеческий палец. Увидев, что

Бобик принес домой, хозяин психанул и позвонил по девять-один-один. Пес привел полицейских к труп, который зарыли в неглубокую могилу на заднем дворе одного из соседских домов. Убитый был мертв несколько дней, так что живая природа уже добралась до его конечностей, и снять пальчики не получилось. На теле не нашлось бумажника, но тот, кто унес документы покойника, не заметил электронный ключ, который убитый засунул в карман своих джинсов. Ключ принадлежал местной гостинице «Холидей Инн», где этот гость зарегистрировался под именем Джеймс Отто.

– Гостиничный ключ? – удивилась Джейн. – Значит, убитый жил не в Сан-Диего?

– Нет. Он проживал здесь, в Массачусетсе, вместе со своей сестрой. Кэрри Отто прилетела в Сан-Диего и опознала одежду брата. А также то, что от него осталось.

Джейн надорвала пакетик адвила и, сунув в рот две таблетки, запила их еле теплым кофе.

Накануне Риццоли с Фростом вернулись в Бостон только в два часа ночи, и поспать удалось немного, в числе прочего из-за годовалой Реджины, которая несколько раз будила мамочку, желая удостовериться, что та и вправду снова дома.

Сегодня утром Джейн проснулась с нечеловеческой головной болью. Превратности этого дела только усиливали недомогание, а от света флуоресцентных ламп, висевших в конференц-зале, ныли даже глазные яблоки.

– Ну как, вы пока улавливаете, что я говорю? – поинтересовался Кроу, посмотрев на Джейн и Фроста – судя по виду, тот был измучен не меньше своей напарницы.

– Да, – пробормотала она. – Так что показало вскрытие?

– Причина смерти – единственный выстрел в затылок. Оружие так и не обнаружили.

– И на чьем же заднем дворе его захоронили?

– Дом сдавался в аренду, – ответил Кроу. – Там жили мать-одиночка и ее четырнадцатилетняя дочь, которые к тому моменту уже собрали вещички и исчезли. Полиция опрыскала дом люминолом, и комната девочки засветилась, словно Вегас. На полу и плинтусах было полно следов крови. Джимми Отто убили именно там. В спальне девочки.

– И это случилось двенадцать лет назад?

– Джозефине было лет четырнадцать, – заметил Фрост.

Кроу кинул.

– Только вот звали ее тогда не Джозефина, а Сьюзан Кук. – Он усмехнулся. – И знаете что? Настоящая Сьюзан Кук умерла в младенчестве. В Сиракьюсе, штат Нью-Йорк.

– Что, еще одно вымышленное имя? – поразилась Джейн.

– Аналогичная история с мамашей, у той тоже фальшивое имя – Лидия Ньюхаус. Если верить отчету полицейского управления Сан-Диего, мать и дочь арендовали дом в течение трех лет и ни с кем не общались. На момент убийства дочь окончила восьмой класс Средней школы Уильяма Говарда Тафта. По оценкам учителей, очень умна, ее результаты были намного выше уровня этого класса.

– А мать?

– Лидия Ньюхаус – или как там ее настоящее имя – работала в Музее человека в Парке Бальбоа.

– В каком качестве?

– В качестве продавщицы в сувенирном магазине. А еще водила экскурсии на общественных началах. Больше всего работников музея потрясло то, как хорошо она разбиралась в археологии. Хоть она и объявила, что официального образования не получала.

Джейн нахмурилась:

– Мы снова вернулись к археологии.

– Да. Мы вечно крутимся вокруг этой темы, верно? – отозвался Кроу. – Археология у них в крови. У матери. И у дочери.

– А мы точно знаем, что они причастны к убийству Джимми Отто? – спросил Фрост.

– Ну, их поведение свидетельствует о том, что это именно так. Они спешно уехали из города, но лишь после того, как вымыли пол, вытерли стены и похоронили этого типа за домом. Черт возьми, по мне, так это указывает на их вину. Они ошиблись лишь в том, что зарыли труп не слишком глубоко, и соседская собака довольно быстро его учуяла.

– А я скажу, что они молодцы, – вставил Трипп. – Этот тип заслужил такой конец.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Фрост.

– А то, что Джимми Отто – козел психованный.

Кроу открыл свой блокнот:

– Детектив Потреро пришлет нам этот файл, но вот что он сказал мне по телефону. В тринадцать лет Джимми Отто пробрался в женскую спальню, залез в ящики с нижним бельем и ножом искромсал вещи. Несколько месяцев спустя его обнаружили в спальне другой девушки – она спала, а Джимми стоял над ней с ножом.

– Боже мой, – ужаснулась Джейн. – Ему было всего тринадцать? Рано он стал подонком.

– В четырнадцатилетнем возрасте он был исключен из школы в Коннектикуте. Детектив Потреро не смог узнать, из какой именно, и получить все подробности, но он понял, что речь шла о сексуальном насилии над одноклассницей. Там еще фигурирует палка от метлы. В результате девушка попала в больницу. – Кроу поднял взгляд. – И это только поступки, которым нашлись свидетели.

– После второй истории его должны были засунуть в колонию для несовершеннолетних.

– Должны были. Но когда у тебя богатенький папочка, ты получаешь несколько дополнительных карточек освобождения из тюрьмы.

– Даже после истории с палкой от метлы?

– Нет, она послужила тревожным звонком для его родителей. Они наконец заволновались и поняли, что их драгоценному сыночку необходимо лечение. И даже очень. Их дорожный адвокат добился-таки ослабления обвинения, но лишь на том условии, что Джимми отправится в специальное исправительное учреждение.

– То есть в психушку? – уточнил Фрост.

– Не совсем. Это была очень дорогая частная школа для мальчиков с его... э-э-э... наклонностями. Местечко на природе с круглосуточным надзором. Он пробыл там три года. Его горячо любящие родители купили домик неподалеку только для того, чтобы находиться поблизости. Они разбились в личном самолете, направляясь на свидание с сыном. В результате Джимми и его сестра унаследовали огромное состояние.

– А Джимми стал не только психованным, но и очень богатым козлом, – добавил Трипп.

«Специальное исправительное учреждение. Место на природе...» Внезапно Джейн вспомнила беседу, которую вела накануне с Кимбаллом Роузом. И спросила:

– А это частное заведение, случаем, не в Мэне находилось?

Кроу удивленно поднял глаза:

– Как ты догадалась, черт возьми?

– Просто мы знаем еще одного богатенького психа, попавшего в исправительное учреждение в Мэне. В заведение для проблемных мальчиков.

– О ком это ты?

– О Брэдли Роузе.

Повисло долгое молчание – Кроу и Трипп переваривали

поразительную новость.

– Вот хрень-то, – ругнулся Трипп. – Такое совпадение просто невозможно. Если эти два парня находились там в одно и то же время, они наверняка знали друг друга.

– Расскажи еще что-нибудь об этой школе, – попросила Джейн.

Кроу кивнул, его лицо приобрело сурово-сосредоточенное выражение.

– Институт Хильцбриха был особенным, весьма дорогим заведением. И с узкой специализацией. В сущности, это была закрытая больница посреди леса – возможно, идея неплохая, если иметь в виду, каких именно пациентов там лечили.

– Психопатов?

– Сексуальных преступников. Любых – от многообещающих педофилов до насильников. Это доказывает только то, что и среди богатых есть свои извращенцы. Но у них есть еще и адвокаты, которые умудряются ограждать этих ребят от системы правосудия, а такое заведение – альтернатива для богатых. Наслаждайся себе изысканной пищей, а команда терапевтов тем временем попытается убедить тебя, что нехорошо мучить маленьких девочек. Проблема состояла в том, что, похоже, это не очень-то помогало. Пятнадцать лет назад один из так называемых выпускников похитил и покалечил двух девочек – это произошло спустя несколько месяцев после того, как институт объявил, что он может спокойно вернуться в общество. Начался большой судебный процесс, и школу пришлось закрыть. С тех пор ее больше не открывали.

– А Джимми Отто? Что произошло после того, как он уехал оттуда?

– В восемнадцать лет он вышел из дверей этого заведения свободным человеком. Но ему не потребовалось много времени, чтобы снова взяться за свое. Через несколько лет его задержали за преследование женщины в Калифорнии и угрозы. Затем его арестовали и допросили прямо здесь, в Бруклайне, по поводу исчезновения одной молодой женщины. У полиции не было достаточных оснований удерживать его, так что Джимми отпустили. Та же история произошла тринадцать лет назад, когда его снова задержали и допросили в связи с исчезновением другой женщины из Массачусетса. Но он внезапно исчез – еще до того, как полиция завела на него дело. И никто не знал, куда он делся. А затем, год спустя, его обнаружили в могиле, на заднем дворе в Сан-Диего.

– Ты прав, Трипп, – согласилась Джейн. – Он получил по заслугам. Но почему же мать и дочь сбежали? Если они убили его, если они просто защищались, зачем нужно было собирать вещички и сбежать, словно преступницы?

– Может, потому, что они и есть преступницы? – предположил Кроу. – Они уже тогда жили под вымышленными именами. Мы не знаем, кем они были на самом деле и что заставило их сбежать.

Джейн подперла голову руками и начала растирать виски, стараясь массажем снять боль.

– Черт возьми, это дело все усложняется, – пробормотала она. – Я не могу отслеживать все его нити. У нас есть жертва в Сан-Диего. А здесь – Убийца-археолог.

– И похоже, связывает их эта молодая женщина, имени которой мы не знаем.

Джейн вздохнула:

– Ладно. Что еще нам известно о Джимми Отто? Какие-нибудь другие задержания или связи с нынешним делом?

Кроу принялся листать свои записи.

– Да всякие мелочи. Взлом и проникновение в Бруклайне, Массачусетс. Нетрезвое вождение и превышение скорости в Сан-Диего. Еще одно нетрезвое вождение и сумасшедшее превышение скорости в Дуранго... – Он запнулся, внезапно осознав значение последней детали. – Дуранго, штат Колорадо. Это ведь недалеко от Нью-Мексико?

Джейн подняла голову:

– Прямо у границы. А что?

– Это произошло в июле. В тот же год, когда пропала Лорейн Эджертон.

Потрясенная этой информацией, Джейн откинулась на спинку стула. «И Джимми, и Брэдли, – подумала она, – в одно и то же время были неподалеку от каньона Чако».

– Ну конечно же, – тихо проговорила она.

– Думаешь, они охотились вместе?

– Пока Джимми не убили в Сан-Диего. – Риццоли поглядела на Фроста. – Вот теперь все наконец-то сошлось. Мы нащупали связь между Джимми Отто и Брэдли Роузом.

Фрост кивнул.

– И Джозефиной, – добавил он.

Джозефина с трудом пришла в себя и, судорожно глотнув воздуха, проснулась; ее ночная рубашка была насквозь пропитана потом, а в груди

глухо колотилось сердце. Призрачные занавески тонкой дымкой колыхались перед озаренным лунной окном, а в лесу, который окружал дом Джеммы, ветви, пошумев немного, затихли. Сбросив влажное одеяло, Джозефина устремила взгляд вверх, в темноту, и ритм сердца начал замедляться, а пот – остывать на коже. Она прожила в доме Джеммы всего неделю, а дурной сон уже вернулся. Сон с выстрелами и окровавленными стенами.

«Всегда подмечай свои сны, – учила ее мама. – Они словно голоса, напоминающие об уже знакомых вещах, нашептывающие то, что ты еще не успела обдумать».

Джозефина знала, что обозначает этот сон: пора уезжать. Пришло время бежать. Она дольше, чем нужно, задержалась в доме Джеммы. Джозефина вспомнила, что у магазинчика она звонила по мобильному. Вспомнила о молодом полицейском, который тем вечером болтал с ней на парковке, и о водителе такси, что привез ее к этой дороге. Ее можно было выследить самыми разными способами, она, не заметив этого, наверняка допустила множество мелких ошибок.

Джозефина вспомнила то, что однажды сказала ей мама: «Если кто-то очень хочет отыскать тебя, ему нужно лишь дождаться, когда ты сделаешь ошибку».

А она последнее время часто ошибалась.

И вдруг ночь стала на удивление безмолвной.

Джозефина не сразу осознала, насколько тихо вокруг. Она засыпала под мерное пение сверчков, а теперь все звуки замерли, и ее окружила такая бескрайняя тишина, что шум собственного дыхания казался преувеличенно громким.

Поднявшись с кровати, Джозефина подошла к окну. Лунный свет посеребрил деревья возле дома, обрызгав сад бледным сиянием. Выглянув на улицу, она не увидела ничего настораживающего. Однако, стоя у открытого окна, Джозефина поняла, что ночь не так уж молчалива, – кроме стука собственного сердца, она уловила какое-то слабое электронное пиканье. Звук идет с улицы или откуда-то из дома? Теперь Джозефина так сосредоточилась на нем, что ей показалось, будто пиканье стало интенсивнее; вместе с ним усилилась и тревога.

А Джемма слышит его?

Подойдя к двери, Джозефина выглянула в темный коридор. Там звук слышался громче, настойчивее.

Она во тьме двинулась по коридору, беззвучно ступая босыми ногами по деревянному полу. С каждым шагом пиканье усиливалось. Добравшись

до комнаты Джеммы, она увидела, что дверь приоткрыта. Джозефина подтолкнула ее, и та бесшумно распахнулась. В залитой лунным светом комнате она заметила источник звука – упавшую телефонную трубку. Из динамика доносился сигнал отбоя. Но взгляд Джозефины застыл не на телефоне, а на темной луже, которая черной нефтью блестела на полу. Рядом на корточках сидела какая-то фигура, которую Джозефина сперва приняла за Джемму. Но затем фигура выпрямилась в полный рост, превратившись в силуэт на фоне окна.

Это был мужчина.

Джозефина испуганно втянула воздух, и голова человека резко повернулась в ее сторону. Всего один момент они смотрели друг на друга – жертва и готовящийся к нападению хищник застыли в бесконечном мгновении, и черты обоих скрадывала тьма.

Она первая двинулась с места.

Джозефина развернулась и помчалась к лестнице. Спотыкаясь, она бежала вниз по ступенькам, а за спиной у нее гроыхали шаги. Тяжело приземлившись на обе ноги, она оказалась внизу. Впереди виднелась широко открытая входная дверь. Джозефина побежала к ней, споткнулась и оказалась на веранде, где тут же напоролась на разбитое стекло. Она почти не заметила боли – ее внимание было сосредоточено на расположенной впереди подъездной аллее.

И на шагах, которые нагоняли ее.

Слетев вниз по ступенькам веранды, она стремительно рванула к дороге; в теплом ночном воздухе полы ее рубашки развевались, словно крылья. Под лунным светом на открытой гравиевой дороге ее одеяние выделялось, точно белый флаг, однако Джозефина не свернула в лес, не стала, теряя время, искать укрытия под деревьями. Впереди была улица, другие дома. «Если я стану стучать в двери, – пронеслось у нее в голове, – если я закричу, кто-нибудь мне обязательно поможет». Джозефина уже не слышала шагов преследователя, она улавливала лишь стремительный, панический ритм своего дыхания и свист ночного воздуха.

А затем послышался резкий выстрел.

Сзади в ее ногу с беспощадной силой ударила пуля. Джозефина, загребая руками гравий, растянулась на дороге. Она вскочила было, но тут же, всхлипнув от боли, упала на колени: по ее икре струилась кровь, а нога отказывалась подчиняться.

«Улица, – промчалось у нее в голове. – Улица так близко».

Ее дыхание сменилось всхлипами, и Джозефина двинулась ползком. Впереди, за деревьями, виднелся фонарь, освещавший соседское крыльцо,

и внимание Джозефины было сосредоточено именно на нем, а не на шорохе приближавшихся шагов, не на гравии, впивавшемся в пальцы. Жизнь зависела лишь от этого одинокого маячка, подмигивающего за ветвями деревьев, и Джозефина упрямо ползла к нему, волоча бесполезную ногу, оставляя за собой блестящий кровавый след.

Вдруг впереди, заслонив свет, метнулась какая-то тень.

Джозефина медленно подняла взгляд. Он стоял перед ней, преграждая дорогу. Его лицо – черный овал, его глаза – бездна. Он склонился над ней, и Джозефина опустила веки, ожидая выстрела, удара пули. В тиши последнего мгновения она как никогда в жизни ощущала биение собственного сердца и воздух, врывающийся в легкие и вырывающийся из них. Казалось, это мгновение растянулось до бесконечности, словно он хотел насладиться своей победой и продлить пытку.

Сквозь закрытые веки Джозефины начал пробиваться мерцающий свет.

Она открыла глаза. За деревьями мигал синий огонек. Передние фары какой-то машины повернули в ее сторону, и ослепительный свет со всех сторон озарил женщину, стоявшую на коленях в своей ничтожно тонкой ночной рубашке. Колеса с визгом остановились, разбрызгивая гравий. Дверь машины распахнулась, до Джозефины донеслось потрескивание полицейской рации.

– Мисс! С вами все в порядке, мисс?

Она заморгала, пытаясь разглядеть говорившего с ней человека. Но голос стал стихать, свет фар померк, и удар гравия по щеке был последним ощущением падающей на землю Джозефины.

Стоя на подъездной аллее к дому Джеммы Хамертон, Фрост и Джейн смотрели на следы засохшей крови, которые Джозефина оставила на гравии, отчаянно пробираясь к улице. Над головой щебетали птицы, свет летнего солнца проникал сквозь пестреющую листву, однако на этом тенистом отрезке аллеи, казалось, воцарился гнетущий холод.

Обернувшись, Джейн бросила взгляд на дом, в который они с Фростом еще не заходили. Он оказался ничем не примечательным зданием, обшитым белой вагонкой, с крытой верандой – совсем таким же, как и прочие строения, которые Риццоли видела на этой захолустной дороге. Но уже отсюда, с подъездной аллеи, она заметила зазубрины разбитого окна, отражавшие свет, – ярко блестящие осколки как бы предупреждали: «Здесь произошло нечто ужасное. То, что тебе еще предстоит увидеть».

– Тут она впервые упала, – заметил детектив Эббот. И указал на место,

где начинался кровавый след. – Когда в нее выстрелили, она пробежала уже довольно-таки большую часть аллеи. Она упала здесь и стала ползти. Нужно быть чертовски упрямой, чтобы ползти так долго, но ей удалось добраться вон до того места. – Эббот указал туда, где кровавый след заканчивался. – Там ее обнаружила патрульная машина.

– Как же произошло это чудо? – удивилась Джейн.

– Они приехали по вызову на девять-один-один.

– Их вызвала Джозефина? – спросил Фрост.

– Нет, мы думаем, что вызов поступил от владелицы дома, Джеммы Хамертон. Телефон находился в ее комнате. Однако звонивший так и не смог ничего сказать – трубку повесили почти сразу. Когда оператор экстренной службы попыталась перезвонить, номер оказался занят. Она выслала патрульную машину, которая приехала сюда через три минуты.

Фрост бросил взгляд на испачканную красным аллею.

– Здесь полно крови.

Эббот кивнул:

– Пульчилило три часа пробыла в неотложной хирургии. Сейчас ей наложили гипс, что, как оказалось, для нас большая удача. Мы ведь только вчера вечером узнали, что полицейское управление Бостона объявило ее в розыск. Иначе она могла бы смыться из города. – Детектив обернулся к дому. – Если хотите увидеть еще больше крови, пойдемте со мной.

Он подвел их к веранде, усеянной осколками стекла. Здесь они остановились, чтобы надеть бахилы. Мрачная фраза Эббота предупреждала об ужасах, ожидавших впереди, и Джейн уже приготовилась к худшему.

Однако, переступив порог входной двери, она не увидела ничего страшного. Гостиная выглядела нетронутой. Стены украшали несколько десятков фотографий в рамках, на многих из них среди прочих людей была запечатлена женщина с коротко стриженными светлыми волосами. Массивный книжный шкаф заполняли издания по истории, искусству, древним языкам и этнографии.

– Это хозяйка дома? – осведомился Фрост, указывая на одну из фотографий со светловолосой женщиной.

Эббот кивнул:

– Джемма Хамертон. Она преподавала археологию в одном из местных колледжей.

– Археологию? – Фрост бросил на Джейн взгляд, будто бы говоривший: «Интересно, однако». – А что еще о ней известно?

– Насколько мы знаем, вполне законопослушная гражданка. Никогда не была замужем. Каждое лето уезжала за границу, где занималась тем, чем

обычно занимаются археологи.

– А почему же она сейчас не за границей?

– Не знаю. Неделю назад она вернулась из Перу, где работала на каких-то раскопках. Если бы не приехала, осталась бы жива. – Эббот поднял взгляд вверх, на лестницу, и его лицо внезапно помрачнело. – Пора показать вам второй этаж. – Он повел коллег наверх, остановившись, чтобы указать на кровавые отпечатки ног на деревянных ступенях. – Спортивная подошва. Размер сорок первый или сорок второй, – заметил он. – Нам известно, что их оставил убийца, поскольку у госпожи Пульчилло ноги были босыми.

– Похоже, он двигался быстро, – добавила Джейн, подметив смазанные отпечатки.

– Да. Но она бежала быстрее.

Джейн посмотрела вниз, на удаляющиеся следы ботинок. И хотя кровь высохла, а в окошко на лестнице проникали косые солнечные лучи, здесь по-прежнему чувствовался ужас ночной погони. Она прогнала озноб и посмотрела вверх, на второй этаж, где их ожидало нечто куда более страшное.

– Это случилось наверху?

– В комнате госпожи Хамертон, – ответил Эббот.

Он неспешно забрался на последнюю ступеньку. Похоже, детективу совсем не хотелось снова смотреть на то, что он уже видел две ночи назад. Наверху отпечатки были сочнее – их оставили все еще влажными от свежей крови ботинками. Следы начинались у двери в самую дальнюю комнату. Эббот указал на первый же дверной проем по ходу их движения. В комнате виднелась незастеленная постель.

– Это гостевая комната, в которой спала госпожа Пульчилло.

Джейн нахмурилась:

– Но она ведь ближе к лестнице.

– Да. Мне это тоже показалось странным. Убийца проходит мимо комнаты госпожи Пульчилло и направляется прямоком в спальню госпожи Хамертон. Может быть, он не знал, где в доме ночует гостья?

– А может, эта дверь была заперта? – предположил Фрост.

– Нет, дело не в этом. На двери нет замка. Он миновал ее по какой-то иной причине и сразу же прошел в комнату госпожи Хамертон.

Вздыхнув, Эббот направился в хозяйскую спальню и остановился на пороге, не решаясь войти.

Когда Джейн заглянула туда из-за его спины, она поняла, в чем дело.

Труп Джеммы Хамертон убрали, однако последние мгновения,

которые женщина провела на этой земле, отчетливыми красными брызгами запечатлелись на стенах, постельном белье и мебели. Джейн вошла в комнату и ощутила, как ее тело обдало холодным воздухом, словно мимо, слегка задев ее, пролетел призрак. «Насилие всегда оставляет следы, – подумала она. – И это не только кровавые пятна, но и сама атмосфера».

– Ее тело в согнутой позе обнаружили в дальнем углу, – сообщил Эббот. – Но, как видно по кровавым следам, первую рану она получила возле постели. Артериальные брызги вон там, на спинке кровати. – Он указал на правую стену. – А там, я думаю, капли с орудия.

Джейн оторвала взгляд от пропитанного красным матраца и посмотрела на дугу неровных брызг – она возникла под действием центробежной силы, когда окровавленный нож выдернули из тела.

– Он правша, – заметила Риццоли.

Эббот кивнул:

– Как говорит медэксперт, если судить по ране, там не было ни сомнений, ни осторожных надрезов. Одним ловким ударом он разрубил крупные шейные сосуды. По оценке медэксперта, женщина, возможно, оставалась в сознании одну или две минуты. Но все же успела схватить телефон. И доползти вон до того угла. На трубке остались кровавые отпечатки пальцев, так что мы знаем: она набрала номер после того, как ее ранили.

– Значит, это убийца повесил трубку? – спросил Фрост.

– Полагаю, да.

– Вы же сказали, что оператор пыталась перезвонить, но услышала сигнал «занято».

Эббот немного помолчал, раздумывая.

– Мне кажется, это немного странно, верно? Он сперва повесил трубку, а потом снова снял ее. Интересно, зачем он это сделал?

– Ему не хотелось, чтобы звонил телефон, – проговорила Джейн.

– Чтобы не было шума? – догадался Фрост.

Джейн кивнула:

– Этим объясняется и то, что он не стал стрелять в жертву. Просто он знал, что в доме есть еще кое-кто, и не хотел будить гостью.

– Однако она проснулась, – заметил Эббот. – Возможно, услышала, как упало тело. А может быть, госпоже Хамертон удалось крикнуть. Как бы то ни было, госпожа Пульчилло почему-то проснулась и дошла до этой комнаты. Увидела незваного гостя. И побежала.

Джейн смотрела в тот угол, где, съжившись в луже собственной крови, умерла Джемма Хамертон.

Затем вышла из спальни и направилась в коридор. Она остановилась у входа в комнату Джозефины и посмотрела на кровать. «Убийца прошел мимо этой спальни», – вспомнила она. В этой комнате спала приезжая, и дверь не была заперта. Но он все равно прошел мимо, направляясь в спальню хозяйки. Неужели он не знал, что здесь гостя? Не понял, что в доме появилась другая женщина?

Нет. Он знал. Именно поэтому он снова снял трубку. Именно поэтому пустил в ход нож, а не пистолет. Первое убийство он хотел совершить тихо.

«Потому что потом собирался пойти в комнату Джозефины», – пронеслось в голове Джейн.

Спустившись по лестнице, она вышла на улицу. Этим солнечным днем в жарком безветрии жужжали насекомые, но Риццоли по-прежнему ощущала царивший в доме холод. Она сошла по ступенькам веранды.

«Он побежал за ней сюда, вниз по ступенькам, – думала Джейн. – В лунную ночь преследовать ее было легко. Всего-навсего одинокая женщина в ночной рубашке».

Риццоли медленно пошла по подъездной аллее, вдоль пути, который Джозефина проложила босыми, израненными стеклом ногами. Впереди, за деревьями, простиралась основная дорога, и беглянке всего-навсего нужно было добраться до соседского дома. Крикнуть и заколотить в дверь.

Джейн остановилась, не отрывая глаз от испачканного кровью гравия.

«Но тут в ее ногу ударила пуля, – всплыло в голове у Риццоли, – и она упала».

Джейн неспешно двинулась по кровавому следу – он был смазан, потому что Джозефина с трудом ползла вперед на руках и коленях. Преодолевая путь сантиметр за сантиметром, она наверняка знала, что убийца идет следом, нагоняет ее для финального удара. Казалось, кровавая полоса будет тянуться до бесконечности, но вдруг она оборвалась – в десятке метров от дороги. Джозефина долго и отчаянно ползла сюда, и за это время убийца наверняка успел бы догнать ее. И уж точно смог бы в последний раз нажать на спусковой крючок и убежать.

Однако смертельный выстрел так и не прозвучал.

Джейн остановилась, разглядывая то место, где полицейские заметили стоявшую на коленях Джозефину. Прибыв сюда, они увидели только покалеченную женщину – и больше никого. Женщину, которая должна была умереть.

И только теперь Джейн поняла: «Убийца хотел, чтобы она осталась жива».

«Каждый из нас лжет, – думала Джейн. – Но так благополучно и всецело вжиться в собственный обман, как это сделала Джозефина Пульчилло, удастся очень немногим».

Когда они с Фростом ехали в больницу, Риццоли размышляла о том, что за небылицы Джозефина выложит им сегодня, какие сказки ей придется сочинить для объяснения неоспоримых фактов собственной биографии, вскрытых полицией? Джейн гадала: удастся ли ей в очередной раз одурманить Фроста своим враньем?

– Я подумала: может, когда приедем, ты уступишь мне право вести разговор? – спросила Риццоли.

– Почему это?

– Просто мне хочется с ней побеседовать.

Фрост поглядел на напарницу:

– У тебя есть какая-то особая причина для подобных желаний?

Джейн не спешила: она не могла ответить честно, потому что это лишь усугубило бы пропасть, пролежавшую между ними, пропасть, причиной которой стала Джозефина.

– Просто мне кажется, именно я должна с ней беседовать. Раз уж в этой истории инстинкты меня не подвели.

– Инстинкты? Ты это так называешь?

– Ты поверил ей, а я нет. Я ведь оказалась права насчет нее, разве не так?

Фрост отвернулся к окну:

– Или просто позавидовала ей.

– Что? – Свернув на больничную парковку, Джейн заглушила двигатель. – Значит, вот так ты думаешь?

Он вздохнул:

– Какая разница.

– Нет, скажи мне – что ты имеешь в виду?

– Ничего. – Фрост толкнул дверцу автомобиля. – Пошли, – добавил он.

Выбравшись из машины и захлопнув за собой дверцу, Джейн задумалась: а есть ли хоть капля правды в том, что сказал Фрост? Неужели ее возмущает, как легко живется привлекательным женщинам лишь потому, что она сама не красавица? Мужчины боготворят хорошеньких женщин, угождают, и что самое важное – слушают их. «А мы, остальные, привлекаем внимание, как можем», – подумала она. Но даже если Джейн

завидовала, факт оставался фактом: инстинкты ее не подвели.

Джозефина Пульчилло – мошенница.

Напарники вошли в больницу и молча поднялись на лифте в хирургическое отделение. Никогда еще Джейн не ощущала такую пропасть между ними. Они были совсем рядом, но казалось, будто их разделяет целый континент, и, когда они шли по коридору, Джейн даже не взглянула на Фроста. Мрачно толкнув дверь в палату 216, она зашла внутрь.

С койки на них смотрела женщина, которую они раньше считали Джозефиной. В своей тоненькой больничной рубашке она казалась очаровательной и ранимой, этакая девица с наивным взором, нуждающаяся в срочном спасении. И как, черт возьми, ей это удастся? Даже с невымытыми волосами и неуклюжей загипсованной ногой она умудрялась быть красавицей.

Джейн не теряла времени даром. Быстро подойдя к койке, она спросила:

– Может, расскажете нам о Сан-Диего?

Джозефина тут же уткнулась взглядом в постельное белье, избегая смотреть на Джейн:

– Понятия не имею, о чем вы.

– Тогда вам было лет четырнадцать. Вы были уже достаточно взрослой и наверняка запомнили события той ночи.

Джозефина покачала головой:

– Похоже, вы меня с кем-то путаете.

– В то время вас звали Сьюзан Кук. Вы учились в Средней школе Уильяма Говарда Тафта и жили вместе с матерью, которая называла себя Лидией Ньюхаус. Однажды утром вы с ней в спешке собрали вещи и уехали из города. С тех пор никто больше не слышал ни о Сьюзан, ни о ее матери.

– И что, по-вашему, внезапно уезжать из города запрещено законом? – огрызнулась Джозефина. Вдруг расхрабрившись, она резко подняла взгляд на Джейн.

– Нет. Не запрещено.

– Тогда зачем вы спрашиваете меня об этом?

– А затем, что законом запрещено стрелять человеку в затылок.

Лицо Джозефины стало похожим на маску.

– Какого человека вы имеете в виду? – невозмутимо спросила она.

– Того, что умер в вашей комнате.

– Не понимаю, о чем вы.

Некоторое время две женщины просто смотрели друг на друга. И

Джейн подумала: «Возможно, Фрост и не может раскусить тебя, но я, черт возьми, еще как могу!»

– Вы когда-нибудь слышали о веществе под названием люминол? – поинтересовалась Джейн.

Джозефина пожала плечами:

– А должна была?

– Он реагирует с железом в засохшей крови. Стоит обрызгать им какую-нибудь поверхность, и любая застарелая кровь в темноте вспыхивает, словно неоновые огни. Если пролилась чья-то кровь, можно драить часами, но смыть все следы так и не удастся. Пусть ваша мама протерла стены и вымыла полы, кровь все равно осталась – в трещинах и щелях. На плинтусах.

На этот раз Джозефина промолчала.

– Обыскивая ваш старый дом, полиция Сан-Диего разбрызгала там люминол. И одна из комнат вспыхнула безумным светом. Это была ваша спальня. Так что не стоит говорить, будто вы ничего об этом не знаете. Вы наверняка там были. И вам прекрасно известно, что случилось в вашем доме.

Джозефина побледнела.

– Мне было четырнадцать лет, – тихо проговорила она. – Это случилось очень давно.

– Закон об исковой давности на убийство не распространяется.

– Убийство? Думаете, это было убийство?

– Что произошло той ночью?

– Это было не убийство.

– А что же тогда?

– Самооборона!

Джейн удовлетворенно кивнула. Им удалось продвинуться. По крайней мере, Джозефина призналась, что в ее комнате все-таки умер мужчина.

– Как это произошло? – спросила Риццоли.

Женщина, именовавшая себя доктором Пульчилло, бросила взгляд на детектива Фроста, словно ища у него поддержки. Барри стоял возле двери с холодным, непроницаемым выражением лица, и Джозефине стало ясно, что благосклонности и сочувствия от него ожидать не стоит.

– Пора сказать правду, – надавила Джейн. – Сделайте это ради Джеммы Хамертон. Она заслужила справедливость, вы так не считаете? Уж она-то была вашим другом, я полагаю?

При упоминании Джеммы на глаза Джозефины навернулись слезы.

– Да, – прошептала она. – Даже больше чем другом.

– Вы знаете, что она погибла?

– Детектив Эббот сказал мне об этом. Да я и так знала, – шепотом добавила Джозефина. – Я видела, как она лежала на полу...

– Я полагаю, что эти два события связаны между собой. Смерть госпожи Хамертон и выстрел в Сан-Диего. Если вы хотите справедливости для своей подруги, Джозефина, то должны ответить на мои вопросы. Или вы предпочитаете, чтобы вас называли Сьюзан Кук? Раз уж именно под этим именем вы жили в Сан-Диего.

– Сейчас мое имя – Джозефина. – Пульчилло устало вздохнула, забыв про обман. – Этим именем я пользовалась дольше всего. К нему я уже привыкла.

– И сколько же имен у вас было?

– Четыре. Нет, пять. – Она покачала головой. – Даже и не помню. После каждого переезда у меня появлялось новое имя. Я думала, что Джозефина будет последним.

– А как вас зовут по-настоящему?

– Разве это имеет значение?

– Да, имеет. Какое имя вам дали при рождении? Вам лучше сказать правду, потому что, обещаю вам, в конце концов мы все равно узнаем.

Джозефина опустила голову, сдаваясь.

– У меня была фамилия Соммер, – тихо призналась она.

– А имя?

– Нефертари.

– Необычное имя.

Джозефина устало усмехнулась:

– Моя мама любила все необычное.

– Это имя какой-нибудь египетской царицы?

– Да. Жены Рамзеса Великого. «Нефертари – та, ради которой светит солнце».

– Что?

– Мама часто говорила мне это. Она любила Египет. И все время рассказывала, что хочет туда вернуться.

– А где сейчас ваша мама?

– Погибла, – тихо ответила Джозефина. – Это случилось три года назад, в Мексике. Ее сбила машина. Когда это произошло, я проходила последипломный курс в Калифорнии, так что больше ничего не смогу вам рассказать...

Придвинув стул, Джейн уселась возле кровати.

– Зато вы можете рассказать нам о Сан-Диего. Что случилось той ночью?

Джозефина сидела ссутулившись. Детективы загнали ее в угол, и она понимала это.

– Дело было летом, – начала она. – Теплой ночью. Мама всегда настаивала на том, чтобы окна были закрыты, но в ту ночь я открыла окно. Так он и забрался в дом.

– Через окно вашей спальни?

– Мама услышала шум и пришла в мою комнату. Он напал на нее, и ей пришлось защищаться. Она защищала меня. – Джозефина взглянула на Джейн. – У нее не было выбора.

– Вы видели, как это случилось?

– Я спала. Меня разбудил выстрел.

– Вы помните, где стояла ваша мама, когда это произошло?

– Я же говорю, я не видела этого, я спала.

– Тогда откуда вы знаете, что она защищалась?

– Он залез в наш дом, в мою комнату. Это ведь оправдывает ее, верно? Если кто-то врывается в ваш дом, разве вы не вправе стрелять?

– В затылок?

– Он отвернулся! Он сбил ее с ног и отвернулся. А она выстрелила в него.

– Я думала, вы ничего не видели.

– Так она мне сказала.

Джейн откинулась на спинку стула, но взгляда от Джозефины не отвела. Шли минуты, а Джейн ждала, когда пауза возымеет эффект. Безмолвие лишь усиливало впечатление, что Джейн разглядывает каждую пору, каждое мельчайшее движение на лице допрашиваемой.

– Итак, в вашей комнате у вас с мамой появился покойник, – снова заговорила Джейн. – Что было дальше?

Джозефина вздохнула:

– Моя мама обо всем позаботилась.

– То есть вытерла кровь?

– Да.

– И закопала труп?

– Да.

– Она звонила в полицию?

Джозефина судорожно сцепила руки в замок.

– Нет, – прошептала она.

– А на следующее утро вы уехали из города.

– Да.

– Именно это я и не могу понять, – сказала Джейн. – Мне кажется, ваша мама поступила странно. Вы же сказали, что она убила этого человека в целях самообороны.

– Он залез в наш дом. Он был в моей комнате.

– Давайте поразмышляем. Если человек врывается в ваш дом и нападет на вас, вы имеете право применить смертоносное насилие в целях самообороны. Вполне вероятно, что какой-нибудь полицейский даже погладит вас за это по головке. Но ваша мама не позвонила в полицию. Вместо этого она выволокла тело на задний двор и закопала его. Затем смыла кровь, собрала вещи дочери и уехала из города. Вы считаете, это разумно? По мне, так чертовски неразумно. – Джейн придвинулась поближе; этим движением она стремилась посягнуть на личное пространство Джозефины. – Она ведь ваша мама. И наверняка сказала, почему она так поступила.

– Я была напугана. И ни о чем не спрашивала.

– А она ничего не объясняла?

– Мы сбежали, вот и все. Я знаю, это кажется неразумным, но мы поступили именно так. В панике покинули город. А сделав это, в полицию уже не пойдешь. Если сбежал, ты уже кажешься виновным.

– Вы правы, Джозефина. Черт возьми, ваша мама действительно выглядит виновной. Она убила человека выстрелом в затылок. Полиция Сан-Диего не сочла это самообороной. Им показалось, что это хладнокровное убийство.

– Она сделала это, только чтобы защитить меня.

– Почему же тогда она не позвонила в полицию? Отчего она бежала? – Джейн придвинулась еще ближе к Пульчилло, почти уткнувшись ей в лицо. – Я хочу слышать правду, Джозефина!

Казалось, воздух со свистом покинул легкие женщины. Ее плечи ссутулились, а голова покорно опустилась.

– От тюрьмы, – прошептала она. – Моя мама бежала от тюрьмы.

Именно этого они и дожидались. Вот оно, объяснение. Об этом свидетельствовала поза Джозефины, ее подавленный тон. Она знала, что битва проиграна, и наконец отдала им добычу – правду.

– Какое же преступление совершила ваша мама? – спросила Джейн.

– Я не знаю подробностей. Она говорила, что я была младенцем, когда это случилось.

– Она что-нибудь украла? Убила кого-нибудь?

– Она никогда не рассказывала об этом. А я ничего об этом не знала до

той самой ночи в Сан-Диего. Когда она объяснила, почему мы не можем позвонить в полицию.

– То есть вы просто собрали вещи и уехали из города, потому что она велела вам быть хорошей девочкой?

– А что я должна была сделать? – Джозефина подняла голову, в ее глазах читался вызов. – Она моя мама, и я любила ее.

– Но она ведь сказала, что совершила преступление.

– Некоторые преступления совершаются оправданно. Иногда просто не бывает выбора. Как бы она ни поступила, у нее были на то причины. Моя мама была хорошим человеком.

– Человеком, который бежал от закона.

– Значит, закон несправедлив. – Джозефина пристально смотрела на Джейн, наотрез отказываясь отступать. Она не желала признавать, что ее мать была способна на что-то дурное.

А могут ли родители требовать большей верности от своего ребенка? Такая преданность может показаться ошибочной и даже слепой, но она вызывает восхищение, и Джейн очень хотелось, чтобы и ее дочь проявляла подобную верность.

– Так, значит, ваша мама возила вас из города в город, и в каждом у вас было новое имя, – продолжала Джейн. – А где же был ваш отец?

– Отец погиб в Египте еще до моего рождения.

– В Египте? – Выгнув спину, Джейн подалась вперед и вновь сосредоточила внимание на Джозефине. – Расскажите мне о нем.

– Он был родом из Франции. Один из археологов, работавших на раскопе. – Губы Джозефины изогнула мечтательная улыбка. – Мама говорила, что он был очень умным и веселым. Но самое главное – добрым. Это качество она больше всего в нем любила – доброту. Они собирались пожениться, но произошло нечто ужасное. Пожар. – Джозефина нервно сглотнула. – Джемма тоже пострадала.

– Джемма Хамертон была с вашей мамой в Египте?

– Да. – При упоминании о Джемме Джозефина сморгнула внезапно подступившие слезы. – Это ведь я виновата, верно? Я виновата в том, что она погибла.

Джейн бросила взгляд на Фроста – он не меньше ее был поражен информацией. Барри хранил молчание в течение всей беседы, однако на этот раз не удержался и все-таки задал вопрос:

– Вы говорили о раскопках, на которых познакомились ваши родители. Это было в Египте?

– Возле оазиса Сива. Это в западной пустыне.

– И что же они искали?

Джозефина пожала плечами:

– Его так и не обнаружили.

– Его?

– Пропавшее войско Камбиза.

Джейн показалось, будто в повисшей тишине защелкали фрагменты пазла, соединяющиеся друг с другом. Египет. Камбиз. Брэдли Роуз. Она обернулась к Фросту:

– Покажи ей его фотографию.

Фрост вынул снимок из папки, которую принес с собой в палату, и передал его Джозефине. Эту фотографию, сделанную на каньоне Чако, они позаимствовали у профессора Куигли – Брэдли Роуз смотрел в объектив своими светлыми, как у волка, глазами.

– Вы узнаете этого человека? – спросил Фрост. – Это старая фотография. Сейчас ему примерно сорок пять лет.

Джозефина покачала головой:

– Кто он?

– Его зовут Брэдли Роуз. Двадцать семь лет назад он тоже был в Египте. На тех же раскопках, где работала ваша мама. Она наверняка знала его.

Нахмурившись, Джозефина смотрела на фотографию, словно силилась увидеть в этом лице какие-нибудь знакомые черты.

– Я никогда не слышала этого имени. Мама никогда не упоминала о нем.

– Джозефина, – снова заговорил Фрост, – мы полагаем, что именно этот человек вас преследует. Именно этот человек напал на вас позапрошлой ночью. И у нас есть причины считать, что Убийца-археолог – именно он.

Джозефина удивленно подняла глаза:

– Он знал мою маму?

– Они работали на одних и тех же раскопках. И наверняка были знакомы. Этим можно объяснить, почему он заиклился на вас. Вашу фотографию дважды публиковали в «Бостон глоуб», помните? В марте, вскоре после того, как вы начали работать в музее. А затем несколько недель назад, непосредственно перед КТ-сканированием Госпожи Икс. Возможно, Брэдли решил, что вы похожи. Может, глядя на вашу фотографию, он увидел лицо вашей мамы. Вы похожи на нее?

Джозефина кивнула.

– Джемма говорила, что я вылитая мама.

– А как звали вашу маму? – спросила Джейн.

Джозефина ответила не сразу, словно тайна скрывалась так долго, что она была не в состоянии припомнить ее. Когда Джозефина наконец заговорила, ответ прозвучал так тихо, что Джейн, чтобы расслышать, пришлось придвинуться поближе.

– Медея. Ее звали Медея.

– Имя на картуше, – догадался Фрост.

Джозефина снова опустила взгляд на фотографию:

– Почему же она не рассказывала мне о нем? Почему я никогда не слышала это имя?

– Похоже, ваша мама и есть ключ ко всему, – предположила Джейн. – Именно в ней заключена разгадка, почему этот человек убивает. Вы можете не знать его, зато он наверняка знает вас и, возможно, даже занимает какое-то место в вашей жизни, где-то на периферии зрения. Возможно, он ежедневно проезжает мимо вашего дома. Садится в автобус, на котором вы едете на работу. Вы просто не замечали его. Когда мы снова привезем вас в Бостон, нам понадобится список тех мест, где вы часто бываете. Всех кафе и книжных магазинов.

– Но я не поеду в Бостон.

– Вам придется вернуться. Иначе мы не сможем вас защитить.

Джозефина покачала головой:

– Мне будет лучше где-нибудь еще. В любом другом месте.

– Этот человек выследил вас даже здесь. Думаете, он не сможет повторить этот фокус? – Голос Джейн звучал тихо и непреклонно. – Хотите, я расскажу, что Брэдли Роуз делает со своими жертвами? Сначала калечит их, чтобы они не смогли убежать. Так же, как он покалечил вас. И Госпожу Икс. На некоторое время он оставил ее живой. И держал в таком месте, где ее никто не услышал бы. Несколько недель она была у него в плену, и только Богу известно, что он делал с ней все это время. – Голос Джейн стал тихим, почти задушевым. – Даже после смерти она осталась его собственностью. Он хранил ее как сувенир. Она стала частью его гарема, Джозефина. Гарема покойниц. Гарема мертвых душ. А следующая жертва – вы, – спокойно добавила Риццоли.

– Зачем вы это делаете?! – воскликнула Джозефина. – Вы считаете, я еще не достаточно напугана?

– Мы сможем уберечь вас, – пообещал Фрост. – Ваши замки уже заменили, а для выхода из дома мы обеспечим вам сопровождение. Куда бы вы ни направились, кто-нибудь обязательно пойдет с вами.

– Я не знаю. – Джозефина обхватила себя руками, но даже так не

смогла унять дрожь. – Я не знаю, что делать.

– Нам ясно, кто убийца, – настаивала Джейн. – Нам известно, как он действует, так что преимущество на нашей стороне.

Джозефина молча размышляла, как поступить. Бежать или сражаться? Здесь не могло быть промежуточных вариантов или полумер.

– Возвращайтесь в Бостон, – снова направила Джейн. – Помогите нам покончить с этим.

– Окажись вы на моем месте, вы бы и вправду так поступили? – тихо спросила Джозефина, подняв глаза.

Джейн ответила ей прямым взглядом:

– Именно так я бы и поступила.

22

Дверь ее квартиры украшал ряд блестящих новеньких замков.

Джозефина навесила цепь, закрыла врезной замок и задвинула засов. Затем – просто на всякий случай – загнала под дверную ручку стул: преградить путь он вряд ли сможет, зато сигналы предупреждения подаст наверняка.

С загипсованной ногой и на костылях Джозефина неуклюже добралась до окна и посмотрела вниз, на улицу. Там она увидела детектива Фроста – выйдя из ее дома, он забрался в машину. Раньше он наверняка посмотрел бы наверх, улыбнулся бы и дружески помахал рукой, но сейчас он этого не сделает. Теперь он обращается с ней по-деловому, так же холодно и невозмутимо, как его коллега Риццоли. «Вот что бывает, когда врешь, – подумала Джозефина. – Я поступила нечестно, и теперь он не доверяет мне. А ведь прав, что не доверяет».

«Я так и не открыла им самую большую тайну», – вспомнила она.

Когда они прибыли в Бостон, Фрост проверил ее квартиру, однако теперь ей захотелось самостоятельно осмотреть спальню, ванную, а затем и кухню. Пусть этот дом – скромное и маленькое королевство, но зато оно полностью принадлежит ей. Все здесь осталось по-прежнему, как было неделю назад, в день ее отъезда; все было знакомо, а потому успокаивало. Все снова казалось нормальным.

Но в тот же вечер, стоя у плиты, перемешивая лук и помидоры в кастрюле с томящимся чили, Джозефина внезапно вспомнила о Джемме, которая больше никогда не сможет насладиться едой, почувствовать аромат специй или вина и ощутить жар, исходящий от плиты.

Когда Джозефина наконец села и принялась ужинать, она с трудом проглотила несколько ложек, после чего аппетит исчез окончательно. Она просто сидела и смотрела на стену, на единственное украшение, которая сама туда и повесила, – календарь. Он свидетельствовал о том, с какой неуверенностью она обживалась в Бостоне. Джозефина так и не успела как следует украсить свою квартиру. «Зато теперь я сделаю это, – решила она. – Детектив Риццоли права: пора стать хозяйкой положения и наконец-то сделать этот город по-настоящему своим. Я перестану бегать. Я должна сделать это ради Джеммы, которая пожертвовала для меня всем, и умерла, чтобы я продолжала жить. Так что теперь я буду жить. Я обустрою дом, заведу друзей, возможно, даже в кого-нибудь влюблюсь. И начну это делать прямо сейчас».

Дневной свет за окном сменился теплыми летними сумерками.

С загипсованной ногой Джозефина не могла выйти на обычную вечернюю прогулку, была лишена возможности даже как следует походить по дому. Поэтому, откупорив бутылку вина, она поставила ее возле дивана, села и принялась переключать телевизионные каналы – о существовании большинства из них Джозефина знать не знала, впрочем все они были одинаковы. Красивые лица. Мужчины с пистолетами. Снова красивые лица. Мужчины с клюшками для гольфа.

И вдруг на экране возникла совершенно иная картинка; из-за нее рука Джозефины застыла на дистанционном пульте. Шли вечерние новости, и на экране появилась фотография молодой женщины – темноволосой и красивой.

– ...Мумифицированное тело этой женщины обнаружили в Криспинском музее и идентифицировали. Двадцать пять лет назад Лорейн Эджертон исчезла из отдаленного парка в Нью-Мексико...

Это была Госпожа Икс. «Она похожа на маму, – решила Джозефина. – Она похожа на меня».

Рука сама собой выключила телевизор. Теперь эта квартира казалась не домом, а клеткой, а сама Джозефина напоминала себе безумную пташку, бьющуюся о прутья решетки. «Я хочу снова жить своей жизнью», – подумала она.

В конце концов, выпив три бокала вина, она заснула.

Когда Джозефина проснулась, за окном начало светать. Сидя у окна и наблюдая за восходом солнца, она гадала, надолго ли застряла в этих стенах. Это ведь тоже своего рода смерть – ожидание очередного нападения, очередной записки с угрозами. Она рассказала Риццоли и Фросту о почтовых отправлениях, адресованных Джозефине Sommer, о тех

вещественных доказательствах, которые она – увы! – разорвала на мелкие кусочки и спустила в канализацию. Теперь полиция следила не только за квартирой, но и за почтой Джозефины.

Следующий шаг был за Брэдли Роузом.

Утро за окном становилось все светлее. Мимо с грохотом проносились автобусы, бегуны начали нарезать круги по кварталу, многие уже направлялись на работу. Джозефина наблюдала за тем, как день набирает обороты, как игровая площадка заполняется детьми и как нарастают послеполуденные пробки.

Вечером она поняла, что больше не выдержит. «Все продолжают жить как жили, – подумала она. – Все, кроме меня».

Джозефина сняла трубку и набрала номер Ника Робинсона.

– Я хочу вернуться на работу, – заявила она.

Джейн разглядывала лицо Нулевой Жертвы – женщины, которой удалось уйти.

Эта фотография Медеи Соммер была взята из ежегодника Стэнфордского университета, где та училась двадцать семь лет назад. Она оказалась темноволосой и темноглазой красавицей с изящно вылепленными скулами, а еще Медея была поразительно похожа на свою дочь Джозефину. «В действительности Брэдли Роуз охотился именно за тобой, – подумала Джейн. – За женщиной, которую он и его партнер Джимми Отто так и не смогли поймать. А потому коллекционировали суррогаты – женщин, похожих на Медею. Но ни одна из них не была Медеей, ни одна не могла сравниться с оригиналом. Они продолжали охотиться, продолжали искать, однако Медея и ее дочь умудрялись на шаг опережать их. До истории в Сан-Диего».

Чья-то теплая рука легла на плечо Джейн, и она резко выпрямилась на стуле.

– Ого! – рассмеялся ее муж Габриэль. – Хорошо, что ты без оружия, а то ведь запросто могла бы меня пристрелить. – Он опустил Реджину на кухонный пол, и та вперевалку отправилась играть со своими любимыми крышками от кастрюль.

– Я не слышала, как ты вошел, – ответила Джейн. – Быстро же вы вернулись с игровой площадки.

– Просто погода на улице не очень. Вот-вот начнется дождь. – Склонившись над плечом жены, Габриэль посмотрел на фотографию Медеи. – Это она? Мать?

– Говорю тебе, эта женщина и впрямь настоящая Госпожа Икс.

Помимо документов из колледжа, мне толком ничего не удалось нарыть.

Усевшись, Габриэль проглядел несколько документов, касающихся Медеи, – Бостонскому полицейскому управлению пока удалось обнаружить только их, однако по ним можно было составить лишь весьма схематичный портрет молодой женщины, больше напоминавшей тень, чем живое существо. Габриэль нацепил очки и, откинувшись на спинку стула, принялся читать документы из Стэнфордского университета. Его очки в роговой оправе были новым приобретением – в них он больше походил на банкира, чем на агента ФБР, умеющего пользоваться оружием. Даже после полутора лет брака Джейн не уставала наблюдать за ним, смотреть и восхищаться – так, как это было сейчас. Невзирая на громовые раскаты на улице и на шум, который, бряцая крышками, устроила на кухне Реджина, его внимание, словно лазерный луч, сконцентрировалось на бумагах.

Зайдя на кухню, Джейн схватила на руки Реджину; девочка извивалась, мечтая вырваться. «Неужели тебе никогда не захочется просто тихо посидеть в моих объятиях?» – подумала Джейн, обнимая свою беспокойную дочь, вдыхая запах шампуня и теплой детской кожи – самые сладкие ароматы на целом свете. С каждым днем Джейн подмечала в Реджине все больше своих черт – темные глаза девочки, ее пышные кудрявые волосы, а также ярко выраженную независимость. Ее дочь росла борцом, и скоро между ними начнут вспыхивать сражения. Но, глядя в глаза Реджины, Джейн знала и то, что соединявшие их узы невозможно разорвать. Чтобы уберечь дочь, Джейн готова рисковать чем угодно, вытерпеть любые пытки.

Такие же, какие Джозефина вытерпела ради своей матери.

– История этой жизни загадочна, – заключил Габриэль.

Поставив дочку на пол, Джейн посмотрела на мужа:

– Ты о Медее?

– Родилась и выросла в Индио, штат Калифорния. Получала превосходные оценки в Стэнфордском университете. Затем вылетела с последнего курса, чтобы родить ребенка.

– А вскоре после этого они обе перестают числиться в каких-либо документах.

– И становятся другими людьми.

– Неоднократно, – добавила Джейн. Она снова села у стола. – Имена менялись пять раз, по крайней мере, так помнит Джозефина.

Габриэль указал на полицейский отчет:

– Вот что интересно. В Индио она подавала иски и на Брэдли Роуза, и на Джимми Отто. Значит, они уже тогда преследовали ее сообща. И, как

стая волков, готовились с двух сторон атаковать жертву.

– А еще интереснее то, что Медея уехала из Индио, внезапно отказавшись от обвинений в адрес Брэдли Роуза. И поскольку она не успела дать показания против Джимми Отто, ее иск дальше не пошел.

– С чего вдруг она отказалась от обвинений в адрес Брэдли? – удивился Габриэль.

– Этого мы никогда не узнаем.

Он положил отчет на место.

– Медея была целью преследователей, и этим можно объяснить, почему она бегала и пряталась. Из-за этого же она постоянно меняла имя – просто чтобы оставаться в безопасности.

– Но воспоминания ее дочери говорят о другом. Джозефина утверждает, что мама бегала от закона. – Джейн вздохнула. – И это уводит нас к новой загадке.

– К какой?

– На имя Медеи Соммер нет никаких просроченных ордеров. Если она и совершила какое-то преступление, похоже, никто об этом не знает.

Ежегодное барбекю для соседей стало традицией в доме Риццоли уже почти двадцать лет назад, и сорвать это событие не могли ни черные тучи, ни подступающий грозовой фронт. Каждое лето отец Джейн, Фрэнк, с гордостью разжигал свой уличный гриль и, выложив на решетку стейки и курицу, играл роль повара целый день – единственный день в году, когда он брал в руки хоть какой-нибудь предназначенный для стряпни инструмент.

Впрочем, сегодня барбекю-шефа, в плотоядной нирване переворачивающего мясо, изображал не Фрэнк, а детектив в отставке Винс Корсак – именно на его огромный фартук, драпировавший весьма упитанный живот, брызгал жир с решетки. В этот раз Джейн впервые увидела, как место ее отца у гриля на заднем дворе занял другой мужчина – напоминание о том, что в мире нет ничего вечного, и даже брак ее родителей не навсегда. Спустя месяц после того, как Фрэнк Риццоли ушел от жены, возле нее возник Винс Корсак. По тому, как он взялся за гриль, было ясно: Корсак решил показать соседям, что он новый мужчина в жизни Анжелы Риццоли.

И что новый властелин щипцов для барбекю вовсе не собирается покидать свой пост.

Когда раздались громовые раскаты, а тучи над головой стали темнее, гости вскочили, чтобы успеть отнести все блюда в дом до надвигающейся грозы. Однако Корсак продолжал стоять у гриля.

– Я ни за что не позволю пропасть этому чудесному филе, – заявил он. Когда начали падать первые дождевые капли, Джейн поглядела вверх: – Все идут в дом. Мы доделаем эти стейки в духовке. – Шутишь, что ли? Если уж ты купил выдержанное мясо и повозился, заворачивая его в бекон, нужно и приготовить его нормально. – Даже если из-за этого в тебя ударит молния? – Думаешь, я боюсь молнии? – Винс рассмеялся. – Эй, я уже умирал однажды. Еще один разряд в грудь для старого мотора не помеха. – А вот для бекона – еще какая, – возразила Джейн, наблюдая, как жир капает на огонь.

Два года назад Корсак ушел в отставку из-за инфаркта, однако масло и мясо есть не боялся. «И мама здесь, увы, не помощник», – подумала Джейн, глядя на садовый стол для пикника, с которого Ангела забирала залитый майонезом картофельный салат.

Корсак помахал Ангеле, когда та скрывалась за сетчатой дверью.

– Знаешь, твоя мамка изменила мою жизнь, – сказал он. – Я помирал с голоду на этой дурацкой рыбно-салатной диете. А потом она научила меня жить с удовольствием.

– Это ведь из рекламы пива?

– Она – женщина-фейерверк. Бог мой, с тех пор как мы начали встречаться, она уговаривала меня на такие штуки – сам не могу поверить! Вчера вечером она заставила меня впервые в жизни попробовать осьминога. А еще однажды ночью мы пошли купаться голышом...

– Перестань. Это мне слушать ни к чему.

– Я словно заново родился. Никогда не думал, что встречу такую женщину, как твоя мамка. – Он подхватил стейк и перевернул его.

От зашипевшей решетки пахло ароматным дымком, и Джейн вспомнила все те летние обеды, барбекю для которых готовил ее отец. Теперь же именно Корсак будет с гордостью вносить в дом блюдо с мясом и откупоривать винные бутылки. «Ты отказался от этого, папа, – мысленно обратилась она к отцу. – Стоит ли этого твоя новая подружка? Или ты просыпаешься каждое утро и думаешь, какого черта ты бросил маму?»

– Говорю тебе, – продолжал Корсак, – твой папа поступил как болван, позволив ей уйти. Но это самое лучшее, что было в моей жизни. – Он внезапно осекся. – Ой. Я сказал что-то не слишком деликатное, да? Просто не утерпел. Я чертовски счастлив.

Ангела вышла из дома. Она несла чистые блюда для мяса.

– Из-за чего это ты так счастлив, Винс? – поинтересовалась она.

– Из-за стейка, – пояснила Джейн.

Анжела рассмеялась:

– О, у этого человека всегда есть аппетит! – Она дерзко пихнула Корсака бедром. – И не только в этом смысле.

Джейн с трудом удержалась, чтобы не заткнуть уши.

– Пойду-ка я, пожалуй, в дом. Габриэль наверняка уже хочет отдать мне Реджину.

– погоди, – попросил Корсак и добавил, понизив голос: – Пока мы здесь, может, расскажешь новости по вашему делу об извращенце? Я слышал, вы знаете имя этого Убийцы-археолога. Он сын какого-то техасского богача, верно?

– Откуда ты узнал? Эту подробность мы не разглашали.

– У меня свои источники. – Винс подмигнул Анжеле. – Если уж стал полицейским, им и умрешь.

А Корсак и в самом деле был проницательным детективом, и когда-то Джейн доверяла его навыкам.

– Я слышал, этот парень с большим приветом, – продолжал Корсак. – Нападает на дамочек, а потом хранит их вроде сувениров. Это правда, что ли?

Джейн бросила взгляд на жадно слушающую разговор маму.

– Может, поговорим об этом в другой раз? Я не хочу, чтобы мама расстраивалась.

– О, продолжайте, – возразила Анжела. – Я люблю, когда Винс рассказывает о своей бывшей работе. Благодаря ему я так много узнала о работе в полиции. На самом деле, я даже хочу купить себе полицейское радио. – Она улыбнулась Корсаку. – А еще он научит меня стрелять из пистолета.

– Неужели только мне кажется, что это плохая идея? – поразились Джейн. – Пистолет – вещь опасная, мам.

– Но у тебя же есть оружие.

– Я умею им пользоваться.

– Я тоже научусь. – Анжела придвинулась поближе. – Так что там с этим подозреваемым? Как он выбирает женщин?

Неужели мама и вправду сказала «подозреваемый»?

– У этих женщин наверняка есть что-то общее, – предположила Анжела. И посмотрела на Корсака. – Как ты ее называл, эту науку о жертвах?

– Виктимология.

– Да, она самая. Что говорит об этом виктимология?

– Один и тот же цвет волос, – заявил Корсак. – Так я, во всяком случае,

слышал. У всех трех убитых черные волосы.

– Тогда тебе стоит быть особенно осторожной, Джейни, – постановила Анжела. – Если он любит темноволосых девушек.

– Мам, в мире полно темноволосых девчонок.

– Но ты у него прямо перед носом. Если он хоть иногда смотрит новости...

– В этом случае он знает достаточно, чтобы держаться подальше от Джейн, – вставил Корсак. – Если он, конечно, понимает свою пользу. – Винс принялся снимать готовые стейки с гриля и плюхать их на блюдо. – Прошла неделя с тех пор, как вы привезли ту девчонку домой, верно? И ничего не произошло.

– Зрительных контактов не было.

– Тогда он, возможно, уехал из города. Уехал туда, где будет легче охотиться.

– Или просто ждет, пока уляжется шум, – предположила Джейн.

– Да, в этом вся проблема, верно? Для того чтобы продолжать наблюдения, требуются ресурсы. Откуда вы узнаете, когда защита ей больше не понадобится? Когда поймете, что девчонка в полной безопасности?

«Никогда, – подумала Джейн. – Джозефина всегда будет поглядывать через плечо».

– Думаешь, он снова будет убивать? – спросила Анжела.

– Конечно будет, – отозвался Корсак. – Возможно, не в Бостоне. Но я гарантирую: он уже сейчас где-то охотится.

– Откуда ты знаешь?

Переложив на блюдо последний стейк, Корсак затушил пламя.

– Потому что так делают все охотники.

В воскресенье гроза начала собираться уже с обеда, а теперь разошлась в полную силу. Сидя в своем лишенном окон кабинете, Джозефина слушала раскаты грома. Отражавшие этот звук стены сотрясались с такой силой, что она не заметила, как к ее двери подошел Николас. Только когда куратор заговорил, Джозефина поняла, что он некоторое время стоял поблизости.

– Разве сегодня тебя никто не отвозит домой? – спросил он.

Николас нерешительно остановился в дверях, словно боясь заступить

на ее территорию и опасаясь, что подходить поближе запрещено. Несколько дней назад детектив Фрост проинструктировал музейных работников на предмет безопасности и показал им фотографию Брэдли Роуза, состаренную с помощью цифровой техники, чтобы симитировать его образ спустя два десятка лет. С момента возвращения Джозефины коллеги обращались с ней, как с хрупким экспонатом, вежливо держась на расстоянии. Никто не радовался необходимости работать бок о бок с жертвой преступления.

«А я не рада быть жертвой», – думала Джозефина.

– Я всего-навсего хотел удостовериться, что тебя отвезут домой, – объяснил Робинсон. – А если нет, я с радостью отвезу тебя сам.

– Детектив Фрост приедет за мной в шесть.

– О! Конечно. – Ник задержался в дверях, словно хотел сказать что-то еще, но заговорить не решался. – Я рад, что ты вернулась, – только и смог произнести он, собираясь уходить.

– Николас...

– Да?

– Я должна объяснить тебе кое-что. Многое.

Он стоял всего в нескольких метрах, но Джозефине было тяжело встречаться с ним взглядом. Никогда раньше она не чувствовала себя так неуютно в его присутствии. Николас был одним из немногих, с кем Джозефине обычно было легко, потому что оба, обитая в одном и том же потаенном уголке Вселенной, испытывали невероятную страсть к малоизвестным фактам и любопытным диковинкам. Из всех людей, которых Джозефина обманывала, самую сильную вину она испытывала перед Николасом, потому что Робинсон гораздо больше всех прочих старался быть ее другом.

– Я не была честна с тобой, – призналась Джозефина, печально покачивая головой. – В действительности почти все, что ты знаешь обо мне, – ложь. Начиная с того...

– Что по-настоящему тебя зовут не Джозефина, – тихо закончил он.

Пульчилло удивленно подняла взгляд на Николаса. Раньше, когда они встречались взглядами, он, как правило, смущенно отводил глаза. На этот раз Николас даже не дрогнул.

– Когда ты узнал об этом? – спросила она.

– После того как ты уехала, а я не мог поймать тебя по телефону и стал волноваться. Я позвонил детективу Риццоли и узнал правду. – Робинсон вспыхнул. – Мне стыдно признаться в этом, но я звонил и в твой университет. Я подумал, а вдруг...

– Вдруг ты взял на работу законченную мошенницу.
– Я не должен был вторгаться в твою жизнь, я знаю.
– Нет, Николас, ты должен был сделать именно это. Ты имел полное право проверить, получила ли я образование. – Она вздохнула. – Только в этом я и была честна с тобой. Меня удивляет, что ты позволил мне вернуться. И даже ни разу ни о чем не обмолвился.

– Я ждал удобного момента. Выжидал, когда ты будешь готова к разговору. Ты готова?

– Похоже, ты уже знаешь все, что тебе нужно.

– Да как же я могу все знать, Джозефина? У меня такое ощущение, будто я только сейчас начинаю знакомиться с тобой. Все то, что ты рассказывала мне о своем детстве... о своих родителях...

– Я врала, понимаешь? – Ответ прозвучал резче, чем хотела Джозефина, и она заметила, что Николас покраснел. – У меня не было выбора, – тихо прибавила она.

Зайдя в ее кабинет, куратор сел. Раньше он неоднократно устраивался на этом же стуле с чашкой утреннего кофе, и они радостно болтали о предметах, совсем недавно найденных в цокольном этаже, или малоизвестных фактах и деталях, на которые удалось напасть одному из них. Нынешняя беседа не походила на приятную болтовню.

– Я могу себе представить, каким обманутым ты себя чувствуешь.

– Нет, не все так плохо.

– Ну уж по крайней мере разочарованным.

Ей больно было видеть, как он кивнул, потому что это подтверждало: между ними разверзлась пропасть. Словно бы указывая на эту брешь, тишину разорвал раскат грома.

Джозефина сморгнула слезы.

– Прости, – сказала она.

– Что расстраивает меня больше всего, – снова заговорил Николас, – так это то, что ты не доверяла мне. Ты могла сказать мне правду, Жози. И я бы защитил тебя.

– Как ты можешь говорить это, если почти ничего не знаешь обо мне?

– Но я же знаю, какая ты. Я не имею в виду поверхностное – как ты себя называешь или в каких городах ты жила. Я знаю, что тебя волнует, что для тебя имеет значение. А это говорит о человеке больше, чем то, зовут его Джозефина или как-то иначе. И я пришел сказать именно это. – Он глубоко вздохнул. – И... еще кое-что.

– Да?

Он посмотрел вниз, на свои внезапно напрягшиеся руки.

– Я вот подумал... э-э-э... тебе нравится кино?

– Да, я... конечно.

– О, очень хорошо. Это действительно... это чудесно! Боюсь, я не всегда знаю, что идет в кинотеатрах, но на этой неделе наверняка показывают что-нибудь подходящее. А может, на следующей. – Он откашлялся. – Я вполне могу отвезти тебя домой в абсолютной сохранности и в разумное...

– Николас, вот ты где! – воскликнула показавшаяся в дверях Дебби Дьюк. – Нам уже нужно идти, а то контора перевозчика закроется.

Он поднял взгляд на Дебби:

– Что?

– Ты обещал помочь мне отвезти ящик в Ревир, перевозчикам. Его следует отправить в Лондон, и мне нужно будет заполнить таможенные бумаги. Я бы сама отвезла его, но он весит тридцать килограммов.

– За Джозефиной еще не приехал детектив Фрост. Мне бы не хотелось уходить.

– Здесь Саймон и госпожа Виллебрандт, и все двери заперты.

Николас посмотрел на Джозефину:

– Ты сказала, он заберет тебя в шесть? Осталось меньше часа.

– Со мной все будет хорошо, – пообещала Джозефина.

– Поедем же, Ник, – настаивала Дебби. – Из-за грозы движение замедлилось. Нам надо идти прямо сейчас.

Он встал и вслед за Дебби вышел из кабинета. Звук их шагов удалялся вниз по лестнице, а Джозефина сидела за столом, все еще ошарашенная происшедшим.

«Неужели Николас Робинсон только что попытался пригласить меня на свидание?» – пронеслось у нее в голове.

Гром снова потрянул здание, и свет на мгновение потерял яркость, словно небеса ответили на ее вопрос: «Да, попытался».

Потрясенно покачав головой, Джозефина бросила взгляд на стопку инвентарных книг. Они содержали рукописный перечень ценностей, которые музей приобретал в течение нескольких десятилетий, а Джозефина отрабатывала этот список, находя каждый предмет и оценивая его состояние. Она снова постаралась сосредоточиться на работе, но ее мысли все равно возвращались к Николасу.

«Тебе нравится кино?» – спросил он.

Джозефина улыбнулась. «Да. И ты мне тоже нравишься, – мысленно ответила она. – Всегда нравился».

Она открыла том, заполненный несколько десятков лет назад, и узнала

микроскопический почерк доктора Уильяма Скотта-Карра. Эти инвентарные книги содержали в себе многостраничные свидетельства каждого кураторского срока, и Джозефина по почерку понимала, когда один куратор сменился другим. Некоторые из них, такие как доктор Скотт-Карр, работали в музее десятилетиями. Джозефина представляла себе, как они старели вместе с собранием, гуляя по скрипучим полам мимо образцов, которые со временем становились родными, словно старые друзья. Перед ней был документ времен правления Скотта-Карра, составленный из его порой неразборчивых записей.

– *Зуб мегалодона, коллекция неизв. Пожертвован г-ном Джералдом Де Виттом.*

– *Ручки от глиняного кувшина с оттиском в виде крылатых солнечных дисков. Железный век. Найдена док. Ч. Эндрюсом в Неби-Самуиле.*

– *Серебряная монета, вероятно III в. до н. э., с чеканкой в виде Партенопты и быка с человеческой головой на обороте. Неаполь. Куплена у частного коллекционера док. М. Элгара.*

Эта серебряная монета выставлялась сейчас в галерее на первом этаже, а вот где находятся ручки от глиняного кувшина, Джозефина понятия не имела. Она пометила себе, что их надо обнаружить, и, перевернув страницу, увидела группу из трех других записей.

– *Различные кости – человеческие и лошадиные.*

– *Металлические фрагменты, возможно останки упряжи вьючных животных.*

– *Фрагмент кинжального лезвия, возможно персидского. III в. до н. э. Собраны С. Криспином возле оазиса Сива, Египет.*

Поглядев на дату, Джозефина замерла за своим столом. Несмотря на раскаты грома, она гораздо отчетливее слышала биение своего собственного сердца. Оазис Сива. «Саймон был в западной пустыне, – подумала она. – В том же году, что и мама».

Дотянувшись до костылей, Джозефина по коридору двинулась в кабинет Саймона.

Дверь у него была открыта, но почему-то не горел свет. Заглянув во тьму, она увидела, что Саймон сидит у окна. Стихия бушевала, и он смотрел на молнии. Окно сотрясилось от яростных порывов ветра, а потоки дождя разбивались о стекло так, словно их бросали разгневанные боги.

– Саймон! – окликнула Пульчилло.

Он обернулся:

– А, Джозефина. Подойдите-ка сюда. Смотрите. Сегодня мать-природа устроила нам настоящее представление.

– Можно задать вам один вопрос? Насчет записи в этой инвентарной книге?

– Дайте взглянуть.

Глухо стуча костылями, она протопала по комнате и передала Саймону книгу. Сощурившись в полумраке, он пробормотал:

– Различные кости. Фрагмент кинжала. – Саймон поднял глаза. – И что же вы хотите спросить?

– Там написано, что их собрали вы. Вы помните, как привезли эти предметы домой?

– Да, но я уже много лет их не видел.

– Саймон, вы обнаружили их в западной пустыне. Написано, что лезвие, вероятно, персидское, третий век до нашей эры.

– А, ну да. Вы хотите на него взглянуть. – Он схватил палку и поднялся на ноги. – Что ж, давайте посмотрим и узнаем, согласитесь вы с моей оценкой или нет.

– Вы знаете, где хранятся эти предметы?

– Я знаю, где они должны быть. Если, конечно, их куда-нибудь не переложили, с тех пор как я последний раз их видел.

Джозефина пошла вслед за ним по коридору, в сторону допотопного лифта. Она никогда не доверяла этой хитроумной штуке и обычно старалась не пользоваться ею, но теперь, с костылями, ей пришлось войти в лифт. Когда Саймон закрыл решетчатую кабину, Джозефине показалось, что перед ней захлопнулись челюсти ловушки. Лифт тревожно вздрогнул и медленно, со скрипом пошел вниз, к цокольному этажу, где радостная Джозефина в полной сохранности вышла из кабины.

Саймон отпер хранилище.

– Если я правильно помню, – снова заговорил он, – это достаточно компактные предметы, а потому они наверняка хранятся на полках у задней стены.

Он повел ее по лабиринту из ящиков. Бостонская полиция закончила обыск, и пол был по-прежнему завален древесными опилками и пенопластовой крошкой. Джозефина вслед за Саймоном двинулась по узкому проходу в более старую часть хранилища, мимо ящиков, штампы на которых пестрели заманчиво-экзотическими названиями. Ява. Маньчжурия. Индия. В конце концов они оказались возле высокого ряда полок, на которых стояли десятки коробок.

– О, отлично, – обрадовался Саймон, указывая на скромного вида коробку с соответствующими датой и инвентарным номером. – Ее как раз можно достать. – Стянув коробку с полки, он поставил ее на близлежащий

ящик. – Ощущения какие-то рождественские, верно? Когда снова глядишь на то, чего не видел четверть века. Эх, посмотрим, что у нас тут!

Засунув руку внутрь, Саймон вынул контейнер с костями.

В основном тут лежали фрагменты, однако Джозефина заметила несколько цельных кусочков, сохранившихся по прошествии веков, тогда как другие части скелета растрескались и истерлись. Взяв в руки один из кусочков, она ощутила, как по шее пробежал холодок.

– Кости запястья, – пробормотала она, а про себя добавила: «Человеческие».

– Я предполагаю, что все это принадлежало одному и тому же человеку. Да, действительно многое вспоминается. Жара и пыль. Восторг оттого, что ты находишься в гуще событий, где в любой момент твой совок может соприкоснуться с историей. Это еще до той поры, когда мои старые суставы перестали слушаться. До того, как я вдруг состарился, – даже и не думал, что со мной это случится. Мне казалось, что я бессмертен. – Саймон печально усмехнулся, словно в недоумении, что десятилетия, пробежав так быстро, заставили его томиться в слабом теле. Поглядев на контейнер с костями, он проговорил: – Без сомнения, этот бедолага тоже считал себя бессмертным. А потом увидел, как его товарищи сходят с ума от жажды. Как вокруг него гибнут воины. Уверен, он даже не представлял, что им приходит конец. Но именно это по прошествии веков случается со всеми, даже с самыми выдающимися империями. Они изнашиваются и превращаются в обычный песок.

Джозефина осторожно положила кость запястья обратно в контейнер. Всего лишь останки, кальций и фосфаты. Кости отслужили свой век, хозяева умерли и оставили их, как оставляют какую-нибудь трость. Эти фрагменты – все, что осталось от персидского воина, обреченного на гибель в чужестранной пустыне.

– Он входил в пропавшее войско, – проговорила она.

– Я почти уверен в этом. Один из обреченных воинов Камбиза.

Джозефина посмотрела на Саймона:

– Вы были там вместе с Кимбаллом Роузом.

– О, это были его раскопки, и он выложил за них кругленькую сумму. Нужно было видеть команду, которую он собрал! Десятки археологов. Сотни землекопов. Мы приехали туда, чтобы найти один из священных граалей археологии, такой же эфемерный, как Ковчег Завета или могила Александра. Пятьдесят тысяч персидских солдат просто-напросто сгинули в пустыне, и мне хотелось присутствовать в тот момент, когда их обнаружат.

– Но их не обнаружили.

Саймон покачал головой:

– Мы копали два сезона, а найти удалось лишь кусочки костей и металла. Без сомнения, это останки отставших воинов. Трофеи были настолько скудными, что ни Кимбалл, ни египетское правительство не захотели забрать их. Поэтому они оказались у нас.

– Я не знала, что вы работали с Кимбаллом Роузом. Вы никогда не говорили, что знакомы с ним.

– Он прекрасный археолог. И чрезвычайно щедрый человек.

– А его сын? – тихо спросила Джозефина. – Вы хорошо знали Брэдли?

– А, Брэдли. – Саймон снова поставил коробку на полку. – Все хотят узнать о Брэдли. Полиция. Вы. Но по правде говоря, я с трудом помню этого мальчика. Я не верю, что сын Кимбалла может представлять для вас угрозу. Следствие крайне несправедливо к его семье. – Саймон повернулся к Джозефине, и внезапная сила его взгляда смутила ее. – Он заботился исключительно о вашем благе.

– Что вы имеете в виду?

– Из всех соискателей, которых я мог взять на работу, я выбрал вас. Потому что он попросил меня сделать это. Он разыскивал вас.

Джозефина попятилась.

– Вы действительно не знали об этом? – спросил Саймон, придвигаясь к Джозефине. – Он все это время был вашим тайным другом. Он просил меня ничего не говорить, но я думаю, что вам пора узнать об этом. Всегда хорошо знать, кто наши друзья, особенно если они так щедры.

– Друзья не пытаются убить тебя. – Джозефина обернулась и поковыляла прочь, возвращаясь к каньону из ящиков.

– О чем это вы? – крикнул Саймон.

Джозефина продолжала свой путь по лабиринту, стремясь добраться до выхода. Она слышала, что Саймон идет за ней, постукивая тростью по бетону.

– Джозефина, полиция жестоко ошибается насчет него!

Миновав изгиб лабиринта, она увидела впереди дверь – слегка приоткрытую. «Разве мы ее не закрывали? – пронеслось в голове. – Я точно помню, что закрывали».

Стук Саймоновой трости приблизился.

– Теперь я жалею, что сказал вам, – сознался он. – Но вам и вправду стоит знать, как добр к вам Кимбалл.

«Кимбалл?» – удивилась про себя Джозефина.

Она обернулась.

– Откуда он вообще знает обо мне?
И в этот момент в цоколе погас свет.

Уже наступила ночь, когда Джейн, выбравшись из своего «субару», под проливным дождем помчалась к входу в Криспинский музей. Парадная дверь была не заперта, и Джейн протиснулась в нее вместе со свистящим влажным ветром, подхватившим брошюры со стойки и разметавшим их по сырому полу.

– Что, пришла пора строить ковчег? – поинтересовался патрульный, который нес караул у стойки вестибюля.

– Да, там влажновато. – Джейн, мрачно скинув свой плащ, повесила его на крючок.

– Никогда не видел, чтобы за лето выпадало столько осадков, а ведь я прожил здесь всю жизнь. Говорят, это из-за глобального потепления.

– А где все? – спросила Джейн, бесцеремонно оборвав беседу, отчего лицо патрульного вытянулось. После того, что случилось этим вечером, у нее не было настроения обсуждать погоду.

Поняв ее настрой, патрульный так же резко ответил:

– Детектив Янг в цоколе. А его напарник – наверху, разговаривает с куратором.

– Я начну с цоколя.

Натянув перчатки и бумажные бахилы, Джейн отправилась к лестнице. Ступенька за ступенькой – она спускалась вниз, подготавливая себя к тому, с чем вскоре придется столкнуться. Оказавшись в цоколе, она заметила суровое предупреждение о том, что ожидает впереди. Кровавые следы мужских ботинок сорок первого или сорок второго размера тянулись по всему коридору – от хранилища до лифта. Возле этих отпечатков виднелась зловещая нечеткая полоса, оставленная чем-то, что тащили по полу.

– Риццоли! – окликнул ее детектив Янг. Он только что вышел из хранилища.

– Вы нашли ее? – спросила Джейн.

– Боюсь, в здании ее нет.

– Черт! – Джейн снова посмотрела вниз, на пятно. – Он забрал ее.

– По-моему, похоже на то. Проволок ее по этому коридору и поднял на лифте на первый этаж.

– А потом?

– Вытащил ее через черный ход, который ведет к погрузочной платформе. За этим зданием есть переулок, куда он мог подогнать свой транспорт. Никто ничего и не увидел бы, особенно сегодня вечером, а такой ливень. Ему нужно было просто погрузить ее в машину и увезти.

– А как же, черт возьми, он попал в здание? Разве двери не были заперты?

– Как говорит старший экскурсовод – ее зовут госпожа Виллебрандт, – она ушла в пять пятнадцать. Клянется, что заперла все двери. Правда, на вид ей примерно тысяча лет. Кто знает, что у нее там с памятью.

– А все остальные? Где доктор Робинсон?

– Они с госпожой Дьюк ездили в Ревир, чтобы отправить какой-то ящик. Он сказал, что вернулся в музей около семи, чтобы доделать кое-какую работу, и никого здесь не увидел. Он предположил, что доктор Пульчилло уже уехала домой, так что сначала ни о чем не волновался. А потом заглянул в кабинет доктора Пульчилло и увидел, что ее сумочка все еще там. Вот тогда-то он и позвонил по девять-один-один.

– Детектив Фрост должен был отвезти ее сегодня домой.

Янг кивнул:

– Так он нам и сказал.

– А где же он тогда?

– Барри приехал сразу после нас. Он сейчас наверху. – Немного помолчав, Янг добавил тихо: – Не слишком нападай на него, ладно?

– Это за прокол-то?

– Пусть он сам расскажет тебе, что произошло. Но сначала... – Янг обернулся к двери. – Я должен показать тебе кое-что.

Вслед за ним Джейн направилась в хранилище.

Здесь отпечатки ботинок казались ярче – подошвы убийцы были такими влажными от крови, что от них отлетали брызги. Янг зашел в лабиринт хранилища и указал в узкий проход. Объект их внимания застрял между ящиками.

– Лица там почти не осталось, – заметил Янг.

Но для Джейн и этого было достаточно, чтобы узнать Саймона Криспина. Удар обрушился на его левый висок, раздробив кости и хрящи и оставив воронку с запекшейся кровью. Кровь из раны стекала в проход, и на бетонном полу образовалась огромная лужа, насквозь пропитавшая разбросанную там древесную стружку. После удара Саймон прожил совсем недолго, но все это время его сердце продолжало биться и качать кровь, которая, выливаясь из пробитой головы, стекала на пол.

– Убийце каким-то образом удалось отлично рассчитать время, –

сказал Янг. – Скорее всего, он наблюдал за зданием. Он наверняка заметил, как ушла госпожа Виллебрандт, а потому знал, что в музее осталось всего лишь два человека: доктор Пульчилло и восьмидесятилетний старик. – Янг поглядел на Джейн. – Мне сказали, что у нее загипсована нога, поэтому она не сумела убежать. И сопротивляться, скорее всего, тоже не могла.

Джейн поглядела вниз, на след, оставленный телом Джозефины. «Мы обещали, что с ней ничего не случится, – с горечью подумала она. – И поэтому Джозефина вернулась в Бостон. Она поверила нам».

– Есть еще одна вещь, на которую тебе стоит посмотреть, – сказал Янг.

Джейн подняла глаза:

– Что за вещь?

– Я покажу. – Он повел ее к выходу, и они выбрались из лабиринта ящиков. – Вот, – сказал Янг, указывая на закрытую дверь.

На два слова, выведенные кровью:

НАЙДИ МЕНЯ.

Джейн поднялась по лестнице на третий этаж. В музей со всем своим оборудованием уже приехали судмедэксперт и команда криминалистов, и здание наполняли, взвиваясь вверх по центральному лестничному пролету, эхом отдающиеся голоса и скрип шагов вторгшейся армии. Джейн немного задержалась на самой верхней ступеньке, внезапно ощутив усталость от крови, смерти и неудач.

А больше всего – от неудач.

Отлично прожаренный стейк, который она съела у мамы всего несколько часов назад, казался теперь камнем в желудке. «Всего одно мгновение, – подумала она. – Вот с какой скоростью чудесное летнее воскресенье может обернуться трагедией».

Она прошла по галерее, где были выставлены человеческие кости, мимо скелета матери, прижимавшего к груди скелет ребенка, и двинулась дальше по коридору к административным помещениям. Через открытую дверь одного из кабинетов Джейн увидела Барри Фроста – он сидел в одиночестве, опустив плечи и закрыв лицо руками.

– Фрост! – окликнула Джейн.

Барри неохотно выпрямился, и Риццоли с удивлением отметила, что его глаза вспухли и покраснели. Фрост отвернулся, словно смутившись, что она стала свидетелем его страданий, и быстро провел рукавом по лицу.

– Бог ты мой, – поразилась Джейн. – Что это с тобой?

Он покачал головой:

– Я не могу этим заниматься. Меня нужно снять с этого дела.

– Может, ты все-таки скажешь, что произошло?

– Я все на хрен испортил. Вот что произошло.

Джейн редко слышала от напарника бранные слова, и то, что с его губ сорвалось ругательство, изумило ее даже больше, чем само признание Фроста. Она вошла в комнату, закрыла за собой дверь, придвинула стул и села прямо напротив Барри так, чтобы тот был вынужден смотреть на нее.

– Сегодня вечером ты должен был сопровождать ее домой. Верно?

Он кивнул:

– Сегодня моя очередь.

– Так почему же ты не приехал сюда?

– Это вылетело у меня из головы, – тихо признался он.

– Ты что – *забыл*?

Из его груди вырвался мучительный вздох.

– Да, я забыл. Я должен был приехать сюда в шесть, но меня задержали. И поэтому я больше не могу работать по этому делу. Мне нужно взять отпуск.

– Ну хорошо, ты напортачил. Но ведь Пульчилло пропала, и нужно свистать всех наверх.

– Сейчас я совершенно бесполезен. Я снова все на хрен испорчу.

– Да что, черт возьми, с тобой происходит? Ты расклеился как раз в тот момент, когда больше всего нужен мне!

– Элис просит развода, – сказал он.

Джейн смотрела на него во все глаза, не зная, как ей реагировать. Если когда-нибудь ей и нужно было обнять своего напарника, то именно сейчас. Но она никогда раньше не обнимала его, а потому сейчас это получилось бы фальшиво. Поэтому Джейн произнесла только:

– Боже мой, мне очень жаль.

– Она прилетела домой после обеда, – начал рассказывать Фрост. – Поэтому я не смог приехать к тебе на барбекю. Она приехала домой, чтобы лично объявить мне эту новость. Уж во всяком случае, она была так добра, что решила сказать это мне в лицо, а не по телефону. – Барри снова провел рукавом по лицу: – Я знал: что-то не так. Я чувствовал: с тех пор как она пошла в юридическую школу, что-то стало происходить. А потом – что бы я ни делал, что бы ни говорил, казалось, это ее больше не интересует. Типа я тупой коп, за которого она случайно вышла замуж, и теперь жалеет об этом.

– Она что, так тебе и сказала?

– Да ей и говорить-то не пришлось. Я понял это по ее голосу. – Фрост горько усмехнулся. – Мы девять лет прожили вместе, и вдруг я оказался для нее плох.

Джейн не удержалась и задала очевидный вопрос:

– И кто же тот, другой парень?

– Какая разница, есть у нее другой парень или нет? Проблема в том, что она не хочет быть замужем. По крайней мере, за мной.

Фрост сморщился и затрясся, изо всех сил стараясь не заплакать. Но слезы все равно выступили у него на глазах, и он качнулся вперед, закрыв руками лицо. Джейн еще никогда не видела его таким сломленным, таким ранимым, и это почти испугало ее. Она не знала, как его утешить. В этот момент Джейн с радостью оказалась бы где угодно, пусть даже на месте самого кровавого преступления, только бы не сидеть в этой комнате рядом со всхлипывающим мужчиной. Ей вдруг пришло в голову, что у Фроста стоит забрать оружие. Пистолет и подавленный мужчина не самое лучшее сочетание. Но ведь Барри наверняка оскорбится, если она так поступит? А может, начнет сопротивляться? Она предавалась этим практичным размышлениям, поглаживая Фроста по плечу и бормоча что-то бессвязно-участливое. «Черт бы подрал эту Элис! – думала Джейн. – Она все равно мне никогда не нравилась. А теперь эта сучка ушла да еще и мою жизнь испортила».

Внезапно поднявшись со стула, Фрост направился к двери:

– Мне нужно уйти отсюда.

– Куда ты собрался?

– Не знаю. Домой.

– Слушай, я сейчас позвоню Габриэлю. Сегодня ночью ты останешься у нас. Будешь спать на диване.

Он покачал головой:

– Забудь об этом. Мне нужно побыть одному.

– Я думаю, это плохая идея.

– Я не хочу, чтобы кто-то был рядом, понятно? Просто оставь меня в покое.

Джейн изучающе взглянула на Фроста, пытаясь понять, насколько сильно можно на него надавить. И поняла: будь она на его месте, сама наверняка захотела бы свернуться калачиком в какой-нибудь пещере, чтобы ни с кем не разговаривать.

– Ты уверен?

– Да. – Он выпрямился, словно готовясь покинуть здание и пройти мимо коллег, которые, увидев его лицо, станут удивляться и гадать, что случилось.

– Она не заслуживает твоих слез, – заметила Джейн. – По крайней мере, это мое мнение.

– Возможно, – тихо ответил он. – Но я люблю ее.

Фрост вышел из комнаты.

Джейн проследовала за ним к лестничному пролету и остановилась на площадке третьего этажа, вслушиваясь в удалявшиеся шаги напарника и размышляя: а может, все-таки стоило забрать у него пистолет?

При такой боли в голове беспрестанный звук капающей воды казался ударами молота. Джозефина застонала, и ее голос отозвался странным эхом, будто она оказалась в огромной пещере, пахнущей плесенью и сырой землей. Она открыла глаза и увидела настолько густую тьму, что, казалось, протянув руку, смогла бы ее ощупать. Джозефина поднесла ладонь почти вплотную к лицу, но не увидела ни намека на движение, ни едва заметного силуэта. От самой попытки сфокусировать зрение в темноте ее начало мутить.

Борясь с тошнотой, Джозефина закрыла глаза, повернулась набок и легла, прижавшись щекой к влажной ткани. Она изо всех сил старалась понять, где находится. Мало-помалу она начала замечать кое-какие детали. Капающая вода. Холод. Матрац, пахнущий плесенью.

«Почему я не могу вспомнить, как сюда попала?»

Последнее ее воспоминание было связано с Саймоном Криспином. Звук его встревоженного голоса, крики во мраке музейного цоколя. Но тьма была другой, не такой, как теперешняя.

Ее глаза снова распахнулись, но в этот раз не тошнота, а страх сковал все ее внутренности. Преодолевая головную боль, Джозефина приняла сидячее положение. Она слышала биение собственного сердца и свистящий шум крови в ушах. Протянув руку за пределы матраца, Джозефина ощутила под пальцами холодный бетонный пол. Она пошарила по нему и на расстоянии вытянутой руки обнаружила кувшин с водой. Мусорное ведро. И еще что-то мягкое, покрытое хрустящей пленкой. Сдавив предмет, она почувствовала кисловатый аромат хлеба.

Джозефина шарилась все дальше и дальше, и, когда она отважилась постепенно сползти с матраца, казавшегося безопасным островком, ее темный мирок стал расширяться. Джозефина ползла на четвереньках, скребя по полу гипсом. Оставив матрац за спиной, во мраке, она вдруг испугалась, что не сможет отыскать его вновь и ей придется вечно скитаться по холодному полу в поисках этого жалкого подобия удобства.

Однако пустыня оказалась вовсе не таким уж огромным пространством, – проползши совсем чуть-чуть, она наткнулась на грубую бетонную стену.

Опершись о нее, Джозефина приняла вертикальное положение. Напряжение было столь велико, что она еле удержалась на ногах. Прислонившись к стене, Джозефина закрыла глаза и стала ждать, когда в голове прояснится. Теперь она слышала и другие звуки. Стрекот насекомых. Шорох, исходящий от бегущей по полу невидимой твари. И все это на фоне беспрестанно капающей воды.

Джозефина поковыляла вдоль стены, исследуя пределы своей темницы. Всего несколько шагов, и она оказалась у первого угла, что странным образом успокоило ее, – это означало, что тьма не бесконечна и что ее прогулка вслепую не приведет к падению в пропасть где-нибудь на краю этого мирка. Прихрамывая, Джозефина двинулась дальше – исследовать следующую стену. Десяток шагов – и она оказалась у второго угла.

В ее голове темница постепенно обретала очертания и форму.

Джозефина прошла вдоль третьей стены и снова добрела до угла. «Двенадцать шагов на восемнадцать, – подумала она. – То есть семь на одиннадцать метров. Бетонные стены и пол. Подвал», – догадалась Джозефина.

Она двинулась вдоль следующей стены, и ее нога натолкнулась на какой-то откатившийся в сторону предмет. Потянувшись вниз, Джозефина дотронулась до него пальцами. И нащупала нечто изогнутое, кожаное, с неровной, усеянной стразами поверхностью. И с каблуком-шпилькой.

Женская туфля.

«В этом месте побывала еще одна узница», – решила она. Еще одна женщина спала на этом матрасе, пила воду из этого кувшина. Джозефина бережно взяла туфлю в руки и принялась ощупывать пальцами каждый изгиб, пытаясь узнать хоть что-нибудь о ее владелице. «Моя сестра по несчастью», – пронеслось в голове у Джозефины. Туфля оказалась маленькой, тридцать шестого или тридцать седьмого размера, ее украшали стразы – наверняка выходная обувь, какую надевают с красивым платьем и сережками, чтобы провести вечер с любимым мужчиной.

«Или с этим преступником», – заключила Джозефина.

Вдруг ее затрясло – от холода и отчаяния. Обхватив себя руками, Джозефина прижала туфлю к груди. Вещица принадлежала погибшей женщине, в этом не было никакого сомнения. Сколько других девушек сидело здесь взаперти? И сколько еще будут сидеть после нее? Вздрыгнув, она втянула воздух и вообразила, что ощущает их запах, ощущает страх и

отчаяние каждой женщины, дрожавшей в этой тьме – тьме, обостряющей все чувства.

Она слышала шум крови, пульсирующей в ее артериях, чувствовала, как холодный воздух воронкой внедряется в ее легкие. А еще – вдыхала запах влажной кожи, исходящий от туфельки, которую прижимала к себе. Когда теряешь зрение, начинаешь замечать то невидимое, на что раньше не обращала внимание; так происходит с луной: по-настоящему ее видишь лишь после того, как садится солнце.

Вцепившись в туфлю так, словно это был ее талисман, Джозефина заставила себя продолжить изучение темницы – а вдруг во мраке скрываются еще какие-нибудь признаки бывших узниц? Она представила себе пол, заваленный разбросанными вещами погибших женщин. Тут – часы, там – помада. «А найдут ли здесь в один прекрасный день что-нибудь, оставшееся от меня? – подумала Джозефина. – Останется ли от меня какой-нибудь след, или я буду одной из напрочь исчезнувших женщин, о последних часах которых никто никогда не узнает?»

Внезапно в стене обнаружилось углубление, и бетон сменился деревом. Джозефина остановилась.

«Я нашла дверь», – решила она.

Ручка поворачивалась легко, однако сдвинуть дверь с места Джозефине так и не удалось – засов закрыли с внешней стороны. Она начала кричать и барабанить кулаками по дереву, но дверь оказалась крепкой, и в результате Джозефина только расшибла руки. Обессиленная, она навалилась спиной на дверь и сквозь биение собственного сердца услышала еще один звук, заставивший ее окаменеть от страха.

Рычание было низким и зловещим, и в темноте Джозефина не могла понять, откуда оно исходит. Она представила себе острые зубы и когти и вообразила, что эта тварь уже приближается к ней, изгибаясь к прыжку. Затем откуда-то сверху до нее донеслись звяканье цепи и какой-то скребущий звук.

Джозефина посмотрела вверх и впервые заметила небольшой просвет – он был таким слабым, что поначалу Джозефина не поверила своим глазам, но все же продолжила наблюдать за белесым свечением. Свет становился все ярче – это сквозь малюсенькое, заколоченное досками вентиляционное окошко начали проникать первые рассветные лучи.

Когти принялись скрести по доскам – собака пыталась прорваться внутрь. Судя по рычанию, животное было огромным. «Я знаю, что он там, а он знает, что я здесь, – подумала Джозефина. – Он учуял мой страх и теперь хочет попробовать его на вкус». У нее никогда не было собаки, но

она представляла, как в один прекрасный день заведет бигля или, скажем, шотландскую овчарку – какого-нибудь милого и доброго песика. А не зверюгу, карающую ее у окошка. Зверюгу, которая, судя по рыку, способна в ключья разодрать ей глотку.

Собака залаяла. Джозефина услышала шорох автомобильных шин и звук заглушаемого двигателя.

Она окаменела. Ее сердце колотилось в груди тем сильнее, чем безумнее становился лай. Ее взгляд резко устремился вверх, как только над головой закрипели шаги.

Бросив туфлю, Джозефина удалилась от двери, насколько смогла, пока не уперлась спиной в бетонную стену. Она услышала, как отодвигают засов. Внутри ворвался свет фонарика, и, когда мужчина начал подходить ближе, она отвернулась, ослепленная так, словно само солнце обожгло ей сетчатку.

Он просто стоял над ней, ничего не говоря. В бетонном помещении все звуки становились в несколько раз громче, и, пока он разглядывал свою узницу, Джозефина слышала его спокойное, медленное дыхание.

– Отпустите меня, – прошептала она. – Пожалуйста.

Он не произнес ни слова, и это молчание пугало Джозефину больше всего. До того момента, как она увидела, что мужчина держит в руке, и поняла: он приготовил для нее вещь гораздо более страшную, чем просто молчание.

А именно – нож.

– У вас еще есть время найти ее, – заявил судебный психолог доктор Цукер. – Если предположить, что убийца повторит прошлые опыты, он сделает с ней то же, что с Лорейн Эджертон и болотной жертвой. Он уже покалечил ее, чтобы ей трудно было сбежать или дать отпор. Скорее всего, он позволит ей прожить несколько дней, а может, и недель. Столько, сколько понадобится для соблюдения необходимых ритуалов, и только после этого убийца перейдет к следующей фазе.

– К следующей фазе? – переспросил детектив Трипп.

– К консервации. – Цукер указал на фотографии убитых, выложенные на столе заседаний. – Думаю, он припас ее для своей коллекции. В качестве нового сувенира. Единственный вопрос – это... – Психолог поднял глаза на Джейн. – Какой метод он применит для госпожи Пульчилло?

Поглядев на изображения убитых, Джейн обдумала все три жутких варианта. Быть выпотрошенной, просоленной и обернутой в бинты, как Лорейн Эджертон? Остаться без головы, после чего лицо и прочую кожу отслоят от черепа и усушат до кукольных размеров? Или оказаться в черной болотной воде, чтобы твоя смертельная агония навеки запечатлелась на кожистой маске лица?

А может, для Джозефины убийца разработал какой-то особый план, какую-то новую технику, с которой они еще не сталкивались?

В зале заседаний повисла тишина, и Джейн, оглядев сидевшую вокруг стола команду детективов, увидела лишь мрачные лица: все признавали страшную правду – время, отведенное жертве, очень скоро истечет. Там, где обычно сидел Барри Фрост, теперь стоял лишь свободный стул. Без него команда казалась неполной, и Джейн невольно поглядывала на дверь с надеждой: а вдруг он все-таки войдет и сядет на свое обычное место за столом?

– Поиски могут свестись к одной-единственной проблеме: насколько глубоко мы способны проникнуть в голову похитителя, – продолжал Цукер. – Нам нужно побольше узнать о Брэдли Роузе.

Джейн кивнула:

– Мы пытаемся отследить информацию. Стараемся узнать, где он работал, где жил, с кем дружил. Черт, даже если у него на заднице вскочил прыщ, нам и это нужно знать.

– Его родители – лучший источник информации.

– С ними у нас ничего не вышло. Мать слишком больна, чтобы разговаривать с нами. А отец – тот все время отпирается.

– Даже когда в опасности жизнь женщины? Он все равно не станет сотрудничать?

– Кимбалл Роуз – это вам не какой-нибудь обычный парень. Начать с того, что он богат, как Мидас, и защищен целой армией адвокатов. К нему невозможно применить обычные правила. И к его сынку-подонку тоже.

– Его нужно прижать посильнее.

– Кроу и Трипп только что вернулись из Техаса, – сообщила Джейн. – Я отправила их туда, посчитав, что, возможно, небольшое запугивание в стиле мачо сработает. – Она поглядела на Кроу, обладателя здоровенных плеч: когда-то в колледже он был лайнбекером^[13]. Если кому-то и можно было поручить мачистское запугивание, так это именно Кроу.

– Нам не удалось даже приблизиться к нему, – пожаловался Кроу. – У ворот нас остановили какой-то козел-адвокат и пять охранников. Роузы берегут своего сынка как зеницу ока, и мы ничего от них не добьемся.

– Ладно, а что мы все-таки знаем о местонахождении Брэдли?

– Ему довольно-таки долго удавалось оставаться в тени. Последнее время деньги с его карты не снимались, а на его счет социального страхования никакие суммы не поступали – значит, он не работал. Во всяком случае, легально.

– И как долго? – поинтересовался Цукер.

– Тринадцать лет. Да, в общем-то, ему и работать ни к чему, раз у него такой богатый папаша.

Цукер немного подумал над этой фразой.

– А откуда вы знаете, что этот человек по-прежнему жив?

– Его родители сказали, что получают от него письма и электронные сообщения, – ответила Джейн. – Если верить его отцу, Брэдли жил за границей. Этим можно объяснить тот факт, что нам не удастся отследить его передвижения.

Цукер нахмурился:

– Неужели хоть один отец способен на это? Защищать и материально поддерживать сына-психопата, представляющего опасность для общества?

– Я думаю, он защищает себя, доктор Цукер. Свое собственное имя и репутацию. Он не хочет, чтобы все знали, какое чудовище его сын.

– Мне по-прежнему с трудом верится, что хоть какой-нибудь родитель способен так далеко зайти ради ребенка.

– Как знать, – возразил Трипп. – Возможно, он действительно любит этого подонка.

– Думаю, Кимбалл еще и жену оберегает, – добавила Джейн. – Он сказал мне, что у нее лейкемия, да и выглядит она серьезно больной. Похоже, для нее сын – чудесный маленький мальчик, только и всего.

Цукер изумленно покачал головой:

– Эта семья глубоко патологична.

«Даже без крутого психологического образования я могу сказать то же самое», – подумала Джейн.

– Возможно, ключевой момент – денежные потоки, – предположил Цукер. – Как Кимбалл отправляет сыну деньги?

– Отследить такие подарки проблематично, – ответил Трипп. – У этой семьи полно счетов, какие-то из них открыты в других странах. К тому же Кимбалла защищают бесчисленные адвокаты. Даже если судья будет на нашей стороне, нам придется потратить много времени, чтобы в этом разобраться.

– Мы сфокусировались исключительно на Новой Англии, – произнесла Джейн. – На том, производились ли определенного рода

финансовые транзакции в Бостоне и пригородах.

– А друзья? Какие-либо контакты?

– Нам известно, что двадцать пять лет назад Брэдли работал в Криспинском музее. Госпожа Виллебрандт, одна из экскурсоводов, припомнила, что он подолгу трудился после работы, когда музей закрывался. Так что о нем помнят немного. Он ни на кого не произвел особого впечатления, ни с кем долго не общался. Он походил на призрака.

«Призраком и остался, – закончила Джейн про себя. – Убийца, пробирающийся в запертые двери. Убийца, чье лицо не запечатлела ни одна камера. Убийца, преследующий своих жертв так, что никто этого не замечает».

– Есть один богатый источник информации, – объявил Цукер. – Он может дать нам самый исчерпывающий психологический портрет, какой только бывает. Если, конечно, Институт Хильцбриха предоставит нам свои документы.

– О да. – Кроу с отвращением усмехнулся. – Школа для извращенцев.

– Я трижды звонила бывшему директору, – сказала Джейн. – Доктор Хильцбрих отказывается предоставлять документы, ссылаясь на врачебную тайну.

– На карту поставлена жизнь женщины. Он не может отказать.

– Но он уже отказал. Завтра я поеду в Мэн, чтобы принудить его показать документы. Посмотрим, смогу ли я добиться от него и еще одной вещи.

– Какой же?

– Дела Джимми Отто. Он тоже учился там. А поскольку Джимми погиб, возможно, доктор согласится отдать нам документы.

– И для чего они нам нужны?

– Кажется, все прекрасно понимают, что Джимми и Брэдли довольно долго охотились вместе. Они оба были в районе каньона Чако. Они в одно и то же время находились в Пало-Альто. И похоже, оба заиклились на одной женщине, Медее Соммер.

– Той, чья дочь теперь пропала.

Джейн кивнула:

– Возможно, Брэдли выбрал ее именно поэтому. Чтобы отомстить. Ведь ее мать убила Джимми.

Цукер откинулся на спинку стула, на его лице отразилось беспокойство.

– Знаете, эта деталь особенно меня беспокоит.

– Какая деталь?

– Совпадение, детектив Риццоли. Разве оно не кажется вам удивительным? Двенадцать лет назад Медея Соммер выстрелила в Джимми Отто и убила его. Затем дочь Медеи, Джозефину, берут на работу в Криспинский музей – в то же место, где когда-то трудился Брэдли Роуз и где были припрятаны тела двух его жертв. Как такое могло произойти?

– Меня это тоже беспокоит, – призналась Джейн.

– Вы знаете, как Джозефина получила место в музее?

– Я задавала ей этот вопрос. Она сказала, что объявление о вакансии было размещено на сайте по трудоустройству для египтологов. Джозефина заполнила анкету. Через несколько недель ей позвонили и предложили работу. Она призналась, что его выбор удивил ее.

– И кто же ей звонил?

– Саймон Криспин.

Услышав эту деталь, Цукер приподнял брови.

– Но неожиданно он погиб, – тихо проговорил судебный психолог.

Раздался стук в дверь. В зал для заседаний заглянул один из детективов:

– Риццоли, у нас проблема. Тебе лучше выйти и заняться ею.

– Что такое? – удивилась она.

– В городе неожиданно объявился известный техасский магнат.

Джейн удивленно повернулась на стуле:

– Кимбалл Роуз здесь?

– Он в кабинете Маркетта. Тебе придется пойти туда.

– Может, он все-таки решил помочь нам?

– Не думаю. Он объявил тебе войну и хочет, чтобы все узнали об этом.

– Господи, – пробормотал Трипп, – только не это.

– Риццоли, хочешь, мы пойдем с тобой? – картинно щелкая суставами пальцев, осведомился Кроу. – Нужна небольшая психологическая поддержка?

– Нет. – Джейн молча собрала свои бумаги и поднялась. – Я сама с ним справлюсь.

«Он объявил на меня охоту – ну и пусть, – добавила про себя Риццоли. – А я, черт возьми, поймаю его сына».

Пройдя по отделу убийств, она постучала в дверь лейтенанта Маркетта. Когда Джейн ступила за порог, Маркетт сидел за своим столом с невнятным выражением на лице. Чего нельзя было сказать о его госте, который уставился на Джейн с явным презрением. Просто-напросто выполняя свою работу, она осмелилась бросить ему вызов, а в глазах такого влиятельного человека, как Кимбалл Роуз, это само по себе было

непростительным оскорблением.

– Я полагаю, вы уже знакомы, – проговорил Маркетт.

– Знакомы, – подтвердила Джейн. – Я удивлена, что господин Роуз сам приехал сюда. Ведь он даже на мои звонки не хотел отвечать.

– Вы не имеете права, – заявил Кимбалл, – лгать о моем сыне, когда он в отъезде и не может защитить себя.

– Прошу прощения, господин Роуз, – ответила Джейн. – Я не очень понимаю, что вы имеете в виду под словом «лгать».

– Вы считаете меня идиотом? Я достиг своего положения не только потому, что мне повезло. Я навожу справки. У меня есть источники. И я знаю, что за расследование вы ведете. Это дурацкое дело, которое вы собираетесь повесить на Брэдли.

– Должна признать, дело действительно странное. Но давайте договоримся сразу: я ни на кого ничего не вешаю. Я иду туда, куда ведут меня улики. А в данный момент все они указывают на вашего сына.

– О, я все узнал о вас, детектив Риццоли. Вы уже не раз принимали скоропалительные решения. Например, несколько лет назад, на крыше, выстрелили и убили безоружного человека.

При упоминании об этом тягостном эпизоде Джейн напряглась. Заметив это, Кимбалл продолжил беречь ее рану:

– Разве вы предоставили этому человеку возможность защититься? Или, вообразив себя и судьей, и присяжными, просто взяли и нажали на спусковой крючок, а теперь так же поступаете с Брэдли?

– Господин Роуз, – вмешался Маркетт, – этот огнестрел не имеет отношения к данной ситуации.

– Разве? Это касается женщины, от которой можно ожидать чего угодно. Мой сын невиновен. Он не имеет никакого отношения к этому похищению.

– Почему вы так уверены в этом? – удивился Маркетт. – Вы даже не можете сказать, где находится ваш сын.

– Брэдли не способен на жестокость. Раз уж на то пошло, скорее, он сам может стать жертвой насилия. Я знаю своего мальчика.

– Знаете? – спросила Джейн.

Она открыла папку, которую принесла с собой в кабинет, и, вынув из нее фотографию, шлепком припечатала ее к столу перед Кимбаллом. Он посмотрел на нелепое изображение тцантцы с зашитыми веками и губами, сквозь отверстия в которых были продернуты сплетенные нити.

– Вы знаете, как называется эта вещь, верно, господин Роуз? – спросила Джейн.

Он не ответил. Сквозь закрытую дверь было слышно, как в отделе убийств звонят телефоны и разговаривают детективы, однако в кабинете Маркетта повисло молчание.

– Я уверена, что вы уже видели подобное, – настаивала Джейн. – Такой поездивший по миру любитель археологии, как вы, наверняка бывал в Южной Америке.

– Это тцантца, – наконец проговорил Роуз.

– Очень хорошо. Ваш сын тоже узнал бы эту вещь, верно? Поскольку, как я понимаю, он ездил по миру вместе с вами.

– И это все, в чем вы можете его обвинить? В том, что мой сын археолог? – Он фыркнул. – В суде вам понадобятся доказательства посерьезнее.

– А как насчет женщины, которую он преследовал? В Индио Медея Соммер подала против него иск.

– И что? Она отказалась от своих обвинений.

– А расскажите-ка нам о частной лечебной программе, которую он проходил в Мэне. В Институте Хильцбриха. Насколько я понимаю, это заведение специализировалось на определенной группе трудных молодых людей.

Роуз поглядел на нее:

– Откуда, черт возьми, вы...

– Я тоже не идиотка. И тоже навожу справки. Насколько я знаю, этот институт был единственным в своем роде, узкоспециализированным. И весьма неприметным. Думаю, это было необходимо, принимая во внимание клиентуру. Так скажите мне, эта программа помогла Брэдли? Или он просто завел себе таких же друзей-извращенцев?

Роуз посмотрел на Маркетта:

– Я хочу, чтобы ее сняли с этого расследования, или вам придется иметь дело с моими адвокатами.

– С друзьями вроде Джимми Отто, – добавила Джейн. – Вы помните это имя – Джимми Отто?

Проигнорировав ее, Кимбалл продолжал смотреть на Маркетта:

– Может, мне стоит сходить к вашему комиссару? Так я сделаю это. Я сделаю все, что потребуется, и задействую все свои знакомства. Ну, лейтенант?

Маркетт молчал всего один миг. И в этот бесконечный момент Джейн по-настоящему поняла, насколько сильно может давить Кимбалл Роуз – не столько самим своим присутствием, сколько невыразимой властью. Она понимала, какому давлению подвергается сейчас Маркетт, и начала

готовиться к последствиям.

Однако лейтенант не разочаровал ее.

– Прошу прощения, господин Роуз, – проговорил он. – Детектив Риццоли возглавляет это расследование, ей и карты в руки.

Кимбалл смерил его таким злобным взглядом, словно не мог поверить, что два простых государственных служащих осмелились бросить ему вызов. Он вспыхнул, став угрожающе красным, и обратился к Джейн:

– Из-за вашего расследования моя жена оказалась в больнице. Она свалилась через три дня после того, как вы приехали расспрашивать о Брэдли. Вчера я привез ее сюда, в Онкологический центр Дана-Фарбер. Возможно, она не выживет, и в этом я виню вас. Я буду следить за вами, детектив. Вы и шага не сможете ступить без того, чтобы я узнал об этом.

– Возможно, так я и найду Брэдли, – сказала Джейн. – Сделав всего один шаг.

Хлопнув дверью, Роуз вышел вон.

– А вот это ты зря сказала, – заметил Маркетт.

Вздохнув, Джейн взяла фотографию со стола лейтенанта.

– Знаю, – согласилась она.

– Насколько ты уверена, что Брэдли Роуз – наш герой?

– На девяносто девять процентов.

– Лучше бы ты была уверена на девяносто девять и девять десятых. Ты ведь только что видела, с чем нам пришлось столкнуться. Его жена попала в больницу, и он как с цепи сорвался. У него есть и деньги, и связи, и он может не переставая портить нам жизнь.

– Ну и пусть портит. Это никак не меняет того факта, что его сын виновен.

– Мы не можем позволить себе проколы, Риццоли. Твоя команда и так допустила очень большую ошибку, и теперь той молодой женщине придется поплатиться за это.

Если лейтенант решил ранить ее, он с легкостью добился своего. Джейн почувствовала, как сжался ее желудок, но продолжала стоять, сжимая в руках папку так, словно пачка бумаг была способна смягчить чувство вины, которое она испытывала из-за похищения Джозефины.

– Но ты и сама знаешь это.

– Да, знаю, – подтвердила она.

«И эта ошибка будет мучить меня до самой смерти».

Дом, в котором жил Николас Робинсон, находился в Челси, неподалеку от рабочих кварталов города Ревир, где выросла Риццоли. Жилище Робинсона напоминало дом, в котором Джейн провела детство, – скромное строение с крытой верандой и небольшим двориком. В саду перед зданием росли самые крупные томаты, которые когда-либо доводилось видеть Джейн, однако недавние проливные дожди подпортили плоды, и несколько перезревших помидоров уже начали гнить на стеблях. Забытые растения должны были предостеречь ее о душевном состоянии Робинсона. Когда хозяин открыл дверь, Джейн поразились, насколько высохшим и изможденным он выглядел: волосы не причесаны, а рубашка помята так, будто он спал в ней несколько дней.

– Какие-нибудь новости? – спросил Николас, с тревогой разглядывая ее лицо.

– Мне очень жаль, но новостей нет. Можно мне войти, доктор Робинсон?

Он устало кивнул:

– Конечно.

В родительском доме Риццоли, в Ревире, самым ценным объектом гостиной был телевизор, а журнальный столик полнился пультами дистанционного управления, которые с годами, казалось, подвергались самоклонированию. В гостиной Робинсона Джейн вообще не заметила ни телевизора, ни другой видео- и аудиотехники, а дистанционных пультов не было и в помине. Вместо всего этого в комнате высились полки с книгами, статуэтками и посудой, а стены были украшены вставленными в рамки картами Древнего мира. Каждый сантиметр этого дома свидетельствовал о том, что жилище принадлежит обедневшему ученому, впрочем в здешнем хаосе чувствовался и свой порядок, словно всякой безделушке отводилось свое собственное, четко определенное место.

Оглядев комнату так, словно он знать не знал, что делать дальше, Робинсон беспомощно развел руками:

– Простите. Я должен был предложить вам что-нибудь выпить, верно? Боюсь, я не умею принимать гостей.

– Ничего не надо, спасибо. Может, мы просто сядем и поговорим?

Они опустились на удобные потертые кресла. Мимо дома с ревом промчался мотоцикл, однако в помещении было тихо – его странноватый хозяин тоже хранил молчание.

– Я не знаю, что делать, – тихо признался он.

– Говорят, музей могут закрыть насовсем.

– Я говорю не о музее. Я имею в виду Джозефину. Я сделал бы все, что

удовно, лишь бы помочь найти ее, но что я могу? – Николас обвел рукой книги и карты. – Я разбираюсь только в этом. В сборе и каталогизации! В толковании бессмысленных мелочей из прошлого! Чем это может ей помочь, я вас спрашиваю? Это не спасет Джозефину. – Он уныло опустил взгляд. – Это не защитило и Саймона.

– Вероятно, вы все-таки способны нам помочь.

Робинсон посмотрел на нее запавшими от усталости глазами:

– Спрашивайте. Скажите, что вам нужно.

– Я начну вот с чего. Какие у вас отношения с Джозефиной?

Он нахмурился:

– Отношения?

– Думаю, она вам не просто коллега. – Судя по лицу Робинсона, Джозефина значила для него неизмеримо больше.

Куратор покачал головой:

– Посмотрите на меня, детектив. Я старше ее на четырнадцать лет. Безнадёжно близорук, едва свожу концы с концами и к тому же начал лысеть. С чего вдруг женщина, подобная ей, заинтересуется таким, как я?

– Значит, романтические отношения с вами ее не привлекали.

– Даже не представляю, что такое возможно.

– То есть вы точно не знаете? И никогда не спрашивали?

Николас смущенно усмехнулся:

– У меня не хватило смелости произнести такие слова. Мне не хотелось, чтобы она чувствовала себя неловко. Это могло разрушить то, что уже было между нами.

– А что было?

Робинсон улыбнулся:

– Она как я... мы ужасно похожи. Дайте нам фрагмент кости или ржавый нож, и мы ощутим исходящее от них тепло истории. Именно это нас объединяло – страсть к тому, что произошло до нас. И этого уже было достаточно – просто испытывать одно и то же чувство. – Опустив голову, Николас признал: – Я боялся просить большего.

– Почему?

– Потому что она очень красива. – Он произнес эти слова так тихо, словно читал молитву.

– Эта одна из причин, почему вы взяли ее на работу?

Джейн тут же поняла, что ее вопрос оскорбил куратора. Робинсон выпрямился, а его лицо напряглось.

– Я бы никогда не стал отбирать работников по внешнему виду. Я оцениваю их по компетентности и опыту.

– Однако в резюме Джозефины не говорилось о большом опыте. Она только-только завершила постдипломное образование. Вы наняли ее консультантом, однако подготовка Джозефины была куда хуже вашей.

– Но я ведь не египтолог. Именно поэтому Саймон объявил мне, что возьмет консультанта. Полагаю, я должен был слегка оскорбиться, но, по правде говоря, я знал, что для оценки Госпожи Икс моих знаний недостаточно. Я прекрасно понимаю, что у моей компетенции есть пределы.

– Наверняка можно было выбрать египтолога, подготовленного куда лучше, чем Джозефина.

– Наверняка.

– Но точно вы не знаете?

– Решение принимал Саймон. После того как я разместил объявление об этой вакансии, к нам поступили десятки резюме. Я занимался отсеиванием кандидатов, когда Саймон сообщил, что уже принял решение. У меня Джозефина не прошла бы даже первой фильтрации, а он настоял, что взять нужно именно ее. И даже каким-то образом нашел дополнительные средства, чтобы нанять ее на полный рабочий день.

– Что значит – он нашел дополнительные средства?

– Мы получили существенное пожертвование. Мумии привлекают внимание, сами понимаете. Они восхищают благотворителей, заставляют их раскошелиться. Если крутиться в сфере археологии столько, сколько крутился Саймон, наверняка будешь знать, у кого туго набиты карманы. И поймешь, к кому стоит обратиться за деньгами.

– Но почему же он выбрал Джозефину? Я постоянно возвращаюсь к этому вопросу. Почему на работу взяли именно ее, а не кого-либо из тех искавших работу египтологов или других молодых выпускников, которые наверняка тоже присылали резюме?

– Не знаю. Я был не в восторге от его выбора, но спорить не было смысла – создавалось впечатление, что он уже все решил и я не смогу ничего изменить. – Вздохнув, Робинсон посмотрел в окно. – А потом я познакомился с ней, – тихо продолжил куратор. – И понял, что ни с кем другим я не захотел бы работать. Никого другого я бы... – Он умолк.

На этой улице, состоявшей из скромных домиков, движение не затихало ни на минуту, однако гостиная куратора, казалось, замерла в какой-то другой, более изысканной эпохе, когда взъерошенный эксцентрик вроде Николаса Робинсона мог счастливо состариться в окружении книг и карт. Однако он влюбился, и вместо счастья на его лице отражалось страдание.

– Она жива, – проговорил Робинсон. – Мне необходимо в это верить. – Он посмотрел на Джейн. – Вы ведь тоже в это верите, так?

– Да, верю, – подтвердила Риццоли. И отвела глаза в сторону, чтобы по ним куратор не смог прочитать продолжение ответа: «Но я не знаю, сможем ли мы ее спасти».

В тот вечер Маура ужинала в одиночестве.

Она собиралась устроить романтический ужин для двоих и за день до этого прошлась по рядам продуктового магазина, набирая китайские карликовые лимоны, петрушку, телячьи ножки и чеснок – все ингредиенты для любимого Дэниелом оссобуко. Однако даже самые тщательно спланированные встречи людей, состоящих в непозволительной связи, могут рассыпаться от одного-единственного телефонного звонка. Всего несколько часов назад сконфуженный Дэниел сообщил ей новость: сегодня вечером ему придется ужинать с приехавшими из Нью-Йорка епископами. А закончил разговор так, как делал это обычно: «Прости меня, Маура. Я люблю тебя, Маура. Мне очень хотелось бы не ходить туда».

Однако он все равно ходил.

Теперь телячьи ножки лежали в морозилке, а вместо оссобуко она вынуждена в одиночестве поглощать жареный сэндвич с сыром и крепкий джин-тоник.

Маура воображала себе место, где сейчас находится Дэниел. Ей представлялся стол, за которым сидят мужчины в мрачной черной одежде; прежде чем приступить к ужину, они, склонив головы и бормоча, благословляют еду. А затем под приглушенное звяканье серебряных приборов и фарфора обсуждают важные для церкви вопросы: уменьшающийся набор в семинарии, седеющее духовенство. У представителей любой профессии случаются деловые ужины, однако, когда они заканчиваются, эти люди – в мрачной черной одежде – возвращаются домой не к женам и семьям, а к своим одиноким постелям. «Неужели, потягивая вино, оглядывая стол, за которым сидят коллеги, ты никогда не печалишься из-за полного отсутствия женских лиц, женских голосов? – размышляла Маура. – И думаешь ли ты вообще обо мне?»

Прессом она прижала сырный сэндвич к раскаленной сковороде и стала наблюдать за шипящим сливочным маслом, за покрывающимся корочкой хлебом. Как и яичницу, жареный сэндвич с сыром она ела лишь в

самых крайних случаях, и запах становящегося коричневым масла напомнил ей о вечерах той поры, когда она училась в медицинском колледже. Этот же аромат сопровождал болезненные вечера после развода, когда приготовление ужина было выше ее сил. Жареный сэндвич с сыром источал запах неудач.

За окном сгущалась тьма, милосердно маскируя заброшенный огород, который Маура с таким воодушевлением высадила весной. Теперь он превратился в джунгли из сорняков, зацветшего салата и несобранного гороха, затвердевшего и засохшего на спутанных стеблях-вьюнах. «В один прекрасный день, – решила Маура, – я доведу дело до конца, и мой огород будет прополотым и аккуратным. А этим летом он оказался ненужным, стал очередной жертвой кучи прочих нужд и дел. И в особенности – Дэниела».

Она заметила в окне собственное отражение с опущенными уголками губ, с усталыми, прищуренными глазами. Этот унылый образ испугал ее, словно неожиданно увиденное лицо незнакомки. А через десять, через двадцать лет будет ли смотреть на нее из окна та же самая женщина?

От сковородки поднимался дым – хлеб начал подгорать. Маура выключила конфорку, открыла окно, чтобы дым улетучился, и отнесла сэндвич на кухонный стол. «Джин и сыр, – думала она, снова наполняя свой стакан. – Вот и вся необходимая пища для тоскующей женщины». Попивая коктейль, Маура разбирала почту, пришедшую тем вечером, – отодвигала в сторону ненужные каталоги, чтобы отправить их в мусорную корзину, а счета, которые оплатит в выходные, складывала в стопку.

Конверт с напечатанными именем и адресом заставил ее остановиться. Обратного адреса не было. Разрезав конверт, Маура вынула сложенный листок бумаги. И вдруг выронила, словно он был раскаленным.

На листке были напечатаны те же два слова, которые на двери в Криспинском музее вывели кровью:

НАЙДИ МЕНЯ.

Она вскочила на ноги, опрокинув стакан с джин-тоником. По полу загремели кубики льда, но Маура, не обращая на них внимания, направилась напрямик к телефону.

После трех гудков ей ответил энергичный женский голос:

– Риццоли.

– Джейн, похоже, он написал мне!

– Что?

– Я только что получила письмо. Один-единственный листок бумаги...

– Помедленнее. Из-за движения я с трудом тебя слышу.

Маура помолчала, собирая нервы в кулак, после чего все-таки смогла говорить спокойнее:

– Письмо адресовано мне. Внутри лежит листок бумаги, на котором написаны только два слова: «Найди меня». – Глубоко вдохнув, она тихо добавила: – Наверняка это он.

– А что-то еще на этом листке написано? Хоть что-нибудь?

Маура перевернула листок и нахмурилась.

– На обороте стоят две цифры.

В трубке она услышала автомобильный сигнал и пробормотавший проклятие голос Джейн.

– Слушай, – сказала Риццоли, – я застряла на Коламбус-авеню. Ты сейчас дома?

– Да.

– Я еду к тебе. У тебя компьютер включен?

– Нет. А зачем?

– Включи его. Мне нужно, чтобы ты кое-что проверила. Кажется, я знаю, что означают эти цифры.

– Подожди-ка. – С телефоном и запиской в руках Маура торопливо пошла в кабинет. – Я уже загружаю его, – сказала она, когда засветился монитор и, зажужжав, пробудился жесткий диск. – Расскажи мне об этих цифрах. Что они означают?

– Думаю, это географические координаты.

– Откуда ты знаешь?

– Просто Джозефина рассказывала нам, что получила записку, похожую на твою, и цифры оказались координатами парка «Синие Холмы».

– И поэтому в тот день она пошла гулять?

– Убийца направил ее туда.

Жесткий диск перестал крутиться.

– Ну вот. Я его загрузила. Что я теперь должна делать?

– Зайди на «Гугл Планета Земля». И введи эти цифры в строки широты и долготы.

Маура снова поглядела на письмо – внезапно она испугалась того, что могут означать эти слова: «Найди меня».

– О боже, – пробормотала она. – Он хочет сообщить нам, где искать ее тело.

– Черт возьми, я надеюсь, что ты ошибаешься. Ты ввела цифры?

– Сейчас введу. – Отложив трубку в сторону, Маура начала стучать по клавиатуре, вводя координаты широты и долготы. Карта мира на экране пришла в движение – изображение смещалось к заданным координатам.

Она снова взяла трубку и сообщила: – Картинка становится все крупнее.

– Что на ней?

– Северо-восток США. Это Массачусетс...

– Бостон?

– Похоже... нет, погоди. – Маура глядела на мелкие детали, становящиеся все яснее. И вдруг у нее в горле пересохло. – Это Ньютон, – тихо проговорила она.

– И где в Ньютоне?

Маура потянулась к мыши. С каждым щелчком изображение становилось все крупнее. Она видела улицы, деревья. Крыши отдельных зданий. Внезапно поняв, что за место она разглядывает, Маура почувствовала, как от ледяной волны вздыбились волоски у нее на затылке.

– Это мой дом, – прошептала она.

– Что?

– Это координаты моего дома.

– Боже мой. Слушай меня! Я сейчас же пришлю к тебе патрульную машину. У тебя все закрыто? Я хочу, чтобы ты проверила все двери. Вперед, вперед!

Вскочив со стула, Маура помчалась к входной двери. Та была заперта. Она побежала к гаражной двери – тоже заперта. Она пошла на кухню и внезапно замерла.

«Я оставила открытым окно», – вспомнила Маура.

Со взмокшими ладонями и бешено колотящимся сердцем она медленно двинулась по коридору. Переступив порог кухни, Маура увидела, что экран на окне не тронут и в помещение никто не врывается. Под столом поблескивала лужа, в которую превратились растаявшие кубики льда. Маура подошла к двери и убедилась, что она заперта. Ну конечно же заперта. Два года назад в ее дом вломился незваный гость, и с тех самых пор она всегда осмотрительно запирала двери и включала охранную систему. Закрыв кухонное окно на шпингалеты, Маура вздохнула с облегчением, а ее пульс начал постепенно замедляться. «Это всего лишь письмо, – подумала она. – Издевка, доставленная Почтовой службой США». Обернувшись, Маура поглядела на конверт, в котором пришла записка. И только тогда заметила, что на нем нет ни марки, ни штампа.

«Он сам принес его, – решила Маура. – Он пришел сюда, на эту улицу и опустил его в мой почтовый ящик. А что еще он мне оставил?»

Поглядев в окно, она задумалась о том, какие секреты скрывает тьма. Маура двинулась к выключателю, чтобы зажечь свет на улице; ее ладони снова стали липкими от пота. Втайне она страшилась того, что может

выхватить уличный свет, опасалась, что Брэдли Роуз собственной персоной стоит под окном и глазееет на нее. Но, когда Маура нажала на выключатель, свет фонаря никаких чудовищ не выявил. Она увидела лишь газовый гриль-барбекю и садовую мебель из тика, купленную в прошлом месяце, но так ни разу и не опробованную. А за внутренним двориком, у внешней границы светового пятна, Маура с трудом различила затененную кромку сада. Тревожиться не с чего – все как обычно.

Затем она заметила, как вдалеке колышется что-то светлое – едва различимый белый предмет, трепетавший в темноте. Она изо всех сил пыталась различить, что это, но вещица отказывалась принимать какую-нибудь знакомую форму и никак не опознавалась. Вынув из кухонного шкафчика фонарик, Маура включила его и направила во мрак. Луч света выхватил японскую грушу, которую она посадила два года назад в дальнем углу двора. С одной из веток свисало, болтаясь, нечто белое, какой-то вяло покачивающийся на ветру предмет.

В дверь позвонили.

Маура резко обернулась – от страха ее грудь начала вздыматься чаще. Спеша в коридор, в окне гостиной она заметила патрульную машину с мигающими на крыше ярко-синими огоньками. Она открыла дверь и увидела двух ньютонских полицейских.

– Все в порядке, доктор Айлз? – спросил один из патрульных. – Мы получили сообщение о возможном вторжении по этому адресу.

– Все нормально. – Маура глубоко вздохнула. – Но мне нужно, чтобы вы пошли со мной и проверили кое-что.

– Что?

– Одну вещь на заднем дворе.

Вслед за Маурой патрульные прошли по коридору и оказались на кухне. Остановившись там, она внезапно задумалась: а вдруг она вот-вот выставит себя на посмешище? Одинокая истеричка, воображающая, будто на деревьях висят призраки. Теперь, когда возле нее стояли двое полицейских, страх померк, уступив место более насущным заботам. Если убийца и вправду оставил что-то у нее на заднем дворе, нужно подойти к обнаружению предмета со знанием дела.

– Подождите меня одну минутку, – попросила она и помчалась в прихожую к гардеробу, где хранилась коробка с латексными перчатками.

– Может, вы все-таки объясните нам, что происходит? – крикнул ей полицейский.

Вернувшись на кухню с коробкой в руках, она подала перчатки обоим патрульным.

– Это на всякий случай, – пояснила Маура.
– Зачем нам они?
– Для вещдоков. – Прихватив фонарик, Маура открыла дверь черного хода.

На улице в воздухе летней ночи витали ароматы влажной травы и прелых чешуек сосновой коры. Маура медленно двинулась по двору; луч ее фонарика обыскал патио, огород, лужайку, стремясь выхватить неожиданные детали, которые она хотела отыскать. Единственным случайным объектом оказалось то, что висело, покачиваясь, во мраке перед Маурой. Она остановилась возле грушевого дерева, осветив фонариком предмет, который качался на ветке.

– Вот это? – удивился полицейский. – Это же магазинный пакет.

«А в нем что-то лежит», – добавила про себя Маура. Она подумала обо всех тех ужасах, которые можно поместить в пластиковый пакет, о тех жутких сувенирах, которые убийца способен снять с жертвы, и вдруг у нее полностью пропало желание заглядывать внутрь. «Оставлю пакет до приезда Джейн, – решила Маура. – Пусть кто-нибудь другой первым заглянет туда».

– Что вас так беспокоит? – поинтересовался полицейский.

– Пакет оставил он. Он пришел в мой двор и повесил пакет на дерево. Патрульный натянул перчатки.

– Господи, давайте просто возьмем и посмотрим, что там.

– Нет. Пойдите...

Но полицейский уже снимал с ветки пакет. Он посветил фонариком внутрь – даже во мраке Маура заметила его гримасу.

– Что там? – поинтересовалась она.

– Похоже на какого-то зверька. – Он открыл пакет так, чтобы Маура тоже смогла заглянуть внутрь.

С первого взгляда содержимое сумки и вправду казалось кучкой меха. Однако, когда Маура поняла, что это такое на самом деле, ее руки, обтянутые латексными перчатками, стали ледяными.

Она подняла взгляд на полицейского.

– Это волосы, – тихо проговорила Маура. – Думаю, они человеческие.

– Они принадлежат Джозефине, – сказала Джейн.

Сидя за кухонным столом, Маура глядела на пакет для вещдоков, в

котором лежал клоч густых черных волос.

– Наверняка мы этого не знаем.

– Но цвет тот же. И длина соответствует. – Джейн указала на конверт, где лежала записка. – Таким образом убийца говорит нам, что письмо прислал именно он.

Сквозь кухонное окно Маура видела, как светятся фонарики команды криминалистов, которые вот уже полчаса прочесывали ее задний двор. На улице стояли три патрульных автомобиля с включенными проблесковыми маячками, и соседи наверняка уже выглядывали из окон, наблюдая за представлением.

«Такую женщину, как я, никто не захочет иметь в соседках, – подумала она. – У моего дома то и дело появляются патрульные машины, фургоны криминалистов и новостных каналов».

Частная жизнь Мауры стала достоянием общественности, ее дом снимали телекамеры, а ей самой хотелось, распахнув дверь, заорать на репортеров, чтобы те убирались прочь с ее улицы и оставили ее в покое. Маура живо представляла себе, как это могут обставить в ночных новостях: разъяренная женщина-судмедэксперт вопит, словно умалишенная.

Однако в действительности ее бесили не телекамеры, а человек, из-за которого они здесь оказались. Человек, написавший записку и повесивший сувенир на грушевое дерево.

Маура подняла глаза на Джейн:

– Какого черта он прислал это мне? Я всего-навсего судебно-медицинский эксперт. У меня второстепенная роль в твоём расследовании.

– Но ты ведь тоже была практически во всех местах, где обнаруживали трупы. По сути, именно ты первая занялась этим делом, начиная с КТ-сканирования Госпожи Икс. Тебя показывали в новостях.

– Тебя тоже, Джейн. Он мог отправить этот сувенир в Бостонское полицейское управление. К моему-то дому зачем приходить? Зачем оставлять это именно на моем заднем дворе?

Подсев к столу, Джейн оказалась прямо напротив Мауры.

– Если бы эти волосы отослали в Бостонское управление полиции, мы разобрались бы с ними сами, без лишнего шума. А так приехали патрульные машины, по твоим владениям бродят криминалисты. Наш парнишка устроил публичное представление. – Риццоли немного помолчала. – Возможно, в этом все дело.

– Он любит внимание, – согласилась Маура.

– И конечно же, получает его.

За окном криминалисты уже свернули поиски. Маура услышала звук

закрываемых дверей и удаляющийся рокот фургонов.

– Чуть раньше ты задала один вопрос, – снова начала Джейн. – Ты спросила: «При чем тут я?» Почему убийца оставил сувенир возле твоего дома? Ведь он мог отправить его в управление полиции.

– Мы только что решили, что он просто любит внимание.

– Знаешь, я думаю, есть еще одна причина. И тебе эта причина не понравится. – Включив ноутбук, который она принесла с собой из машины, Джейн зашла на сайт «Бостон глоуб». – Помнишь статью о Госпоже Икс?

На мониторе возник архивный материал под названием: «Секреты таинственной мумии вскоре раскроются». Статью сопровождала цветная фотография Николаса Робинсона и Джозефины Пульчилло, стоявших по обе стороны от ящика Госпожи Икс.

– Да, я читала ее, – ответила Маура.

– Этот материал подхватили телеграфные агентства. А затем его опубликовала масса газет. Если наш убийца увидел эту статью, он тут же понял, что недавно обнаружили тело Лорейн Эджертон. И вслед за КТ-сканированием начнется переполох. А теперь посмотри сюда.

Джейн кликнула на какой-то файл, сохраненный в ее компьютере, и на мониторе появилась фотография. Портретный снимок молодой женщины с длинными черными волосами и тонко очерченными бровями. Снимок не был домашним – девушка приняла строгую позу, снимаясь на фоне, который часто используют профессиональные фотографы; такие портреты обычно делают для ежегодников в колледжах.

– Кто это? – поинтересовалась Маура.

– Ее звали Келси Тэкер. Студентка колледжа, в последний раз ее видели двадцать шесть лет назад – она возвращалась домой из бара, который находился по соседству. В Индио, штат Калифорния.

– Индио? – переспросила Маура. И вспомнила смятую газету, которую вытащила из головы тцантцы, – газету, отпечатанную двадцать шесть лет назад.

– Мы просмотрели все отчеты о пропавших женщинах, которые исчезли в том году в районе Индио. Первой в списке оказалась Келси Тэкер. И когда я увидела ее фотографию, я поняла: это она. – Джейн указала на снимок. – Думаю, Келси Тэкер выглядела именно так, до того как убийца отрезал ей голову. До того как отделил от черепа кожу головы и лицо. До того как усушил ее и повесил на леску вместо долбаного украшения. – Джейн взволнованно втянула воздух. – У нас нет черепа, поэтому стоматологические снимки нам не помогут. Но я точно знаю: это она.

Маура по-прежнему не могла оторвать взгляд от лица девушки. И тихо проговорила:

– Она похожа на Лорейн Эджертон.

– И на Джозефину тоже. Темноволосая, красивая. По-моему, ясно, какие женщины привлекают убийцу. А еще мы знаем, что он смотрит новости. Он видит, что в Криспинском музее обнаружили Госпожу Икс, и, возможно, вся эта шумиха приводит его в восторг. А возможно, раздражает. Самое главное, что все это произошло благодаря ему. Он замечает фотографию Джозефины в той статье о мумии. Красивое лицо, черные волосы. В точности его идеал. Похоже, девушек именно такого типа он постоянно убивает.

– И это привело его в Бостон.

– Без сомнения, он видел и эту статью. – В архиве «Бостон глоуб» Джейн открыла еще один материал, на этот раз посвященный Болотной леди: «В машине женщины обнаружен труп». Он сопровождался одной из старых фотографий Мауры с подписью: «По словам медэксперта, причина смерти до сих пор неясна».

– Фотография еще одной красивой женщины с черными волосами, – прокомментировала Джейн, взглянув при этом на Мауру. – Возможно, док, ты никогда не замечала сходства, а я вот заметила. Когда я впервые увидела вас с Джозефиной в одной комнате, я подумала, что ты вполне могла бы оказаться ее старшей сестрой. А потому попросила Ньютонское управление полиции приглядывать за твоим домом. Возможно, было бы лучше, если бы ты уехала отсюда на несколько дней. А может, пора подумать о том, чтобы завести собаку. Хорошего такого, большого пса.

– У меня есть охранная система, Джейн.

– А у собаки – зубы. К тому же с ней веселее. – Джейн поднялась, собираясь уходить. – Я знаю, ты любишь уединение. Но порой женщине лучше не оставаться одной.

«А я вот одна, – думала Маура некоторое время спустя, наблюдая за тем, как машина Джейн, отъезжая, скрывается в ночи. – Одна в пустом доме, где нет даже собаки».

Включив охранную систему, она, словно неугомонный зверь, запертый в клетке, принялась мерить шагами гостиную, и ее взгляд то и дело останавливался на телефоне. В конце концов Маура не выдержала и поддалась искушению. Набирая трясущейся рукой мобильный номер Дэниела, она чувствовала себя испытывающим ломку наркоманом. «Пожалуйста, ответь, – мысленно умоляла она. – Отзовись – просто ради меня».

Включился автоответчик.

Не оставив сообщения, Маура повесила трубку и уставилась на телефон – безмолвие аппарата казалось ей предательством. «Ты нужен мне сегодня, – подумала она о Дэниеле, – но ты недосягаем. Ты всегда был недосягаемым, потому что принадлежишь Богу».

Яркий свет фар привлек ее к окну. Патрульная машина Ньютонского управления полиции медленно проползала мимо ее дома. Маура помахала рукой, приветствуя невидимого полицейского, который приглядывал за ней сегодня ночью в отсутствие любимого мужчины. А что же видел патрульный, проезжая мимо? Женщину, у которой есть уютный дом и прочие атрибуты успеха, в одиночестве стоящую у окна, уязвимую и всеми покинутую.

Зазвонил телефон.

«Дэниел», – было первое, что пронеслось у нее в голове. Хватая трубку, Маура почувствовала, что ее сердце бьется бешено, как у спринтера.

– У вас все в порядке, Маура? – раздался голос Энтони Сансоне.

Она была разочарована, а потому ее ответ прозвучал резче, чем хотелось:

– А что у меня должно быть не в порядке?

– Насколько я понимаю, сегодня возле вашего дома что-то происходило.

Маура не удивилась, что он уже знает об этом. Каким-то образом Сансоне всегда удавалось учуять любой сигнал тревоги, любую перемену ветра.

– Все уже закончилось, – ответила Маура. – Полиция уехала.

– Сегодня вам не стоит оставаться одной. Может, соберете вещи, а я приеду за вами? Здесь, на Бикон-Хилле, вы можете пожить, сколько понадобится.

Маура посмотрела в окно, и, увидев пустынную улицу, задумалась о предстоящей ночи. Можно провести ее лежа без сна, прислушиваясь к каждому скрипу и шороху, что раздаются в доме. А можно найти приют в безопасном особняке Сансоне, прочно огражденном от массы различных опасностей, которые, как полагал хозяин, постоянно подстерегают его. В этой крепости, устланной бархатом, обставленной антикварной мебелью и увешанной средневековыми портретами, она окажется под надежной защитой, однако мир этого прибежища мрачен и безумен, ведь живущему там человеку повсюду чудятся заговоры. Сансоне всегда нервировал ее: даже теперь, спустя месяцы знакомства, он был непостижим – мужчина,

отделенный от общества своим богатством и настораживающей верой в бессмертие темной стороны человечества. Возможно, в его доме безопасно, однако расслабиться все равно не получится.

На улице по-прежнему не было ни души, и патрульная машина давно уехала. «Эту ночь я хотела бы провести только с одним человеком, – подумала Маура. – Но этот человек недостижим».

– Маура, так я заеду за вами? – спросил Энтони.

– Забирать меня не нужно, – ответила она. – Я приеду на своей машине.

Последний раз, когда Маура преступала порог особняка Сансоне на Бикон-Хилле, стоял январь, и в очаге, отгоняя зимнюю стужу, пылал огонь. Несмотря на теплую летнюю ночь, стужа, казалось, по-прежнему обнимает дом, словно зима навсегда поселилась в обшитых темными панелями комнатах с мрачными портретами на стенах.

– Вы еще не ужинали? – поинтересовался Сансоне, передавая дорожную сумку Мауры своему слуге, который тут же благоразумно удалился. – Я могу попросить повара приготовить что-нибудь.

Она вспомнила о жареном сэндвиче с сыром, от которого успела откусить всего несколько кусочков. Вряд ли это можно было считать ужином, однако у Мауры не было аппетита, а потому она согласилась лишь на бокал вина – роскошного амароне, такого темного, что в свете, исходящем от очага гостиной, оно казалось просто черным. Маура потягивала его под холодным взглядом предка Сансоне, который жил в шестнадцатом веке, – пронизательные глаза смотрели с портрета, висевшего над камином.

– Вы очень давно у меня не были, – констатировал Энтони, садясь в ампирное кресло напротив Мауры. – Я все еще надеюсь, что вы согласитесь принять приглашение на наши ежемесячные ужины.

– К сожалению, у меня не хватает времени приходить на ваши встречи.

– И это единственная причина? То, что вы заняты?

Она опустила взгляд в бокал с вином.

– Нет, – призналась она.

– Я знаю, вы не верите в нашу миссию. Но неужели вы до сих пор считаете нас сборищем сумасшедших?

Подняв глаза, она заметила, что его губы изогнула ироническая улыбка.

– Я полагаю, что Клуб Мефисто придерживается пугающих взглядов на мир.

– А разве вы их не придерживаетесь? К вам в секционный зал постоянно привозят убитых. Вы видите доказательства, запечатленные на их телах. Скажите, разве это не поколебало вашу веру в человечество?

– Эти доказательства свидетельствуют лишь о том, что некоторые люди не могут жить в цивилизованном обществе.

– Люди, которых трудно назвать людьми.

– Однако они все равно люди. Вы можете называть их как угодно. Хищниками, охотниками, даже демонами. Но ДНК у них все равно такая же, как у нас.

– Тогда почему они на нас не похожи? Что заставляет их убивать? – Сансоне отставил в сторону свой бокал и склонился, приблизившись к Мауре; его взгляд казался таким же зловещим, как тот, что смотрел с висящего над камином портрета. – Почему ребенок из привилегированной семьи, вроде Брэдли Роуза, превращается в чудовище?

– Не знаю.

– В том-то и дело. Мы пытаемся свалить вину на тяжелое детство, жестоких родителей или влияние окружающих. Вероятно, некоторые преступления вполне можно объяснить этими причинами. Но есть особые примеры – убийцы, стоящие особняком из-за своей необыкновенной жестокости. Никто не знает, откуда берутся эти существа. И тем не менее в каждом поколении, в каждом обществе есть свой Брэдли Роуз, Джимми Отто и целая армия подобных им хищников. Они всегда присутствуют среди нас, и нам приходится признавать их существование. И защищаться.

Маура нахмурилась:

– Откуда вы так много знаете об этом деле?

– О нем много говорят.

– Джимми Отто нигде не упоминался. Эти сведения недоступны публике.

– Публика не задает вопросов, которые задаю я. – Потянувшись за бутылкой, Сансоне снова наполнил бокал Мауры. – Источники в правоохранительных органах рассчитывают на мое благоразумие, а я – на их точность. У нас одни и те же заботы и общие цели. – Он отставил бутылку и посмотрел на гостью. – Как и у нас с вами, Маура.

– В этом я не совсем уверена.

– Мы оба хотим, чтобы Джозефина выжила. Мы хотим, чтобы бостонская полиция нашла ее. А это значит, нужно точно понять, зачем убийца похитил ее.

– По данному вопросу полицию консультирует судебный психолог. Они уже работают над этим.

– И применяют обычный подход. «Если он так уже поступал, значит поступит снова». Однако это похищение полностью отличается от предыдущих – от тех, которые нам известны.

– Чем же оно отличается? Убийца начал с того, что покалечил женщину, а это как раз соответствует его почерку.

– Но он отклонился от привычной схемы.

– Что вы имеете в виду?

– И Лорейн Эджертон, и Келси Тэкер исчезли бесследно. Ни в том, ни в другом случае похищения не сопровождались провокационными «найди меня». В правоохранительные органы не приходили ни записки, ни сувениры. Женщины просто исчезли. А этот случай – из ряда вон. Кажется, похитив госпожу Пульчилло, убийца стремится привлечь ваше внимание.

– Возможно, он хочет, чтобы его поймали. Может быть, просит, чтобы кто-нибудь остановил его.

– А может, у него есть другая причина, чтобы привлекать так много внимания. Согласитесь, это ведь реклама – именно ее он добивается, устраивая такие громкие происшествия. Подкидывает болотное тело в багажник. Совершает убийство и похищение в музее. И наконец, подбрасывает сувенир на ваш задний двор. Вы заметили, как быстро появились журналисты возле вашего дома?

– Репортеры часто отслеживают полицейское радио.

– Их предупредили, Маура. Кто-то позвонил им.

Она поглядела на Сансоне:

– Вы считаете, что убийца так страстно жаждет внимания?

– И добивается его. Но вот вопрос – чье внимание ему необходимо? – Он умолк. – Меня беспокоит, что ваше.

Она покачала головой:

– Мое он уже привлек и знает это. Если убийца действительно пытается таким образом обратить на себя внимание, он взывает к более широкой аудитории. Он словно говорит всему миру: «Глядите на меня! Смотрите, что я сделал!»

– А может, он старается для какого-нибудь определенного человека. Для того, кто, увидев статьи и новости, должен отреагировать на них. Мне кажется, Маура, таким образом он с кем-то общается. Вероятно, с другим убийцей. А может быть, со следующей жертвой.

– Но нам необходимо позаботиться о теперешней.

Сансоне покачал головой:

– Он уже три дня держит ее у себя. Если это некий контрольный срок, то ничего хорошего в нем нет.

– Других жертв он оставлял живыми гораздо дольше.
– Но он не отрезал им волосы. И не играл в игры с полицией и прессой. У этого похищения своя программа. – Сансоне бросил на Мауру пугающе невозмутимый взгляд. – В этот раз все иначе. Почерк убийцы изменился.

Городок Кейп-Элизабет, где жил доктор Гэвин Хильцбрих, на деле оказался богатым пригородом Портленда, что в штате Мэн. Однако в отличие от идеально содержавшихся особняков, выстроившихся вдоль улицы, дом Хильцбриха помещался на заросшем деревьями участке с неровным газоном, медленно угасавшим от нехватки солнечного света. Стоя на подъездной дорожке напротив внушительного строения в колониальном стиле, Джейн заметила отслаивающуюся краску и мшистый отлив на гонтовой крыше – намеки на нездоровое положение докторских финансов. Его дом, равно как и банковский счет, переживали нелучшие времена.

На первый взгляд седовласый мужчина, открывший дверь, производил впечатление благополучного человека. Хотя ему было далеко за шестьдесят, его не сломили ни возраст, ни экономические сложности. Несмотря на теплый день, он надел твидовый пиджак, словно собирался читать лекцию в университете. И только приглядевшись повнимательнее, Джейн заметила, что уголки воротника потрепаны, а пиджак велик доктору размера на два и висит на его худых плечах. Тем не менее хозяин встретил ее таким презрительным взглядом, будто у него не было ни малейшего интереса к тому, что скажет гостя.

– Доктор Хильцбрих? – осведомилась Джейн. – Я детектив Риццоли. Мы говорили по телефону.

- Больше мне нечего вам сказать.
- У нас осталось совсем мало времени для спасения этой женщины.
- Я не могу обсуждать бывших пациентов.
- Вчера вечером ваш бывший пациент прислал нам сувенир.

Доктор нахмурился:

- Что вы имеете в виду? Какой еще сувенир?

– Волосы жертвы. Он срезал их с ее головы, сунул в магазинный пакет и повесил на дерево, словно трофей. Понятия не имею, как психиатр вроде вас может истолковать этот поступок. Я просто коп. Однако мне подумать

страшно, что он может отрезать в следующий раз. И если вскоре мы обнаружим кусок ее плоти, хрена с два вы от меня отделаетесь – обещаю: я тут же появлюсь на пороге. И прихвачу с собой парочку телевизионщиков с камерами. – Она позволила доктору переварить информацию. – Так как, не желаете поговорить?

Хильцбрих, сжав губы так, что они превратились в тонкие ниточки, неотрывно смотрел на Джейн. Затем безмолвно отступил в сторону, пропуская ее в дом.

Внутри пахло сигаретами – вредная привычка казалась еще более нездоровой в этом доме, где, как убедилась Джейн, вдоль коридора стояли забитые папками ящики для хранения документов. Заглянув через открытую дверь в загроможденный кабинет, она заметила переполненные пепельницы на заваленном бумагами столе и еще больше ящиков с документами.

Вслед за хозяином Джейн направилась в гостиную, казавшуюся угнетающе темной и безрадостной из-за обилия во дворе деревьев, перекрывавших дневной свет. Здесь поддерживалось некое подобие порядка, однако кожаный диван, куда села Джейн, покрывали пятна, а изящный журнальный столик усеивали круги, оставленные бесчисленным количеством чашек, которые небрежно ставили на ничем не защищенное дерево. Оба предмета наверняка были дорогими покупками, что свидетельствовало о более обеспеченном прошлом хозяина. Очевидно, положение Хильцбриха резко ухудшилось, и он уже не мог как следует содержать свой дом. Однако человек, сидевший напротив Джейн, вовсе не казался неудачником или скромником. Он по-прежнему оставался тем самым доктором Хильцбрихом, по случайности столкнувшимся с неприятностью в виде полицейского расследования.

– С чего вы взяли, что женщину похитил именно мой пациент? – осведомился он.

– У нас есть целый ряд причин подозревать Брэдли Роуза.

– И что же это за причины?

– Я не имею права раскрывать детали.

– Но все равно надеетесь, что я передам вам материалы психиатрического исследования?

– Если разговор идет о жизни женщины? Да, надеюсь. И вы прекрасно знаете ваши обязательства в данном случае. – Джейн немного помолчала. – Поскольку уже попадали в такую ситуацию.

Внезапно лицо доктора стало еще суровее, и это доказывало, что он хорошо знает, о чем говорит Риццоли.

– Один из ваших пациентов как-то раз уже срывался с поводка, – напомнила она. – Родителей его жертвы не слишком обрадовала история с врачебной тайной, правда? Такое случается с людьми, если их дочь режут на куски. Они скорбят, затем бесятся, а потом подают в суд. И вся эта история оказывается в газетах. – Джейн оглядела запущенное помещение. – Кстати, а сейчас у вас есть пациенты?

– Вы же знаете, что нет.

– Полагаю, трудно быть практикующим психиатром, если у тебя отобрали лицензию.

– Это охота на ведьм. Родителям нужно было найти виноватого.

– Они прекрасно знали, кто виноват – тот извращенец, ваш бывший пациент. Именно вы объявили, что он здоров.

– Психиатрия не может быть точной наукой.

– Вы наверняка знали, что это сделал ваш пациент. Когда девушку убили, вы должны были понять, что это его рук дело.

– У меня не было доказательств его вины.

– Вам просто хотелось, чтобы проблема исчезла сама собой. А потому вы ничего не делали и ничего не говорили полиции. Вы желаете, чтобы это случилось снова, на этот раз с Брэдли Роузом? Несмотря на то, что способны помочь нам остановить его?

– Я не знаю, чем могу быть вам полезен.

– Передайте нам его дело.

– Вы не понимаете. Если я передам дело вам, он... – Доктор осекся.

– Он? – Джейн так пристально посмотрела в лицо доктора, что тот откинулся назад, словно его и в самом деле прижали к спинке кресла. – Вы говорите об отце Брэдли. Верно?

Доктор Хильцбрих нервно сглотнул:

– Кимбалл Роуз предупредил меня о вашем визите. И напомнил, что результаты психиатрических обследований конфиденциальны.

– Даже несмотря на то, что в опасности человеческая жизнь?

– Он пообещал засудить меня, если я обнародую результаты обследования. – Робко улыбнувшись, доктор жестом указал на свою гостиную. – Будто бы с меня еще можно что-то взять! Этот дом принадлежит банку. Институт закрыли много лет назад, и государство вот-вот наложит на него окончательный запрет. Черт возьми, я даже не в состоянии оплачивать налог на недвижимость.

– Когда Кимбалл Роуз говорил с вами?

Доктор пожал плечами:

– Он звонил мне примерно неделю назад, а может, больше. Дату я не

помню.

Наверняка это случилось вскоре после визита Риццоли в Техас. Кимбалл Роуз с самого начала стал вставлять палки в колеса, ради того чтобы уберечь сына.

Хильцбрих вздохнул:

– Я все равно не могу отдать вам это дело. У меня его нет.

– А у кого оно?

– Ни у кого. Оно уничтожено.

Джейн удивленно уставилась на доктора:

– Сколько он заплатил вам за это? Вы не продешевили?

Вспыхнув, Хильцбрих поднялся:

– Больше мне нечего вам сказать.

– Зато мне есть. Во-первых, я хочу показать вам, чем все это время занимался Брэдли Роуз. – Потянувшись к своему портфелю, Джейн вытащила оттуда стопку фотоулик. Одну за другой она разложила снимки на журнальном столике, составив шокирующую галерею жертв. – Это дело рук вашего пациента.

– Я прошу вас уйти отсюда.

– Взгляните, что он сделал.

Доктор повернулся к двери:

– У меня нет необходимости смотреть на это.

– Смотрите, черт вас дери!

Хильцбрих остановился и медленно повернулся к журнальному столику. Когда он посмотрел на фотографии, его глаза округлились от ужаса. Доктор замер на месте, а Джейн, поднявшись с дивана, спокойно двинулась к нему.

– Он коллекционирует женщин, доктор Хильцбрих. И вот-вот добавит в свое собрание Джозефину Пульчилло. Скоро он убьет ее. Превратит в нечто подобное. – Джейн указала на снимок с мумифицированным телом Лорейн Эджертон. – А если он это сделает, ее кровь окажется и на ваших руках.

Хильцбрих безотрывно смотрел на фотографии. Видимо, он с трудом держался на ногах, а потому нетвердой походкой добрался до кресла и сел, ссутулившись.

– Вы знали, что Брэдли способен на такое, верно? – спросила Джейн.

Доктор покачал головой:

– Не знал.

– Вы ведь были его психиатром.

– С тех пор прошло больше тридцати лет! Ему было всего

шестнадцать. Тихий и воспитанный мальчик.

– Так, значит, вы его помните.

Молчание.

– Да, – признался Хильцбрих. – Я помню Брэдли. Но не понимаю, какая польза в том, что я могу вам сказать. Я понятия не имею, где он сейчас. И конечно же, никогда не думал, что он способен на... – Доктор бросил взгляд на снимки. – На такое.

– Только потому, что он был тихим и воспитанным? – Джейн не сдержала циничного смеха. – Вы, как никто другой, должны знать, что с тихими нужно держать ухо востро. Вы наверняка замечали что-то, даже когда он был шестнадцатилетним мальчиком. Какие-то признаки, что в один прекрасный день он сможет сотворить с женщиной такое.

Хильцбрих неохотно перевел взгляд на фотографию мумии.

– Да, соответствующие знания у него были. А возможно, даже умения, – признал психиатр. – Он увлекался археологией. Отец прислал ему целый ящик книг по египтологии, и Брэдли постоянно их перечитывал. С некоей одержимостью. Поэтому – да, он знал, как мумифицировать труп, но напасть и похитить женщину?.. – Хильцбрих покачал головой. – Брэдли никогда и ни в чем не проявлял инициативу и не умел никому перечить. Он был ведомым, а не ведущим. В этом я виню его отца. – Доктор посмотрел на Джейн. – Вы знакомы с Кимбаллом?

– Да.

– Значит, представляете, как он всеми командует. В этой семье все решения принимает Кимбалл. Он решает, что нужно его жене, его сыну. Когда Брэдли приходилось делать выбор, даже если речь шла о том, что лучше съесть на ужин, ему нужно было подолгу обдумывать каждую деталь. Он не умел быстро принимать решения, а ведь для похищения жертвы это необходимо, верно? Вы видите жертву, вы хотите ее, и вы ее берете. У вас нет времени на колебания – похищать или не похищать.

– А если есть возможность разработать план, он смог бы это сделать?

– Возможно, он воображал себе это. Но тот мальчик, которого я знал, наверняка побоялся бы по-настоящему напасть на девушку.

– Почему же он тогда попал в ваш институт? Разве вы занимаетесь не юными сексуальными преступниками?

– Сексуальные отклонения бывают самые разные.

– Каким же было отклонение у Брэдли?

– Преследование. Одержимость. Вуайеризм.

– То есть вы хотите сказать, что он просто любил подглядывать в окошки?

– Брэдли немного перегнул палку, потому отец и отправил его в институт.

– Перегнул насколько?

– Сначала он подглядывал в окно к соседке-подростку – его несколько раз заставляли за этим. Потом ходил за ней по школе, а когда девочка публично отвергла его, забрался к ней в дом, пока там никого не было, и поджег ее кровать. Именно тогда судья и поставил ультиматум родителям Брэдли: либо мальчик лечится, либо окажется в заключении. Роузы решили отправить его за пределы штата, чтобы сплетни не дошли до их окружения. Брэдли приехал в институт и пробыл у нас два года.

– Довольно-таки длительный срок.

– Так просил его отец. Кимбалл хотел, чтобы сын исправился окончательно и семейству больше не пришлось испытывать связанных с ним неприятностей. Мать умоляла, чтобы мальчик вернулся домой, но Кимбалл настоял на своем. И похоже, Брэдли нравилось у нас. На территории института были леса, прогулочные тропы и пруд для ловли рыбы. Он с удовольствием проводил время на улице и даже завел друзей.

– Вроде Джимми Отто?

От этого имени Хильцбриха передернуло.

– Я вижу, вы помните и Джимми, – заметила Джейн.

– Да, – тихо подтвердил он. – Джимми трудно было не запомнить...

– Вы знаете, что он погиб? Его застрелили двенадцать лет назад в Сан-Диего. Когда он забрался в дом к одной женщине.

Доктор кивнул:

– Мне звонил детектив из Сан-Диего. Хотел узнать о прошлом. Спрашивал мое мнение: мог ли Джимми совершать преступление в тот момент, когда его убили.

– Полагаю, ваш ответ был положительным.

– Я лечил сотни юных социопатов, детектив. Мальчиков, которые устраивали пожары, мучили животных, нападали на одноклассниц. Но по-настоящему напугать меня удавалось немногим. – Хильцбрих посмотрел прямо в глаза Джейн. – Одним из таких пациентов был Джимми Отто. Он был настоящим хищником.

– И это передалось Брэдли.

Хильцбрих заморгал:

– Что?

– Разве вы не знали, что они были партнерами? Они охотились вместе – Брэдли и Джимми. А познакомились они в вашем институте. Вы этого не замечали?

– У нас тогда было всего тридцать пациентов, поэтому они, конечно же, знали друг друга. И конечно же, участвовали в групповой терапии. Однако эти мальчики – две абсолютно разные личности.

– Возможно, именно поэтому они и спелись. Наверняка они дополняли друг друга. Один, лидер, вел за собой другого. Нам неизвестно, кто выбирал жертв и кто именно их убивал, ясно одно – они были партнерами. Они вместе собирали коллекцию. До той самой ночи, когда Джимми был убит. – Джейн смерила доктора тяжелым взглядом. – Теперь Брэдли обходится без него.

– Значит, по сравнению тем, что я помню, он стал совершенно другим человеком. Понимаете, я знаю, Джимми и вправду был опасен. Мальчик пугал меня, даже когда ему было всего пятнадцать. Он наводил ужас на всех, даже на собственных родителей. Но Брэдли... – Хильцбрих покачал головой. – Да, он безнравствен. Да, его можно уговорить на что угодно, даже на убийство. Но он человек ведомый, он не лидер. Ему нужно, чтобы кто-то руководил им и принимал решения.

– Вы имеете в виду, другой партнер, вроде Джимми?

Хильцбрих вздрогнул:

– Слава богу, таких чудовищ, как Джимми Отто, немного. Я с ужасом думаю, чему Брэдли мог у него научиться.

Взгляд Джейн упал на фотографии, лежавшие на столике. «Он научился справляться в одиночку, – подумала Риццоли. – Научился быть таким же извергом, как Джимми».

Она снова посмотрела на Хильцбриха:

– Вы говорили, что не можете передать мне дело Брэдли.

– Я же сказал: оно уничтожено.

– Тогда отдайте мне документы Джимми Отто.

Он засомневался, сбитый с толку ее просьбой:

– Зачем?

– Джимми погиб, так что никто не будет возмущаться нарушением врачебной тайны.

– А вам-то они зачем нужны?

– Он был партнером Брэдли. Они вместе путешествовали, вместе убивали. Если мне удастся понять Джимми, вероятно, я составлю представление и о том, каким человеком стал Брэдли.

Доктор немного подумал над этой просьбой, затем кивнул и поднялся:

– Его дело нужно поискать. Мне понадобится некоторое время.

– Вы держите его здесь?

– Думаете, я могу позволить себе хранилище? Все институтские

документы теперь здесь, в моем доме. Если вы подождете, я найду эту папку, – пообещал доктор, выходя из комнаты.

Жуткие фотографии на журнальном столике выполнили свою функцию. Джейн больше не могла выдерживать их вида. Она стала собирать их в стопку, и вдруг перед глазами возник тревожный образ четвертой жертвы – еще одной черноволосой красавицы, засоленной, словно вобла, и Джейн задумалась: а вдруг в этот самый момент Джозефина отправляется в загробный мир?

Зазвонил мобильный телефон. Джейн ответила, отложив фотографии в сторону.

– Это я, – сообщил Барри Фрост.

Риццоли не ожидала его звонка. Приготовившись выслушать новости Барри о бедах на личном фронте, она тихо спросила:

– Как у тебя дела?

– Я только что разговаривал с доктором Уэлш.

Джейн знать не знала, кто такая доктор Уэлш.

– Это консультант по вопросам брака, к которой ты собирался пойти? Думаю, это хорошая идея. Вы с Элис все обговорите и поймете, что нужно делать.

– Нет, я еще не ходил к консультанту. Я звоню не поэтому.

– Тогда кто же эта доктор Уэлш?

– Та самая женщина-биолог из Массачусетского университета, которая рассказывала мне про болота и топи. Она звонила мне сегодня, и я решил, что ты должна об этом знать.

«Разговоры про болота и топи – это уже большой прогресс, – решила Джейн. – По крайней мере, он не плачет из-за Элис». Поглядев на свои часы, она прикинула, сколько времени может понадобиться доктору Хильцбриху на поиски дела Джимми Отто.

– ...а это очень редкая штука. Поэтому ей пришлось потратить столько времени на идентификацию. Ей пришлось отнести его к какому-то ботанику из Гарварда, и он только что подтвердил это.

– Прости, – перебила его Джейн. – О чем ты говоришь?

– О частичках того растения, которое мы обнаружили в волосах Болотной леди. Там были листья и нечто вроде стручков. Доктор Уэлш сказала, что растение называется... – В воцарившейся тишине Джейн услышала шелест бумаги: Барри искал свои записи. – *Carex oronensis*. Это научное название. Еще оно известно как осока Ороно.

– Оно растет на болотах?

– И на лугах. Но любит еще и потревоженные места вроде

расчищенных участков леса или обочин дорог. На вид образцы оказались свежими, так что доктор считает, что они застряли в волосах, когда тело перемещали. Раньше июля осока Ороно не плодоносит.

Теперь Джейн уже внимательно слушала то, что говорил Фрост.

– Ты сказал, это редкое растение. А насколько редкое?

– В мире есть только одно место, где растет эта осока. Долина реки Пенобскот.

– Где это?

– В Мэне. В районе Бангора.

Джейн посмотрела в окно, на густую завесу из листьев, закрывавшую дом доктора Хильцбриха. «Мэн, – подумала она. – Брэдли Роуз провел здесь два года своей жизни».

– Риццоли, – сказал Фрост, – я хочу вернуться.

– Что?

– Я не должен был бросать тебя. Мне нужно вернуться в команду.

– Ты уверен, что время пришло?

– Мне это необходимо. Я должен помочь.

– Ты уже помог, – ответила Джейн. – С возвращением.

Когда Риццоли повесила трубку, в комнату вошел доктор Хильцбрих с тремя толстыми папками в руках.

– Вот дело Джимми, – объявил он, передавая папки Джейн.

– Я хочу узнать еще кое-что, доктор.

– Да?

– Вы сказали, что институт закрыли. А что произошло со зданием?

Он покачал головой:

– Его выставили на продажу много лет назад, но покупателя так и не нашлось. Застройщиков этот участок не интересует, потому что находится черт-те где. У меня нет возможности платить налоги, и я вот-вот его потеряю.

– Там сейчас никого нет?

– Здание уже много лет закрыто.

Джейн снова посмотрела на часы, пытаясь понять, сколько времени осталось до наступления темноты. А затем перевела взгляд на Хильцбриха:

– Расскажите, как туда добраться.

своей темницы и вспоминала события двенадцатилетней давности, тот день, когда они с мамой бежали из Сан-Диего. То самое утро, когда Медея стерла кровь с пола, вымыла стены и избавилась от человека, ворвавшегося в их дом и навсегда изменившего их жизнь.

Они пересекли мексиканскую границу, но даже когда машина на полной скорости мчалась по засушливым просторам Нижней Калифорнии, Джозефину все еще трясло от страха. Медея же сохраняла мрачное спокойствие и сосредоточенность, ее руки уверенно и твердо держали руль. Джозефина не могла взять в толк, как маме удастся сохранять самообладание. Тогда она очень многого не понимала. В тот день она по-настоящему узнала свою маму.

В тот день она поняла, что ее мать – львица.

– Все это я сделала ради тебя, – объясняла Медея, пока их машина с грохотом катилась по мерцавшему на жаре асфальту. – Я сделала это, чтобы мы остались вдвоем. Мы семья, дорогая, а семья должна держаться вместе. – Она поглядела на свою испуганную дочь, которая сидела рядом, съежившись, словно раненое животное. – Ты помнишь, что я рассказывала тебе о нуклеарной семье? Как ее определяют антропологи?

Только что в их доме истек кровью какой-то мужчина. Они избавились от тела и сбежали из страны. А теперь мама спокойно читает ей лекцию по теоретической антропологии?

Медея заметила недоверие в глазах дочери, но все равно продолжала:

– Антропологи скажут тебе, что нуклеарная семья – это не мать, отец и ребенок. Нет, это мать и дитя. Отцы приходят и уходят. Они уплывают за море, уходят на войну и часто не возвращаются. А вот мать с ребенком связаны навеки. Мать и дитя – это базовая единица. Мы с тобой и есть такая единица, и я буду до последнего защищать ее – защищать нас. Поэтому нам пришлось пуститься в бег.

Вот они и сбежали. Уехали из города, который полюбился им обоим, города, который был их домом в течение трех лет, – этого срока хватило, чтобы обзавестись друзьями, укрепить связи.

И вот теперь, ночью, после единственного выстрела, связи навеки оборвались.

– Загляни в бардачок, – сказала Медея. – Там лежит конверт.

Ее дочь, по-прежнему в оцепенении, нашла конверт и раскрыла его. Там лежали два свидетельства о рождении, два паспорта и водительские права.

– Что это?

– Твое новое имя.

Девочка открыла паспорт и увидела свою фотографию – она смутно припоминала, что по настоянию матери позировала для этого снимка несколько месяцев назад. Она не поняла тогда, что это фото на паспорт.

– Что ты о нем думаешь? – поинтересовалась Медея.

Ее дочь уставилась на имя. «Джозефина».

– Красивое, правда? – спросила Медея. – Это твое новое имя.

– Зачем оно мне? Почему мы снова его меняем? – Голос девочки повысился до истеричного крика. – Зачем?

Притормозив у обочины, Медея остановила машину. Она обхватила руками лицо дочери и заставила девочку посмотреть ей в глаза.

– Мы делаем это, потому что у нас нет выбора. Если мы не сбежим, меня посадят в тюрьму. Меня заберут у тебя.

– Но ты ведь ничего не сделала! Не ты его убила! А я!

Медея ухватила дочь за плечи и как следует встряхнула девочку.

– Никогда никому не говори об этом, поняла? Никогда. Если нас когда-нибудь поймут, если полиция нас обнаружит, ты должна сказать им, что стреляла я. Говори, что я убила этого человека, а не ты.

– Зачем тебе нужно, чтобы я врала?

– Потому что я люблю тебя и не хочу, чтобы ты страдала из-за случившегося. Ты выстрелила в него, чтобы защитить меня. А теперь я тебя защищаю. Так что обещай мне, что это останется тайной. *Обещай мне!*

И дочь пообещала, хотя события той давно ушедшей ночи до сих пор стояли у нее перед глазами: мама, растянувшаяся на полу спальни, возвышавшийся над ней мужчина. И чужеродный блеск пистолета на тумбочке. Каким же тяжелым он казался, когда Джозефина взяла его. Как же дрожали руки, когда она нажимала на спусковой крючок. Незваного гостя убила она, а не мама. Это они и держали в секрете, это и была тайна, о которой знали только мать и дочь.

– Никто никогда не должен обнаружить, что его убила ты, – говорила Медея. – Это моя проблема, а не твоя. Она ни за что не станет твоей. Ты должна вырасти и жить дальше. Ты должна быть счастлива. А эта история навеки похоронена в прошлом.

«И вовсе не навеки, – думала Джозефина, лежа в своей темнице. – События той ночи снова преследуют меня».

Полоски света, проникавшие в окошко сквозь доски, становились ярче – это утро постепенно сменялось днем. Света было достаточно лишь для того, чтобы, поднеся собственную руку к лицу, с трудом различить ее очертания. «Стоит провести здесь еще несколько дней, – решила Джозефина, – и я, словно летучая мышь, научусь ориентироваться в

темноте».

Она приняла сидячее положение, пытаясь отогнать утреннюю прохладу. На улице загремела цепь – это пес принялся лакать воду. Джозефина последовала его примеру и тоже сделала глоток из кувшина. Позавчера, отрезая ей волосы, похититель оставил упаковку свежего хлеба, и Джозефина пришла в ярость, обнаружив, что пластик уже прогрызли. Это мыши потрудились. «Ищите себе другую еду, черт возьми, – подумала она и жадно уплела два куска зараз. – Силы мне необходимы – я должна найти способ выбраться отсюда».

«Я сделаю это ради нас, мам, – мысленно пообещала она. – Ради базовой единицы. Ты научила меня выживать, и я выживу. Потому что я – твоя дочь».

Проходили часы, а Джозефина разрабатывала мышцы, репетировала движения. «Я дочь своей матери», – твердила она про себя, словно мантру. С закрытыми глазами Джозефина снова и снова, прихрамывая, обходила помещение: она запоминала, сколько шагов отделяют матрац от стены, а стену – от двери. С темнотой можно подружиться, если умеешь ее использовать.

На улице залаяла собака.

Джозефина поглядела вверх, и ее сердце внезапно заколотилось в груди – там, за крохотным окошком, заскрипели шаги.

«Он вернулся, – пронеслось в голове. – Вот он, мой шанс».

Джозефина легла на матрац и свернулась калачиком, приняв универсальную позу запуганных и побежденных. Он увидит женщину, которая сдалась, женщину, которая приготовилась к смерти. Женщину, с которой у него не будет проблем.

Взвизгнул засов. Дверь открылась.

Джозефина увидела свет фонарика, проникший сквозь дверной проем. Войдя в подвал, мужчина поставил на пол кувшин со свежей водой, положил новую упаковку хлеба. Джозефина не двигалась. «Пусть подумает, что я умерла», – решила она.

Шаги похитителя приблизились, и она услышала его дыхание.

– Время на исходе, Джозефина, – объявил он.

Она не двинулась с места даже тогда, когда похититель, нагнувшись, погладил ее по остриженной голове.

– Разве она не любит тебя? Разве не хочет тебя спасти? Почему она не приходит?

«Ничего не говори, – велела себе Джозефина. – Не шевелись. Пусть нагнется пониже».

– Все эти годы ей удавалось прятаться от меня. Но если она не появится теперь, значит она трусиха. Только трусиха позволит своей дочери умереть.

Джозефина почувствовала, как просел матрац, когда мужчина опустился на колени возле нее.

– Где она? – спросил похититель. – Где Медея?

Безмолвие жертвы бесило его. Сжав ее запястье, он заговорил снова:

– Возможно, этого недостаточно. Может, пора отправить им новый сувенир. Как думаешь, палец для этого подойдет?

«Нет! – воскликнула про себя Джозефина. – Боже мой, нет!» Ужас, поселившийся внутри, орал, что надо вырвать руку, завопить – сделать что угодно, дабы избежать пытки. Однако Джозефина не двигалась – она по-прежнему изображала жертву, парализованную отчаянием. Похититель направил луч фонарика прямо ей в лицо, и, ослепленная светом, она не разобрала его выражения, не увидела ничего в черных впадинах глаз. Он так увлеченно пытался добиться от нее ответа, что не заметил предмета, который Джозефина сжимала в свободной руке. Он не заметил, как ее мышцы напряглись, словно тетива лука.

– Возможно, когда я начну резать, – продолжал мужчина, – ты заговоришь.

Он вынул нож.

Выбросив руку вверх, Джозефина вслепую направила узкий каблук туфли похитителю в лицо. Она услышала, как шпилька глухо ударилась о плоть, а затем мужчина, завопив, свалился на спину.

Схватив фонарик, она с размаху ударила его об пол, чтобы разбилась лампочка. Подвал погрузился во мрак. «Темнота – мой союзник», – пронеслось в голове у Джозефины. Она откатилась в сторону и с трудом поднялась на ноги. Джозефина слышала, как он ползает по полу в метре от нее, но ничего не видела, и он тоже не видел. Оба были одинаково слепы.

«Только я знаю, как дойти до двери в темноте», – подумала Джозефина.

В результате бесчисленных репетиций и приготовлений дальнейшие действия крепко засели в ее памяти. От края матраца до стены было три шага. Еще семь шагов вдоль стены, и она окажется у двери. Из-за гипса на ноге ее движения замедлялись, зато не нужно было терять время на поиски во тьме. Она сделала семь шагов. Восемь. Девять...

«Где же эта чертова дверь?»

Джозефина слышала тяжелое дыхание похитителя, его раздраженные стоны – он пытался сориентироваться и обнаружить ее в абсолютно темном

помещении.

«Ни звука! – сказала она себе. – Не позволяй ему понять, где ты».

Она медленно попятилась, почти не осмеливаясь дышать, и начала переставлять ноги с невероятной осторожностью, чтобы не выдать своего местоположения. Рука, сначала скользнув по гладкому бетону, наткнулась на дерево.

Дверь.

Джозефина повернула ручку и толкнула ее. Внезапный визг петель показался оглушительным.

«Быстрее!» – напонила себе она.

И услышала, как похититель, мыча, словно бык, рванул вслед за ней. Джозефина, спотыкаясь, выскочила наружу и захлопнула дверь. В тот самый момент, когда мужчина ударом попытался распахнуть ее, она задвинула засов.

– Ты не можешь сбежать, Джозефина! – заорал он.

Она рассмеялась, и этот смех показался ей чужим – диким, беспечным и лающим звуком победы.

– Я ведь только что сделала это, козел! – крикнула она в ответ.

– Ты пожалеешь об этом! Мы думали оставить тебя в живых, но теперь не оставим! Не оставим!

Он начал кричать, с бессильной яростью барабанил в дверь, а Джозефина стала медленно и ощупью подниматься по темной лестнице. Загипсованная нога глухо стучала по деревянным ступеням. Джозефина не знала, куда ведет эта лестница, к тому же на ней царил почти такой же мрак, как в ее бетонном бункере. Но казалось, с каждым шагом становится все светлее. Двигаясь вверх, она постоянно твердила в уме свою мантру: «Я дочь моей мамы. Я дочь моей мамы».

На полпути к последней ступеньке Джозефина заметила наверху свет, очерчивающий контуры двери. И только приблизившись к ней, Джозефина вдруг вспомнила о том, что минуту назад сказал ее похититель.

«Мы думали оставить тебя в живых».

«Мы».

Внезапно дверь распахнулась, и внутрь ворвался до боли яркий свет. Джозефина заморгала, привыкая к нему, пытаясь разглядеть фигуру, что возникла в светлом прямоугольнике дверного проема.

И она узнала эту фигуру.

Двадцать лет запустения, суровые зимы и поднятие грунта превратили частную дорогу Института Хильцбриха в потрескавшийся асфальт с пробивающимися наружу корнями деревьев. Джейн остановилась у вывески «Владения на продажу» и, размышляя, стоит ли ехать дальше по искореженной дороге, дала передышку своему «субару». Вход не был завешен цепью, и на территорию мог попасть кто угодно.

Кто угодно мог ждать ее там.

Вытащив свой мобильный, Джейн увидела, что сигнал по-прежнему принимается. Она поразмыслила, стоит ли вызывать небольшое подкрепление из местных полицейских, а потом решила, что эта идея глупа и унижительна. Ей не хотелось, чтобы здешние полицейские хохотали над городской женщиной-детективом, которая не смогла без сопровождения войти в страшный мэнский лес. «Да, детектив, скунсы и дикобразы смертельно опасны».

Она поехала дальше по дороге.

«Субару», подпрыгивая, двигался по растрескавшемуся дорожному покрытию, а навязчивые ветки кустарников царапали его двери. Опустив окно, Джейн вдыхала запах прошлогодних листьев и влажной земли. Дорога становилась все ухабистее, и, объезжая рытвины, Джейн начала волноваться, что повредит оси и будет торчать в лесу одна. Эта перспектива беспокоила ее куда больше, чем необходимость прогулки по одной из центральных улиц большого города. Она понимала, что такое город, и знала, как справляться с тамошними опасностями.

Лес же казался чужой территорией.

В конце концов деревья расступились, возникла поляна, и Джейн остановила машину на заросшей парковке. Она вышла из автомобиля и посмотрела на заброшенный Институт Хильцбриха, маячивший впереди. Он выглядел именно так, как должно было выглядеть подобное заведение, – мрачное бетонное строение, чей вид смягчали специально высаженные вокруг кусты, которые постепенно сдавали позиции сорнякам. Джейн вообразила, какое впечатление производило это напоминающее крепость здание на родителей, привозивших сюда своих трудных сыновей. Институт выглядел тем самым местом, где мальчика исправят раз и навсегда, где не будет ни поблажек, ни полумер. Здание обещало ежовые рукавицы и строгие ограничения. Доведенные до отчаяния родители, глядя на крепкий фасад, наверняка обретали надежду.

И вот теперь дом обнаруживал всю бессмысленность их чаяний. Большинство окон были забиты досками. Ветер принес к центральному входу кучки мертвых листьев, а на стенах, в тех местах, где с крыши

стекала ржавая вода из засоренных желобов, образовались бурые пятна. Неудивительно, что доктору Хильцбриху не удалось продать эти владения. Здание выглядело чудовищно.

Стоя на территории парковки, Джейн прислушивалась к шуму ветра в листве, к жужжанию насекомых. Однако ничего необычного не услышала, только те звуки, которые обычно раздаются в послеполуденном летнем лесу. Она вытащила ключи, которые одолжил ей доктор Хильцбрих, и направилась к главному входу. Но, увидев дверь, тут же остановилась.

Замок был сломан.

Потянувшись к оружию, Джейн слегка толкнула дверь ногой. Дверь настежь открылась, впуская клинышек света в темные внутренности дома. Направив в помещение луч карманного «Маглайта», Риццоли увидела пол, заваленный пустыми банками из-под пива и окурками. В темноте жужжали мухи. Ее пульс сбился на бешеный галоп, а руки внезапно похолодели. Она учуяла основательную вонь – пахло мертвечиной, чем-то уже разлагающимся.

«Только бы не Джозефина», – пронеслось в голове Джейн.

Риццоли шагнула в здание, и под ее ботинками захрустело разбитое стекло. Медленно перемещая луч фонарика, Джейн осмотрела помещение и заметила, что стены испещрены рисунками. «Мы с Греггом о5 вместе!» «Кари сосет член!» Обычная чепуха, которую пишут старшие школьники. Джейн двинулась мимо, направляя луч фонарика в дальний угол. Там он и застыл.

На полу, съезжившись, лежало что-то темное.

Когда Джейн приблизилась к предмету, вонь разлагающейся плоти стала невыносима. Глядя на мертвого енота, она увидела извивавшихся червяков и вспомнила о бешенстве. Задумалась: а вдруг где-то здесь притаились летучие мыши?

Давясь от жуткого запаха, Джейн поспешила на улицу, к парковке, по пути она изо всех сил вдыхала воздух, пытаясь очистить легкие. И только остановившись лицом к деревьям, Джейн заметила следы шин. От мощной парковки бороздки-близнецы тянулись в лес, их четкие отпечатки на мягкой почве прослеживались и дальше. Раздавленные хворостинки и обломанные ветки говорили о том, что растительность повреждена совсем недавно.

Следуя вдоль бороздок, Джейн немного прошла по лесу – до того места, где следы обрывались: там начиналась узкая тропа, по которой не проехала бы ни одна машина. Прибитая к дереву табличка с названием тропы все еще висела на месте.

КРУГОВОЙ ПУТЬ

Одна из старых прогулочных троп института. По словам доктора Хильцбриха, Брэдли любил гулять. Возможно, много лет назад мальчик бродил и по этой дорожке. При мысли о том, что ей придется ходить по лесу, пульс у Джейн участился. Она поглядела на следы шин. Человек, который был здесь, уже уехал, однако может вернуться в любой момент. Она ощущала тяжесть пистолета на бедре, но все равно рефлекторно ощупала кобуру, чтобы еще раз убедиться – оружие на месте.

Джейн пошла по дорожке, то и дело отклоняясь от курса: в некоторых местах тропа до того заросла, что Риццоли приходилось возвращаться и снова искать ее. Лиственный полог становился все плотнее и едва пропускал солнечный свет. Посмотрев на свой мобильный, она с ужасом обнаружила, что сигнала больше нет. Джейн оглянулась и увидела, что деревья у нее за спиной будто бы сомкнулись. Зато впереди лес, казалось, расступился, и Джейн заметила проникающие сквозь него солнечные лучи.

Она двинулась в сторону опушки, мимо умирающих или уже погибших деревьев, чьи стволы теперь напоминали полые столбы. Внезапно земля стала мягче, и Джейн по щиколотку провалилась в грязь. Вытаскивая ногу, она чуть было не потеряла ботинок. Риццоли с отвращением поглядела на отвороты брюк и подумала: «Ненавижу лес. Ненавижу природу. Я работаю полицейским, а не лесником».

И тут она увидела след – мужской ботинок сорок первого или сорок второго размера.

Казалось, шорохи и писк мошкары стали громче. Джейн заметила и другие следы, уводящие прочь от тропинки, и двинулась по ним, мимо зарослей рогоза. Теперь ей было не важно, что ботинки промокли, а брючины испачканы грязью. Она думала лишь о следах, которые вели вглубь болота. Джейн уже не понимала, где находится основная тропа. Солнце над головой говорило, что день клонится к вечеру, а лес казался до странности тихим. Ни птичьих трелей, ни ветра – только гудение летавших поблизости комаров.

Свернув, следы повели ее вверх, к сухой земле.

Джейн остановилась – ее смутила резкая смена направления, но тут она увидела дерево. Его ствол петлей обхватывала нейлоновая веревка. Другой конец тянулся в болото, исчезая в воде, которая по цвету напоминала чай.

Риццоли ухватила за веревку и потянула, но та поддавалась не сразу. А потом начала постепенно вылезать из трясины. Джейн принялась тащить

теперь уже изо всех сил, и веревка, опутанная водорослями, продолжала выползать из болота. Вдруг на поверхности оказалось нечто, заставившее Риццоли вскрикнуть и в ужасе отшатнуться. Джейн увидела лицо фантастической наяды, которая некоторое время глядела на нее зажавшими глазами.

А затем медленно погрузилась обратно в болото.

Когда полиция штата Мэн закончила осмотр болота, уже сгущались сумерки. Вода здесь доставала до груди. Стоя на сухом берегу, Джейн наблюдала за водолазами, которые то и дело высовывались на поверхность, чтобы сориентироваться или вытащить какой-нибудь предмет для более детального изучения. Вода была слишком мутной для зрительного поиска, а потому водолазам приходилось разгребать ил и водоросли руками. Джейн радовалась, что ей не надо участвовать в этой омерзительной процедуре.

Особенно когда она увидела, что в конце концов выудили из болота.

Теперь тело женщины можно было разглядеть – оно покоилось на пластиковой подстилке, и с покрытых мхом волос стекала черная вода. Дубильные вещества так окрасили кожу, что нельзя было определить ни расу, ни явную причину смерти. Наверняка было известно лишь то, что женщина умерла не случайно, – ее туловище удерживал на глубине мешок, наполненный тяжелыми камнями. Глядя на мучительное выражение, запечатленное на почерневшем лице жертвы, Джейн подумала: «Надеюсь, ты уже была мертва, когда он привязал мешок с камнями тебе на талию. Когда он, спустив тебя с берега, смотрел, как ты уходишь под темную воду».

– Это явно не та женщина, которую вы разыскиваете, – заметил доктор Далджит Сингх.

Джейн перевела взгляд на мэнского медэксперта, стоявшего рядом с ней на берегу. В угасающем свете дня белая чалма доктора Сингха казалась особенно яркой – она выделяла его среди других собравшихся здесь криминалистов, одетых более привычно. Джейн была поражена, когда доктор, приехав, вышел из грузовика, – она совершенно не ожидала встретить в северных лесах такую экзотическую личность. Но, судя по изношенным ботинкам «Л. Л. Бин» и походному облачению, которые лежали в багажнике его грузовика, доктор Сингх был хорошо знаком с дикими территориями Мэна. И уж конечно, подготовился куда

основательнее Джейн, приехавшей в своем городском костюме.

– Женщину, которую вы разыскиваете, похитили четыре дня назад? – осведомился доктор Сингх.

– Это не она, – сказала Джейн.

– Нет, не она. Эта женщина пробыла под водой довольно долго. Как и те, другие образцы. – Доктор Сингх указал на останки животных, которые тоже вытащили из болота. Две хорошо сохранившиеся кошки и собака, а также скелеты, оставшиеся от неизвестных существ. Мешки с камнями, привязанные ко всем телам, не оставляли сомнений: несчастные создания не сами забрели в эту топь и утонули не по своей воле.

– Убийца экспериментировал с животными, – заключил доктор Сингх и повернулся к женскому труп. – Похоже, он неплохо отточил мастерство консервации.

Вздвогнув, Джейн поглядела на другой берег болота, на тускнеющий закат. Фрост говорил ей, что болото – таинственное место, обиталище удивительного разнообразия орхидей, мхов и стрекоз. Сейчас, глядя на волнующуюся поверхность пропитанного водой торфяника, Джейн не замечала ничего таинственного. Она видела лишь холодное трупное варево.

– Завтра я проведу вскрытие, – сообщил доктор Сингх. – Если хотите посмотреть, добро пожаловать.

Больше всего Джейн мечтала вернуться домой, в Бостон. Принять горячий душ, поцеловать дочку и, пожелав ей спокойной ночи, улечься в постель в Габриэлем. Однако работа еще не была закончена.

– Вскрытие будет в Огасте? – спросила она.

– Да, около восьми часов. Так мне ждать вас?

– Я приеду. – Глубоко вздохнув, Джейн выпрямилась. – Думаю, мне стоит найти место для ночевки.

– До мотеля «Боярышник» несколько километров по главной дороге. Там хорошие завтраки. Не континентальная жуть, а чудесные омлеты и блинчики.

– Спасибо за совет, – поблагодарила Джейн. И добавила про себя: «Только патологоанатом, стоя над мокрым трупом, может восторженно рассуждать о блинчиках».

При свете фонарика она двинулась назад по тропе, которая теперь была помечена узкими полосками полицейской ленты оцепления. Выбравшись из чащи, Джейн отметила, что парковка начала пустеть – теперь там стояло всего несколько машин. Полиция штата уже обыскала здание, но ничего не обнаружила, кроме мусора и разлагающихся останков енота, которые Риццоли уже видела. Ни Джозефины, ни Брэдли Роуза им

найти не удалось.

«Однако он был здесь, – подумала Джейн, поглядев на лес. – Он оставил машину у тех деревьев. Прошел по тропе, ведущей к болоту. А там, потянув за веревку, выволок из воды одно из своих сокровищ, словно рыбак – свой улов».

Джейн забралась в машину и поехала прочь по изуродованной дороге – ее бедный «субару» постоянно наталкивался на выбоины, которые во тьме казались еще более коварными. Не успела она свернуть на основную дорогу, как зазвонил ее телефон.

– Я дозванивался до тебя как минимум два часа, – сказал Фрост.

– Возле болота не было сигнала. Поиски закончили, но нашли всего одно тело. Я думаю, а вдруг у него есть еще один тайник...

– Ты где сейчас? – перебил ее Фрост.

– Я здесь переночую. Хочу присутствовать завтра на вскрытии.

– Я имею в виду – сейчас ты где?

– Еду в мотель. А что?

– Как называется мотель?

– По-моему, «Боярышник». Он где-то тут, поблизости.

– Хорошо, увидимся через пару часов.

– Ты приедешь в Мэн?

– Я уже еду. И не один.

– А с кем?

– Поговорим, когда доберусь.

Для начала Джейн заехала в аптечный магазин, чтобы приобрести новое нижнее белье и носки, а потом купила пиццу пеперони навынос. Повесив в ванной брюки, выстиранные руками, она расположилась в номере мотеля «Боярышник» и стала, поедая пиццу, читать дело Джимми Отто. Дело состояло из трех папок – именно столько лет Джимми был студентом Института Хильцбриха. «Нет, не студентом, скорее, заключенным», – подумала Джейн, вспомнив чудовищное бетонное здание и отдаленное местоположение. Там основательно изолировали мальчиков, которых стоит держать подальше от своих дочерей.

И в особенности таких, как Джимми Отто.

Внимание Джейн задержалось на расшифровке признания, которое Джимми сделал во время сеанса терапии. Тогда ему было всего шестнадцать лет.

«Когда мне было тринадцать, я увидел картинку в одном учебнике

истории. Там изображался концентрационный лагерь, где женщин убивали в газовых камерах. Их голые тела лежали рядами. Я долго думал об этой фотографии, об этих женщинах. Несколько десятков женщин просто лежали, ожидая, когда я сделаю с ними, что захочу. Буду трахать во все дыры. Тыкать палками в глаза. Отрезать соски. Я хочу, чтобы там было сразу много женщин, целая шеренга. А то ведь никакого веселья не получится, верно?

Но как достанешь больше одной заразы? Есть ли способ удержать труп от разложения, сохранить его свежим? Хотелось бы узнать, потому что неинтересно, когда женщина просто разлагается и покидает меня...»

Стук в дверь номера заставил Джейн резко выпрямиться. Уронив недоеденный кусок пиццы, она не слишком уверенно крикнула:

– Да? Кто там?

– Это я, – отозвался Фрост.

– Одну секунду.

В ванной Джейн натянула еще не высохшие брюки. Когда она оказалась у двери, ее нервы снова успокоились, а сердце умирало ритм. Открыв дверь, она увидела ожидавший ее сюрприз.

Фрост приехал не один.

За его спиной стояла женщина лет сорока, темноволосая и потрясающе красивая. На ней были синие джинсы и черный свитер, однако на ее стройной спортивной фигуре даже этот повседневный наряд казался элегантным. Она не поздоровалась с Джейн, а просто скользнула в номер и приказала:

– Заприте дверь.

Однако она не успокоилась даже после того, как Фрост повернул ключ во врезном замке. Женщина тут же подошла к окну и резким движением плотно задернула шторы, словно взгляд неведомого врага мог проникнуть даже в самую узкую щелку.

– Кто вы? – спросила Джейн.

Женщина обернулась к ней лицом. И в этот момент, даже еще не услышав ответа, Джейн все поняла по лицу гостыи, по изгибу ее бровей, по форме ее скул. «Такие лица рисовали на греческих вазах, – подумала Риццоли. – Или на стенах египетских гробниц».

– Меня зовут Медея Соммер, – представилась женщина. – Я мать Джозефины.

– Но... вы ведь умерли, – проговорила потрясенная Джейн.

Женщина устало усмехнулась:

– Что ж, такова легенда.

– Джозефина считает вас погибшей.

– Так я велела ей говорить. Но, к сожалению, ей верят не все.

Подойдя к лампе, Медея выключила ее, и комната погрузилась во мрак. Тогда она подошла к окну и посмотрела в щель между шторами.

Джейн поглядела на Фроста, вернее, на силуэт, вырисовывавшийся рядом с ней во мраке.

– Как ты нашел ее? – прошептала Риццоли.

– Это не я, – ответил Барри. – Это Медея нашла меня. Но поговорить она хотела именно с тобой. А когда обнаружила, что ты в Мэне, она отыскала мой номер.

– Почему ты не сказал мне об этом по телефону?

– Это я ему не позволила, – призналась Медея, по-прежнему стоявшая к ним спиной и смотревшая на улицу. – То, что я вам расскажу, не должно выйти за пределы этой комнаты. Нельзя рассказывать об этом вашим коллегам. И даже шепотом. Только так я смогу оставаться мертвой. Только так Тари – Джозефина – получит возможность жить нормальной жизнью. – Даже во мраке Джейн видела очертания шторы, которую Медея сжимала в руке. – Дочь – самое главное для меня, – тихо добавила женщина.

– Тогда почему же вы ее бросили? – удивилась Джейн.

Медея обернулась к ней:

– Я ее не бросала! Если бы я знала, что происходит, я приехала бы еще несколько недель назад.

– Если бы вы знали? Насколько я понимаю, она уже много лет живет сама по себе. А вас и в помине не было.

– Мне пришлось держаться от нее подальше.

– Почему?

– Потому что быть со мной рядом для нее смерти подобно. – Медея снова повернулась к окну. – Джозефина тут ни при чем. Для них она просто орудие. Способ выманить меня из укрытия. Ему нужна только я.

– Может, вы все-таки объяснитесь?

Вздохнув, Медея опустила в стоявшее у окна кресло. Она казалась бестелесной тенью, тихим голосом во тьме.

– Сейчас я расскажу вам одну историю, – начала она. – О девушке, связавшейся с дрянным парнем. О девушке, которая была настолько наивна, что не смогла отличить нежную страсть от... – Она запнулась. – Пагубной одержимости.

– Это вы о себе?

– Да.

– И кто же этот парень?

– Брэдли Роуз. – Медея нервно выдохнула, и ее темный силуэт на фоне кресла, казалось, уменьшился, словно свернулся в попытке защититься. – Мне было всего двадцать. Что девушка может знать в таком возрасте? Я впервые была за границей, на первых в жизни раскопках. В пустыне все было другим. Небо казалось более синим, а краски – более яркими. И когда тебе улыбается скромный мальчик, когда он оставляет тебе маленькие подарки, кажется, что ты влюблена.

– Вы были в Египте с Кимбаллом Роузом.

Медея кивнула:

– Поиски Камбиза. Когда мне предложили поехать, я тут же согласилась. Как и десятки других студентов. Так мы оказались в западной пустыне, воплощая свою мечту! Днем копали, а ночью спали в палатках. Я никогда в жизни не видела столько звезд, столько прекрасных звезд. – Она помолчала. – В таком месте любой может влюбиться. А я была обычной девчонкой из Индио, готовой наконец-то начать жить. И тут появился Брэдли, сын самого Кимбалла Роуза. Умный, тихий и скромный. В застенчивых мужчинах есть нечто, из-за чего их считают безобидными.

– Но он таким не был.

– Я не знала, кем он был на самом деле. Сначала я многого не понимала, а потом было поздно.

– Кем он оказался?

– Чудовищем. – Медея подняла голову во тьме. – Сперва я этого не замечала. Я видела только мальчика, который смотрел на меня с обожанием и говорил со мной о том, что мы оба больше всего любили. Он стал преподносить мне маленькие подарки. Мы вместе работали на раскопе. Вместе ели. В один прекрасный момент начали вместе спать. – Она замолчала. – Вот тогда-то и начались перемены.

– Какие?

– Создавалось ощущение, будто он больше не считает меня самостоятельной личностью. Словно я стала его частью. Будто бы он поглотил, впитал меня. Я шла в другой конец лагеря – он следовал за мной. Я говорила с кем-нибудь, а ему обязательно нужно было знать, о чем мы беседовали. Стоило мне просто посмотреть на другого мужчину, и он расстраивался. Он постоянно наблюдал за мной, шпионил.

«Эта история стара как мир, – думала Джейн, – она миллионы раз случалась с другими влюбленными. Эта история слишком часто

заканчивается приездом детективов на место кровавого преступления».

Медее просто повезло – ей удалось остаться в живых.

Однако сбежать по-настоящему она не сумела.

– Это Джемма однажды отвела меня в сторону и объяснила очевидное, – продолжала Медея.

– Джемма Хамертон?

Медея кивнула:

– На этих раскопках Джемма проходила последипломную практику. Она была на несколько лет старше и в сто раз умнее меня. Она поняла, что происходит, и сказала, что я должна отстаивать свои права. А если он не отступится, нужно послать его ко всем чертям. О, Джемма прекрасно умела это делать – защищать свои права. Но тогда я не сумела быть сильной, не смогла вырваться.

– Что же произошло?

– Джемма пошла к Кимбаллу и попросила его умирить пыл сына. Видимо, Брэдли узнал, о чем они говорили, и тут же заявил, чтобы я больше не смела говорить с Джеммой.

– Надеюсь, вы послали его куда следует.

– Должна была послать, – тихо отозвалась Медея. – Но мне не хватило характера. Теперь в это трудно поверить. Когда я думаю о том, какой была тогда, я себя не узнаю. Я не знаю ту девочку – абсолютно затравленную жертву, которая не могла постоять за себя.

– И как же вы в конце концов сбежали от него?

– Это случилось из-за того, что он сделал с Джеммой. Однажды ночью, когда она спала, вход в ее палатку зашили. Затем палатку облили бензином и подожгли. Я сама разрезала ткань и вытащила Джемму наружу.

– Брэдли и вправду пытался убить ее?

– Никто не смог бы это доказать, но я знала точно. Именно тогда я наконец поняла, на что он способен. Я села в самолет и полетела домой.

– Но на этом история не закончилась.

– Нет, не закончилась. – Поднявшись, Медея снова подошла к окну. – Все только начиналось.

Глаза Джейн наконец-то приспособились к темноте, и она ясно увидела, как бледная женская рука сжимает штору. Заметила, как напряглись плечи женщины, когда мимо окна по улице медленно проползла машина со светящимися фарами и двинулась дальше.

– Я была беременна, – тихо проговорила Медея.

Джейн в изумлении уставилась на нее:

– Джозефина – дочь Брэдли?

– Да. – Медея обернулась к Джейн. – Но она никогда не должна узнать об этом.

– Она сказала, что ее отец – французский археолог.

– Я всю жизнь обманывала ее. Говорила, что ее отец был хорошим человеком, погибшим еще до ее рождения. Я не знаю, верила она мне или нет, но я придерживалась именно этой легенды.

– А как насчет другой истории, которую вы ей рассказывали? О причине постоянных переездов и смены имен? Она считает, что вы скрывались от полиции.

Медея пожала плечами:

– Это ведь многое объясняет, верно?

– Но это неправда.

– Мне нужно было назвать какую-нибудь причину, но такую, чтобы не испугать ее. Лучше уж бегать от полиции, чем от чудовища.

«Особенно если это чудовище – твой собственный отец», – пронеслось в голове Джейн.

– Вас преследовали, но зачем же было бегать? Почему просто-напросто не обратиться в полицию?

– Думаете, я не пыталась? Через несколько месяцев после моего возвращения домой на территории колледжа появился Брэдли. Он сказал, что мы родственные души. Что мы друг другу подходим. Я сказала, что больше не хочу его видеть. Он стал ходить за мной, каждый день присылал мне эти гребаные цветы. Я выкидывала букеты, ходила в полицию и даже добилась его ареста. Но потом его папаша прислал своих адвокатов, чтобы те разобрались с проблемой. Если твой папа Кимбалл Роуз, ты становишься неприкосновенным. – Она умолкла. – А потом стало еще хуже. Гораздо хуже.

– Что же произошло?

– Однажды Брэдли явился ко мне со своим старым другом. И этот человек напугал меня куда больше, чем Брэдли.

– Джимми Отто.

Казалось, Медея вздрогнула, услышав это имя.

– Брэдли мог сойти за нормального, тихого такого человека. А Джимми... Достаточно было только посмотреть ему в глаза, чтобы понять: он другой. Его глаза были черные, как у акулы. Стоило ему пристально взглянуть на тебя, и ты понимала: он думает, что бы такое сотворить с тобой. Он тоже помешался на мне. Так что теперь меня преследовали оба. Я видела, как Джимми глазеет на меня в библиотеке. Или как Брэдли подглядывает в мое окно. Они затеяли парную психологическую игру,

пытались сломить меня. Сделать из меня сумасшедшую.

Джейн поглядела на Фроста.

– Уже тогда они охотились вместе, – заключила Риццоли.

– В конце концов я бросила университет, – продолжала Медея. – В то время я была на восьмом месяце беременности, да к тому же умирала моя бабушка. Я уехала в Индию и родила ребенка. Спустя несколько недель в городе появились Брэдли и Джимми. Я подала иск, суд вынес запретительный приказ, и я добилась их ареста. В тот момент я собиралась засадить их раз и навсегда. Мне нужно было защитить ребенка, и эта история должна была закончиться.

– Но она не закончилась. Вы струхнули и отказались от обвинений в адрес Брэдли.

– Не совсем так.

– Что значит – «не совсем так»? Вы ведь отказались от обвинений.

– Я заключила сделку с дьяволом. С Кимбаллом Роузом. Он не хотел, чтобы у сына была судимость. А я хотела уберечь дочь. Поэтому я отказалась от обвинений, и Кимбалл выписал мне чек на крупную сумму. Достаточно крупную, чтобы оплатить новую жизнь и новые имена для меня и моей дочери.

Джейн покачала головой:

– Вы забрали деньги и пустились в бега? Сумма, наверное, была ломовая.

– Дело было не в деньгах. Кимбалл давил на меня, используя мою дочь. Он грозил забрать ее у меня, если я не приму его предложение. Он дед ребенка, и армия его адвокатов одолела бы меня. У меня не было выбора, поэтому я взяла деньги и отказалась от обвинений. Я сделала это только ради нее, именно из-за нее я продолжила бегство. Только чтобы она не попала в ту семью. Чтобы никто не смог причинить ей боль. Вы ведь понимаете это, верно? Что мать готова на все ради безопасности своего ребенка?

Джейн кивнула. Она прекрасно понимала это.

Медея вернулась к креслу и, вздохнув, снова села в него.

– Я думала: если я обеспечу дочке безопасность, она никогда не узнает, каково это, когда за тобой охотятся. Она выросла смелой и умной. Боевой женщиной. Я очень хотела, чтобы она была такой. Она ведь и должна была вырасти умной. И смелой. Дочка ничего не знала, и ей нечего было бояться. – Медея умолкла. – До истории в Сан-Диего.

– До выстрела в ее комнате.

Медея кивнула:

– В ту ночь она поняла, что никогда больше не сможет быть бесстрашной. На следующий день мы собрали вещи и уехали в Мексику. Осели в Кабо-Сан-Лукасе, где прожили четыре года. Нам было хорошо там – мы оказались в безопасности. – Медея вздохнула. – Но девочки имеют обыкновение расти. Когда им исполняется восемнадцать, они хотят жить по-своему. Тари захотела поступить в колледж, чтобы изучать археологию. Какова мать, такова и дочь. – Она грустно усмехнулась.

– И вы отпустили ее?

– Джемма пообещала присматривать за ней, и я решила, что это безопасно. У нее было новое имя, новые документы. Я не думала, что Джимми когда-нибудь найдет ее.

Воцарилось долгое молчание – Джейн обдумывала только что услышанные слова Медеи.

– Джимми? Но Джимми Отто мертв.

Медея подняла голову:

– Что?

– Вы должны были знать об этом. Вы ведь сами застрелили его в Сан-Диего.

– Нет.

– Вы убили его выстрелом в затылок. Вытащили труп на улицу и закопали его.

– Это неправда. Это был не Джимми.

– Кого же тогда вы похоронили на заднем дворе?

– Брэдли Роуза.

– Брэдли Роуза? – поразилась Джейн. – Полиция Сан-Диего сообщила нам совсем другое.

– Думаете, я не способна узнать отца своего ребенка? – спросила Медея. – В комнату к моей дочери той ночью влез не Джимми, а Брэдли. О, я уверена: Джимми прятался где-то поблизости и, возможно, выстрел спугнул его. Но я знала, что он вернется. Я знала, что нам нужно срочно бежать. Поэтому мы собрали вещи и уехали на следующее же утро.

– На опознании было установлено, что это труп Джимми, – заметил Фрост.

– Кто его опознал?

– Его сестра.

– Видимо, она ошиблась. Потому что я знаю точно: это был не Джимми.

Джейн включила лампу, и Медея съежилась так, словно свет обычной шестидесятиваттной лампочки был по меньшей мере радиоактивным.

– Здесь что-то не то. Как родная сестра Джимми могла допустить подобную ошибку?

Риццоли взяла папку с психиатрическим исследованием, лежавшую на кровати, и просмотрела записи доктора Хильцбриха. Она быстро обнаружила то, что искала.

– Его сестру зовут Кэрри. – Джейн поглядела на Фроста. – Набери номер Кроу. Попроси узнать, где живет Кэрри Отто.

Барри достал свой мобильный.

– Я не понимаю, – заволновалась Медея. – При чем здесь вообще сестра Джимми?

Джейн принялась листать карту Джимми, составленную в Институте Хильцбриха, в попытке найти какие-либо упоминания о Кэрри Отто. Только теперь, специально отыскивая эти записи, Риццоли поняла, как много раз упоминалась Кэрри.

Снова приезжала сестра, уже второй раз за день.

Кэрри задержалась после установленного срока посещения; ей напомнили, что нужно придерживаться правил.

Кэрри попросили не приезжать так часто.

Кэрри поймана на попытке тайно пронести сигареты. Лишена права посещения на две недели.

Навещала сестра... Навещала сестра... Снова приезжала Кэрри.

В конце концов Джейн наткнулась на запись, от которой замерла:

Показаны более детальные консультации семейного психолога. Кэрри направлена в Бангор к детскому психиатру по вопросу аномальной братско-сестринской привязанности.

Фрост закончил разговор по мобильному.

– Кэрри Отто живет во Фрамингеме.

– Скажи Кроу, чтобы он выезжал туда со всей командой. И с подкреплением.

– Он уже занимается этим.

– Что происходит? – вмешалась Медея. – С чего вдруг вы уделяете столько внимания его сестре?

– А с того, что Кэрри Отто сказала полиции: тело, которое вы закопали, принадлежало ее брату, – объяснила Джейн.

– Но я-то знаю, что это не так. Почему она это сказала?

– Потому что существовал ордер на его арест, – пояснил Фрост. – В связи с исчезновением женщины в Массачусетсе. Поскольку власти сочли его мертвым, то искать перестали. Джимми удалось стать невидимкой. Наверняка Кэрри солгала, чтобы защитить брата.

– Вся разгадка в Кэрри, – сказала Джейн. – И теперь мы знаем, где она живет.

– Вы считаете, что моя дочь там, – догадалась Медея.

– А если ее там нет, бьюсь об заклад, Кэрри знает, где он ее держит.

Джейн принялась мерить шагами комнату, постоянно поглядывая на часы и рассчитывая в уме, сколько времени Кроу и его команда будут добираться до Фрамингема. Она хотела быть там, вместе с ними, – стучать в дверь, врываться в дом. Искать Джозефину в каждой комнате. «Именно я должна найти ее», – билось в голове у Риццоли. Время перевалило за полночь, но спать не хотелось вовсе, от наплыва энергии ее кровь вспенивалась, словно газировка. «Все это время, – думала Джейн, – мы гонялись за мертвецом, вместо того чтобы сосредоточиться на Джимми Отто. На человеке-невидимке».

«„Единственный пациент, который пугал меня“». Так доктор Хильцбрих сказал о Джимми. Его боялись все. Даже собственные родители», – подумала Джейн. Остановившись, она повернулась к Фросту:

– Ты помнишь, что Кроу говорил о родителях Джимми? О том, как они погибли?

– Это был несчастный случай, разве нет? Крушение самолета.

– Это ведь случилось в Мэне? Они купили дом, чтобы быть поближе к Джимми.

И Джейн, снова взяв в руки материалы психиатрического исследования, открыла самую первую страницу, где была впечатана информация о матери и отце. Родителями Джимми оказались Ховард и Анита Отто, у которых было два адреса. Первый адрес – основное место жительства в Массачусетсе. Второй, мэнский, добавили позже, – он был вписан чернилами от руки.

Фрост уже набирал на своем мобильном номер Бостонского полицейского управления.

– Мне нужно проверить данные об уплате налога на недвижимость, – сказал он и бросил взгляд через плечо напарницы, чтобы прочесть адрес. – Штат Мэн, город называется Сапонак. Долинная аллея, сто шестьдесят пять. – Через минуту он, повесив трубку, поглядел на Джейн. – Дом принадлежит какому-то тресту «Вечнозеленые растения», что бы это ни означало. Она перезвонит, если добудет другие сведения.

Раздраженная и нетерпеливая, Джейн снова принялась носиться по комнате.

– Это наверняка недалеко отсюда. Можно просто заехать туда и взглянуть.

– Они погибли несколько десятков лет назад. Вероятно, у дома несколько раз менялись хозяева.

– А может, он по-прежнему принадлежит этой семье.

– Нужно немного подождать, и мы получим информацию об этом «вечнозеленом» тресте.

Однако Джейн была не в силах ждать. Она рвалась вперед, словно скаковая лошадь на старте.

– Я еду, – не утерпела она, бросив взгляд на комод, куда положила ключи.

– Давай возьмем мою машину, – предложил Фрост, тут же оказавшийся у двери. – Нам понадобится навигатор.

– Я с вами, – сказала Медея.

– Нет, – отрезала Джейн.

– Она ведь моя дочь.

– Именно поэтому вам стоит держаться подальше. Чтобы мы не отвлекались.

Джейн сунула пистолет в кобуру, и уже один вид оружия должен был сказать о многом. «Это серьезное дело, – хотела показать этим Риццоли. – Оно не для штатских».

– Я хочу что-нибудь сделать, – не унималась Медея. – Я должна что-нибудь сделать.

Обернувшись, Джейн увидела такую решительную женщину, каких не встречала еще никогда, женщину, которая рвалась в бой. Однако эта битва была не для Медеи, такую ей было не выиграть.

– Лучшее, что вы можете сделать сейчас, – это остаться здесь, – ответила Джейн. – И запереть дверь.

Долинная аллея оказалась пустынной загородной дорогой, обсаженной таким густым лесом, что сквозь деревья почти не было видно домов. На установленном на обочине почтовом ящике значился нужный номер, однако во тьме они могли различить только начало уводившей в лес гравийной дорожки. Открыв почтовый ящик, Джейн обнаружила лишь влажный комок рекламных проспектов. Все они были адресованы «жильцу дома».

– Если здесь кто-то обитает, – заметила Риццоли, – он давно не

вытаскивал почту из ящика. Не думаю, что там кто-то есть.

– Тогда никто не будет против, что мы подъедем и оглядимся, – отозвался Фрост.

Их машина медленно покатила по подъездной дорожке, шурша колесами по гравию. Перелесок был таким густым, что дом не просматривался, он показался, лишь когда дорожка сделала поворот. В прошлом это строение было красивым загородным домиком с остроконечной крышей и широкой верандой, однако сорняки, пробившись, захватили фундамент, а жадный выюн принялся карабкаться по перилам веранды, словно стремился задушить и сам дом, и его незадачливых обитателей.

– Выглядит заброшенным, – заметил Фрост.

– Сейчас я выйду и как следует осмотрюсь. – Джейн потянулась к ручке и уже собралась было открыть дверь, как до нее донесся предостерегающий звон цепи – звук не менее зловещий, чем шипение змеи.

Из мрака выскочило что-то черное.

Ахнув, Джейн рванулась назад – на дверь с ее стороны бросился питбуль; пес скреб когтями по стеклу, за окном сверкали его белые зубы.

– О боже! – воскликнула Риццоли. – Откуда он взялся, черт возьми?!

Собачий лай становился все неистовее, а когти скребли так, будто вот-вот продырявят металл.

– Мне это не нравится, – признался Фрост.

Джейн рассмеялась; в замкнутом пространстве машины ее смех казался абсолютно безумным.

– Я и сама от этого не в восторге.

– Нет, я хочу сказать, мне не нравится, что он сидит на цепи. Дом выглядит заброшенным, кто же тогда кормит собаку?

Джейн уставилась на здание, на темные окна, которые казались злобными глазами, глядевшими на нее в ответ.

– Ты прав, – тихо согласилась она. – Тут что-то не так.

– Пора вызывать подмогу, – постановил Фрост, потянувшись к своему мобильнику. Но так и не смог набрать номер.

Первый выстрел разбил окно.

Лицо Джейн осыпали колючие осколки стекла. Она нырнула под торпеду в тот момент, когда ночь разорвал второй выстрел и по машине ударила новая пуля. Фрост тоже пригнулся, и, когда он уселся на корточки всего в нескольких сантиметрах от нее, Джейн увидела перекошенное ужасом лицо напарника. Оба принялись нащупывать оружие.

Третья пуля звякнула по металлу.

В машину просочился зловещий запах. От испарений у Джейн стало жечь глаза и першить в горле. Они с Фростом поглядели друг на друга, и Риццоли поняла: он тоже учуял этот запах.

«Бензин», – пронеслось у нее в голове.

Почти одновременно каждый из них распахнул свою дверцу. Выскочив из машины, Джейн откатилась от нее как раз в тот момент, когда со свистом ожили первые языки пламени. Риццоли не видела, что происходит с другой стороны и удалось ли Фросту выбраться, она лишь надеялась, что напарник благополучно отлетел в сторону, потому что в следующую секунду рванул бензобак. Стекла разбились вдребезги, и к небу устремились сверкающие языки ада.

Когда осколки посыпались на землю, Джейн помчалась к укрытию. Колющий подлесок рвал ее рукава, царапал руки. Скатившись под дерево и ухватившись за рыхлую кору, она изо всех сил старалась разглядеть противника, но видела лишь пламя, пожиравшее то, что осталось от машины Фроста. Собака, обезумевшая от пожара, выла и носилась взад-вперед по двору, гремя своей цепью.

Снова раздался выстрел. Джейн услышала болезненный крик и треск ломающихся кустов.

«Фроста завалили!» – в ужасе подумала она.

Сквозь мутную завесу из дыма и огня Риццоли заметила, как стрелок, выйдя из дома, оказался на веранде. Светлые волосы женщины отражали огненное зарево. Вскинув винтовку, незнакомка вышла на свет. И только тогда Джейн увидела лицо Дебби Дьюк.

Нет, не Дебби. Кэрри Отто.

Кэрри стала спускаться вниз по ступеням, нацелив винтовку так, чтобы прикончить Фроста.

Джейн выстрелила первой. Нажимая на спусковой крючок, она хотела, чтобы выстрел убил женщину. Она не испытывала ни страха, ни сомнений, только холодную, сдержанную ярость, охватившую все ее существо, руководившую ею, когда она целилась. Риццоли быстро выпустила три пули. Они настигли цель, словно женщина получила несколько ударов в грудь. Кэрри дернулась назад, выронила винтовку и упала на ступеньки крыльца.

Расслабившись, Риццоли наклонилась вперед. Ее грудь по-прежнему вздымалась. Джейн все еще сжимала в руке пистолет и не сводила взгляда с цели. Кэрри была жива: она стонала, распластавшись на ступеньках; в ее приоткрытых глазах метался сатанинский отблеск пламени. Поглядев в сторону Фроста, Джейн увидела, что напарник лежит у кромки леса.

«Живи, – мысленно умоляла она. – Прошу тебя, живи».

Не успела она сделать и нескольких шагов в сторону Фроста, как ей на спину бросился питбуль.

Она думала, что собачья цепь до нее не дотянется, не видела, как животное приближается к ней, и не подготовилась к удару. Прыжок пса заставил ее упасть ничком. Джейн вытянула руки, чтобы смягчить падение, но, уже оказавшись на земле, услышала хруст кости – это под тяжестью тела треснуло ее запястье. Боль была настолько мучительной, что в сравнении с ней даже собачьи челюсти, сомкнувшиеся на ее плече, показались мелкой неприятностью, досадной помехой, которую нужно отбросить прочь, чтобы не мешала справляться с настоящей пыткой. Извиваясь, Джейн перекатилась на спину и надавила на собаку всем своим весом, однако пес не отпускал. До упавшего пистолета было не дотянуться. Правая рука не действовала. Ей не удавалось отбиться от зверя или, протянув руку, схватить его за горло. Поэтому она начала колотить его локтем в живот, ударяла снова и снова, пока не раздался хруст сломанных ребер.

Поскуливая от боли, собака отпустила Джейн. Откатившись в сторону, Риццоли с трудом встала на ноги. И только теперь, взглянув на повизгивающего пса, она увидела, что у него на ошейнике нет цепи. Как ему удалось сорваться? Кто выпустил его?

Ответ выступил ей навстречу из тьмы.

Джимми Отто, прикрываясь, словно щитом, Джозефиной, толкал женщину к огню. Джейн рванулась к упавшему пистолету, однако выстрел заставил ее отдернуть руку – пуля взметнула землю всего в нескольких сантиметрах от нее. Даже если бы Джейн удалось схватить пистолет, она не смогла бы выстрелить в ответ, особенно теперь, когда на пути стояла Джозефина. Преклонив колени, Джейн беспомощно опустилась на землю, а Джимми Отто остановился возле горящей машины; в отсвете потрескивавшего пламени его лицо приобрело красноватый оттенок, на виске чернел уродливый синяк. Впереди ковыляла Джозефина, с трудом передвигаясь на загипсованной ноге; голова женщины была совсем лишена волос. Джимми прижал пистолет к ее виску, и глаза Джозефины расширились от страха.

– Отойди от пистолета, – велел он Джейн. – Немедленно!

Поддерживая левой рукой свое сломанное запястье, Джейн с трудом поднялась на ноги. Перелом оказался настолько болезненным, что тошнота, сковав ее желудок, полностью отключила разум именно в тот момент, когда мыслить было необходимо. Риццоли качало, у нее перед глазами плясали

черные точки, на коже выступил холодный пот.

Джимми посмотрел на раненую сестру, неуклюже раскинувшуюся на ступеньках крыльца, – она по-прежнему стонала. Ему хватило одного беспощадного взгляда, чтобы решить: спасти Кэрри уже не удастся и она больше не заслуживает его внимания.

Он вновь сосредоточился на Джейн.

– Я устал дожидаться, – заявил Джимми. – Скажи, где она.

Джейн покачала головой. Перед глазами взметнулся вихрь черных точек.

– Я не могу понять, чего ты хочешь, Джимми.

– Где эта долбаная баба?

– Какая?

Ответ взбесил его. Он без предупреждения выстрелил, держа пистолет прямо над головой Джозефины.

– Медея, – сказал он. – Я знаю, она вернулась. И говорила как раз таки с тобой. Где она?

Жуткий звук выстрела мигом отрезвил ее. Несмотря на боль и тошноту, Джейн удалось полностью сконцентрироваться; теперь ее внимание сосредоточилось на Джимми.

– Медея умерла, – проговорила она.

– Нет, не умерла. Она жива. И я прекрасно это знаю. Пора платить по счетам.

– За убийство Брэдли? Она сделала то, что было необходимо.

– Я поступлю так же. – Он прижал дуло к голове Джозефины, и в этот момент Риццоли поняла, что Джимми в самом деле готов нажать на спусковой крючок. – Если Медея не вернется и не спасет свою дочь, возможно, она приедет на похороны.

– Вот она я, Джимми! – крикнул чей-то голос из тьмы. – Я здесь.

Он замер, глядя в заросли деревьев:

– Медея?

«Она приехала за нами», – догадалась Джейн.

Медея вышла из леса, двигаясь без колебаний, без всяких признаков страха. Мама-львица, приехавшая спасти своего львенка, Медея с мрачной целеустремленностью приближалась к месту сражения и остановилась всего в нескольких метрах от Джимми. Они замерли друг напротив друга в круге света, который излучал костер.

– Тебе нужна я. Отпусти мою дочь.

– А ты не изменилась, – изумленно пробормотал он. – Прошло столько лет, а ты осталась прежней.

- Так же, как ты, Джимми, – без намека на иронию ответила Медея.
- Он всегда хотел только тебя. Но так и не смог получить.
- Брэдли ведь нет в живых. Зачем ты делаешь все это?
- Это нужно мне. Чтобы заставить тебя заплатить.

Джимми прижал пистолет к виску Джозефины, и Джейн впервые увидела ужас, мелькнувший на лице Медеи. Если эта женщина хоть когда-нибудь испытывала страх, то боялась не за себя, а за свою дочь. Уничтожить Медею можно было лишь при помощи Джозефины.

– Моя дочь тебе ни к чему, Джимми. У тебя есть я. – Теперь Медея овладела своими эмоциями, замаскировав страх под личиной холодного презрения. – Ты забрал ее из-за меня, по той же причине играл в кошки-мышки с полицией. Что ж, вот она я. Отпусти ее, и я твоя.

– Неужели?

Джимми оттолкнул Джозефину, и та, споткнувшись, отлетела в сторону. Теперь он нацелил пистолет на Медею. Даже когда на нее направили ствол, эта женщина выглядела абсолютно спокойной. Она бросила на Джейн взгляд, словно говорящий: «Я его отвлекла. Остальное за вами». Медея шагнула навстречу Джимми, приблизившись к нацеленному ей в грудь пистолету. Ее голос теперь казался нежным, почти соблазнительным:

– Ты хотел меня не меньше Брэдли, верно? Когда мы впервые встретились, я прочла это по твоим глазам. Поняла, что ты хочешь сделать со мной. То же, что и с теми, другими женщинами. Ты трахал их, когда они были живы, Джимми? Или ждал, пока умрут? Потому что такими они нравятся тебе больше, верно? Холодными. Мертвыми. Навсегда твоими.

Он не проронил ни слова, просто наблюдал, как Медея приближается. Как дразнит его. Они с Брэдли много лет преследовали эту женщину, и вот теперь пожалуйста – можно дотянуться до нее рукой. Медея принадлежит ему, и только ему.

Оружие лежало на земле всего в нескольких метрах от Джейн. Она по сантиметру продвигалась в ту сторону, в уме отрабатывая движения. Упасть на землю, схватить пистолет. Выстрелить. Придется сделать это, используя лишь одну руку – левую. Возможно, ей удастся выпустить всего одну пулю, от силы две, а потом Джимми начнет палить в ответ. «Даже если я буду действовать очень быстро, мне не удастся вовремя сбить его. Сегодня кто-то из нас может погибнуть – либо я, либо Медея».

Медея по-прежнему приближалась к Джимми.

– Ты охотился за мной все эти годы, – тихо говорила она. – Теперь я здесь, но ты не торопишься разделаться со мной, так ведь? Тебе не хочется,

чтобы охота заканчивалась.

– Но она закончилась. – Он вскинул пистолет, и Медея замерла на месте.

От этого финала она и бежала долгие годы – от финала, которого не изменишь ни мольбами, ни обольщением. Если Медея пришла сюда, полагая, что сможет управлять чудовищем, то теперь она поняла свою ошибку.

– Дело не в том, чего я хочу, – возразил Джимми. – Мне велели покончить с этим. Это я сейчас и сделаю.

Мышцы его предплечий резко напряглись: он приготовился стрелять.

Джейн кинулась к оружию. Но стоило ее левой руке сомкнуться на рукояти, в воздухе прогремел выстрел. Она развернулась, и ночь, словно в замедленной съемке, закружилась вместе с ней – сознание Джейн впитало сразу десяток деталей. Она увидела, как Медея в попытке защититься упала на колени, скрестив руки над головой. Ощутила треск и жар пламени, странную тяжесть оружия в левой руке. Она подняла пистолет, и ее пальцы напряглись, приготовившись к выстрелу.

Но, уже нажав на спусковой крючок, Джейн поняла, что Джимми Отто зашатался еще до того, как ее пуля поразила цель, что из него брызнула кровь от выстрела, сделанного чуть ранее.

Джимми, чья фигура была четко видна на фоне пожара, начал валиться на спину; с выброшенными в стороны руками, будто бы в свободном падении, он напоминал обреченного на смерть Икара. Джимми рухнул спиной на капот полыхавшей машины, и пламя перекинулось ему на волосы, объяв голову огненным венком. Он с воплем отшатнулся от автомобиля. На нем загорелась рубашка. Пошатываясь, Джимми завертелся по двору в неистовом танце смерти и наконец упал.

– Нет! – Страдальческий стон Кэрри Отто не был похож на человеческий, он напоминал гортанный крик умирающего животного. Она медленно и мучительно ползла к брату, оставляя на гравии черный кровавый след. – Не покидай меня, малыш! Не покидай меня!

Кэрри взобралась на брата, отчаянно пытаясь потушить огонь и словно не замечая, что пламя опасно и для нее.

– Джимми! Джимми!

Даже когда загорелись ее волосы и одежда, даже когда огонь начал жечь ей кожу, она в безумном объятии по-прежнему прижималась к брату. Так они и лежали, вцепившись друг в друга, пока их плоть сливалась воедино, пока их поглощало пламя.

Медея, целая и невредимая, поднялась на ноги. Однако ее взгляд был

направлен не на горящие тела Джимми и Кэрри Отто – она пристально смотрела в лес.

На Барри Фроста, который бессильно привалился к дереву, по-прежнему сжимая в руках пистолет.

Звание героя не слишком гармонировало с обликом Барри Фроста.

Сидя на больничной койке в тонюсенькой сорочке, он скорее выглядел сконфуженным, чем неустрашимым. Два дня назад его перевели в Бостонский медицинский центр, и с этого момента в его палату устремился нескончаемый поток почитателей, включавший всех – от комиссара полиции до служащих кафетерия Бостонского полицейского управления. Придя к нему в тот вечер, Джейн обнаружила трех посетителей, засидевшихся в джунглях цветочных композиций и майларовых воздушных шаров с надписью: «Выздоровливай!». «И дети, и женщины – все любят Фроста», – подумала Джейн, заглянув в палату из коридора. И она понимала причину. Он тот самый бойскаут, который с радостью расчистит ваш тротуар, «прикурит» двигатель вашей машины и, забравшись на дерево, снимет вашего кота.

«И даже спасет тебе жизнь», – пронеслось у нее в голове.

Джейн подождала, пока уйдут другие посетители, и только потом вошла в палату.

– Еще один визит выдержишь? – осведомилась она.

Фрост слабо улыбнулся:

– Привет. Я очень надеялся, что ты появишься.

– Похоже, тут самое оживленное место. Чтобы попасть сюда, мне пришлось отбиваться от твоих групп. – На правую руку Риццоли наложили гипс, а потому, придвигая стул и усаживаясь возле койки, она чувствовала себя ужасно неуклюжей. – Господи, ты только посмотри на нас, – проговорила она. – Что за жалкая парочка раненых вояк!

Фрост начал было смеяться, но тут же осекся, поскольку движения разбудили боль в области живота, на месте лапаротомического разреза. Он съежился, и на его лице появилась страдальческая гримаса.

– Я позову сестру, – сказала Джейн.

– Нет. – Фрост ухватил ее за руку. – Я могу потерпеть. С меня хватит морфия.

– Кончай изображать мачо. Я тебе говорю: прими лекарство.

- Не хочу быть под кайфом. Сегодня вечером мне нужна ясная голова.
- Это еще зачем?
- Ко мне придет Элис.

Больно было слышать нотку надежды в его голосе, и Джейн отвернулась, чтобы Фрост не смог прочесть жалость в ее глазах. Такого мужчину Элис не заслужила. Он был добряком, порядочным парнем, а потому его сердце будет разбито.

- Может, мне стоит уйти? – предложила она.

– Нет. Не сейчас. Прощу тебя. – Осторожно откинувшись на подушки, он принял прежнюю позу и осторожно выдохнул. А потом, стараясь выглядеть радостным, добавил: – Расскажи мне последние новости.

– Все подтвердилось. Дебби Дьюк и вправду оказалась Кэрри Отто. Если верить госпоже Виллебрандт, Кэрри заявила в музей в апреле и предложила свою помощь на общественных началах.

– В апреле? Это ведь вскоре после того, как на работу взяли Джозефину.

Джейн кивнула:

– Кэрри понадобилось всего несколько месяцев, чтобы стать незаменимым сотрудником. Наверняка это она украла у Джозефины ключи. Возможно, именно она оставила пакет с волосами на заднем дворе доктора Айлз. Она предоставила Джимми полный доступ к зданию. Брат и сестра во всех смыслах были командой.

– А зачем сестре понадобилось таскаться за таким братцем, как Джимми Отто?

– Да мы же всё видели той ночью. «Аномальная братско-сестринская привязанность» – вот что написал терапевт в психиатрической карточке Джимми. Вчера я разговаривала с доктором Хильцбрихом, и он сказал, что Кэрри тоже была больна, как и брат. Ради него она сделала бы что угодно, возможно, даже стала бы охранять его темницу. В мэнском подвале криминалисты обнаружили массу различных волос и волокон. Следы на матрасе – кровь далеко не единственной жертвы. Соседи, живущие на той же улице, говорят, что порой видели там одновременно и Джимми, и Кэрри. Она жили в доме по несколько недель, а потом месяцами не приезжали вовсе.

– Я слышал, что порой мужья и жены вместе занимаются серийными убийствами. Но брат и сестра?

– Здесь та же история. Слабая личность объединяется с сильной. Джимми доминировал, он подавлял настолько, что имел безграничное влияние на людей вроде его сестры. И Брэдли Роуза. Пока Брэдли был жив,

он помогал Джимми охотиться. Именно Брэдли консервировал жертвы и находил места для хранения трупов.

– Значит, он был просто подручным Джимми?

– Нет, они оба извлекали выгоду из этих отношений. Такова теория доктора Хильцбриха. Джимми воплощал свои подростковые фантазии и коллекционировал мертвых женщин, а Брэдли предавался страстному увлечению Медеей Соммер. Она – вот что их объединяло, именно к этой добыче стремились оба, но никак не могли поймать. И даже после смерти Брэдли Джимми не прекращал искать ее.

– Но вместо Медеи он нашел ее дочь.

– Возможно, он увидел фотографию Джозефины в газете. Она и Медея похожи как две капли воды, а по возрасту Джозефина вполне годилась ей в дочери. И работала по той же самой специальности. Не нужно долго копать, чтобы узнать: Джозефина не та, за кого себя выдает. А потому Джимми стал наблюдать за ней, ожидая, когда появится ее мать.

Фрост покачал головой:

– Как же сильно он помешался на Медее. Казалось бы, после стольких лет он мог и позабыть о ней.

– Слышал о Клеопатре? А о Елене Прекрасной? Мужчины были помешаны на них.

– Елена Прекрасная? – Фрост рассмеялся. – Бог мой, ты подцепила эту археологическую заразу. И теперь говоришь, как доктор Робинсон.

– Дело в том, что мужчины иногда зацикливаются. Какой-нибудь парень может липнуть к одной и той же женщине долгие годы. Даже к той, которая его не любит, – тихо добавила Джейн.

Фрост покраснел и отвернулся.

– Некоторые люди просто не умеют расставаться, – продолжила она, – и тратят время на тех, кто все равно никогда не будет с ними.

Риццоли вспомнила о Мауре Айлз: вот еще одна женщина, которая хочет того, что не может получить; она попала в ловушку собственных желаний и выбрала не того возлюбленного. В тот вечер, когда Маура нуждалась в нем, Дэниел Брофи не смог оказаться рядом. И Энтони Сансоне вместо него пригласил доктора Айлз в свой дом. Именно Сансоне позвонил Джейн, дабы убедиться, что Маура может спокойно возвращаться домой. «Иногда, – подумала Риццоли, – мы не замечаем людей, с которыми можем быть счастливы, тех, кто терпеливо дожидается своей очереди».

Они услышали стук в дверь, и в палату вошла Элис. В элегантном костюме она казалась еще светлее и прекраснее, чем ее помнила Джейн, но в этой красоте не было теплоты. Она держалась отчужденно. Идеально

точно выточенная мраморная скульптура, на которую можно только смотреть, а вот прикоснуться нельзя. Женщины обменялись хоть и натянутыми, но вежливыми приветствиями, словно были соперницами, боровшимися за внимание одного и того же мужчины. Они много лет делили Фроста: Джейн – как напарница, Элис – как жена, – но Риццоли не чувствовала связи с этой женщиной.

Джейн поднялась, чтобы уйти, однако, оказавшись у двери, не удержалась и проронила на прощание:

– Будь с ним поласковее. Он герой.

«Фрост спас меня, а я спасу его, – решила Джейн, выходя из больницы и садясь в машину. – Элис хочет разбить его сердце так же, как можно разрушить любую плоть – жидким азотом и резким ударом молотка». Джейн видела это по глазам Элис – в них светилась мрачная решимость женщины, которая уже ушла из семьи и теперь хочет уладить все оставшиеся мелочи.

Сегодня Фросту нужен друг. Чуть позже она вернется, чтобы поправить дело.

Джейн завела машину, но тут зазвонил телефон. Определившийся номер был незнакомым.

Равно как и мужской голос, приветствовавший ее на том конце провода.

– Я думаю, вы совершили большую ошибку, детектив, – сказал он.

– Прошу прощения. А с кем я говорю?

– Детектив Потреро, полицейское управление Сан-Диего. Я только что общался по телефону с детективом Кроу и знаю, что у вас там произошло. Вы утверждаете, что прикончили Джимми Отто.

– Не я. Мой напарник.

– Ну да, что ж, тот, кого вы пристрелили, не Джимми Отто. Потому что он погиб здесь двенадцать лет назад. Расследование вел я, а потому знаю точно. И мне нужно допросить женщину, которая его убила. Она в заключении?

– Медея Соммер никуда не денется. Она будет здесь, в Бостоне, можете в любое время приехать и побеседовать с ней. Могу заверить вас, что огнестрел в Сан-Диего был совершенно оправдан. Самооборона. И человек, которого она застрелила, – не Джимми Отто. Того типа звали Брэдли Роуз.

– Нет. Сестра Джимми сама опознала труп.

– Кэрри Отто обманула вас. Это был не ее брат.

– У нас есть доказательство – ДНК.

Джейн умолкла.

– Какая ДНК?

– Этот отчет не переслали вам с другими документами, потому что результаты анализа были готовы лишь спустя несколько месяцев после того, как дело закрыли. Понимаете, Джимми подозревался в убийстве в другом штате. Они связались с нами, потому как хотели удостовериться, что их подозреваемый мертв. И попросили образец ДНК у сестры Джимми.

– ДНК Кэрри?

Потреро раздраженно вздохнул, будто бы разговаривал с идиоткой:

– Да, детектив Риццоли. Ее ДНК. Они хотели доказательств, что убитый действительно был ее братом. Кэрри Отто почтой прислала образец слюны, и мы сверили его с анализом жертвы. Оказалось семейное сходство.

– Такого быть не может.

– Эй, вы же знаете, что говорят о ДНК. Она не врет. Если верить нашей лаборатории, Кэрри Отто совершенно очевидная родственница мужчины, которого мы откопали на заднем дворе того дома. Либо у Кэрри есть еще один братец, которого убили здесь, в Сан-Диего, либо Медея Соммер обманула вас. И стреляла в другого человека, не в того, о котором сказала.

– У Кэрри Отто не было другого брата.

– Вот именно. Следовательно, Медея Соммер обманула вас. Так что, она в заключении?

Джейн не ответила. С десятков самых безумных мыслей запорхали в ее голове, словно стая бабочек, но ни одну из них ей не удалось ухватить.

– Бог мой, – ужаснулся детектив Потреро. – Только не говорите, что она на свободе.

– Я вам перезвоню, – пообещала Джейн, отключая связь.

Риццоли сидела в машине, уставившись в ветровое стекло. Она увидела, как из больницы вышли два врача в развевавшихся на ветру белых халатах и величавой походкой двинулись прочь. Они были уверены в себе, их поступь свидетельствовала об отсутствии сомнений, а вот Джейн, напротив, терзали подозрения. Джимми Отто или Брэдли Роуз? Кого из них Медея застрелила в своем доме двенадцать лет назад? И зачем ей нужно было врать об этом?

«Кого же на самом деле убил Фрост?» – мучилась она.

Джейн восстановила в памяти картину, которую она увидела той ночью в Мэне. Смерть Кэрри Отто. Убийство человека, которого она считала братом Кэрри. Медея называла его «Джимми», и он откликался на

это имя. А потому наверняка и был Джеймсом Отто, как уверяла Медея.

Однако ДНК по-прежнему оставалась препятствием, о которое спотыкалась Джейн, – железным доказательством, противоречившим всему остальному. Если верить ДНК, в Сан-Диего умер не Брэдли, а родственник Кэрри Отто.

Можно сделать лишь один вывод. «Медея обманула нас», – пронеслось в голове Риццоли.

И если они позволят Медее ускользнуть, то будут выглядеть полными дураками. «Черт, – думала она, – а мы ведь и правда дураки, и свидетельство тому – ДНК. Ведь, как сказал детектив Потреро, ДНК не врет».

Джейн стала набирать номер Кроу на своем мобильном и вдруг замерла.

«Или все-таки врет?» – стукнуло ей в голову.

Ее дочь спала. Синяки на теле Джозефины уже побледнели, а волосы скоро отрастут вновь, но, когда Медея смотрела на дочку в приглушенном свете спальни, Джозефина казалась ей юной и беззащитной, как дитя. В некотором смысле дочь действительно впала в детство. Джозефина настояла, чтобы в ее комнате всю ночь горел свет, и не желала оставаться одна дольше нескольких часов. Медея понимала, что страх появился лишь на время и скоро Джозефина вновь обретет мужество. Живущая в ней воительница сейчас исцеляется и бездействует, но вскоре вновь вырвется на волю. Медея знала свою дочь, как саму себя: внутри ее хрупкой оболочки бьется сердце львицы.

Медея обернулась, чтобы взглянуть на Николаса Робинсона, который наблюдал за ними, стоя в дверном проеме спальни. Он пригласил Джозефину в свой дом, и Медея понимала, что здесь ее дочери ничто не угрожает. За прошедшую неделю она неплохо узнала этого человека и научилась доверять ему. Он несколько скучноват и, возможно, слишком строг и образован, но во многом подходит Джозефине. И предан ей. Это качество Медея ценила в мужчинах превыше всего. Долгие годы она доверяла очень немногим, но в глазах Робинсона уловила ту же неизменную преданность, какую однажды увидела во взгляде Джеммы Хамертон. Джемма умерла за Джозефину.

Медея верила, что Николас поступил бы так же.

Выходя из дома, она услышала, как Робинсон закрывает за ней дверь на замок, и ощутила уверенность, что вне зависимости от обстоятельств Джозефина будет в хороших руках. Медея могла рассчитывать на это, а потому она решительно села в машину и поехала на юг, в сторону Милтона.

Там она арендовала дом, стоявший на отшибе, с большим, поросшим сорняками участком. Он кишел мышами, и, лежа в постели, Медея слышала их, пытаясь уловить куда более зловещие звуки, чем возню незваных грызунов. Сегодня она не слишком радовалась необходимости возвращаться в тот дом, но все равно продолжала путь. В зеркале заднего вида она заметила фары ехавшей вслед за ней машины.

Автомобиль следовал за ней до самого Милтона.

Войдя через парадную дверь, она ощутила запахи старого дома – пыли и потертых ковров, в которых, возможно, накопились споры плесени. Когда-то Медея читала, что от плесени можно заболеть. Она способна искалечить легкие, обратить против человека его же иммунную систему и в конце концов убить. Прежней обитательницей была восьмидесятисемилетняя женщина, умершая в этом доме; возможно, ее прикончила именно плесень. Чувствуя, что она вдыхает эти смертоносные частички, Медея прошла по дому и, как обычно, проверила, все ли окна закрыты и заперты. Вот ирония судьбы: из-за своего маниакального стремления к безопасности она закупорилась в помещении, где можно отравиться воздухом.

На кухне Медея сварила себе крепкий кофе – не что-нибудь там, а именно настоящий кофе. По правде говоря, больше всего ей хотелось крепкого коктейля из водки и тоника, и это желание было настолько невыносимым, что вполне могло сравниться с наркоманской ломкой. Всего один глоток алкоголя мог успокоить ей нервы и рассеять предчувствие ужаса, которое, казалось, пропитало каждый уголок этого дома. Но сегодняшний вечер не подходил для водки, а потому Медея воздержалась от выпивки. Вместо спиртного она выпила чашку кофе, так чтобы разум обострился, а тревога убавилась. Ей требовалось, чтобы нервы были в порядке.

Прежде чем лечь, она в последний раз взглянула в окно, выходившее на улицу. На дороге было тихо, так что, возможно, та самая ночь еще не пришла. Возможно, судьба даровала ей еще одну отсрочку. Но даже если так, отсрочка была временной – похожим образом смертник каждое утро просыпается в своей камере, не зная, в какой именно день его поведут к эшафоту. Это и сводит с ума приговоренного узника – неопределенный срок свидания со смертью.

По коридору Медея направилась в спальню, ощущая себя приговоренной узницей и гадая, как пройдет сегодняшняя ночь – так же спокойно, как и предыдущие десять? Она надеялась на это, но знала: короткая отсрочка не отвлечет неизбежного. Оказавшись в конце коридора, она снова посмотрела в сторону прихожей – последний взгляд, перед тем как выключить свет. Прихожая погрузилась во тьму, и Медея заметила, как в окне фасада промелькнули фары проезжающей машины. Автомобиль двигался медленно, словно водитель долго и пристально разглядывал дом.

И тогда она поняла. Ее пробрал холод, словно вены сковало льдом. «Это случится сегодня», – решила Медея.

Внезапно ее затрясло. Она была не готова к этому, и ей внезапно захотелось использовать стратегию, которая почти три десятилетия сохраняла ей жизнь, – бегство. Однако Медея пообещала себе, что в этот раз устоит и будет бороться. Сейчас ей не придется рисковать жизнью дочери – только своей собственной. И она поставит свою жизнь на карту, если таким образом удастся наконец обрести свободу.

Медея шагнула во мрак спальни, где висели слишком прозрачные шторы. Если включить свет, ее силуэт будет четко прорисовываться в окне. А если ее не видно, значит и отыскать не получится, поэтому она не стала разгонять тьму. Замок на двери был очень хлипкий – всего лишь кнопка на рукоятке, любой злоумышленник вскрыет его за минуту, но, возможно, эта драгоценная минута ей как раз и пригодится. Заперев дверь, Медея обернулась к постели.

Во тьме раздался тихий вздох.

От этого звука волосы у нее на затылке встали дыбом. Пока она старательно запирала двери, проверяла окна, незваный гость уже ждал ее в доме. У нее в спальне.

– Отойди от двери, – спокойно приказал он.

Она с трудом различала безликую фигуру, сидевшую на кресле в углу. Но видеть было необязательно: Медея знала, что он держит в руке пистолет. Она повиновалась.

– Вы допустили серьезную ошибку, – сказала она.

– Это ты допустила ошибку, Медея. Двенадцать лет назад. Понравилось тебе стрелять в затылок незащитному парнишке? Мальчику, который ничего тебе не сделал?

– Он ворвался в мой дом. Он был в спальне у дочери.

– Он не сделал ей ничего плохого.

– А мог бы сделать.

– Брэдли не был жестоким. Он был безобидным.

– Его напарника безобидным не назовешь, сами знаете. Вы прекрасно понимаете, какой тварью был Джимми.

– Но он не убивал моего сына. Это сделала ты. Во всяком случае, Джимми оказал любезность и позвонил мне в ту ночь, когда это случилось. Сообщил, что Брэдли больше нет.

– Вы называете это любезностью? Джимми использовал вас, Кимбалл.

– А я его.

– Чтобы отыскать мою дочь?

– Нет, твою дочь я и так нашел. Я заплатил Саймону, он взял ее на работу, и я мог спокойно наблюдать за ней.

– И вам все равно, как поступил с ней Джимми? – Пистолет был направлен на Медею, однако от ярости ее голос все равно зазвучал громче. – Она ведь ваша внучка!

– Он оставил бы ее в живых. Мы так договорились с Джимми. Он должен был отпустить ее, когда все будет кончено. Я хотел одного – чтобы ты умерла.

– Но это не вернет Брэдли.

– Зато круг замкнется. Ты убила моего сына и должна заплатить за это. Жаль только, что Джимми не смог сделать это вместо меня.

– Полиция поймет, что это ваших рук дело. Вы готовы отказаться от всего ради этой мести?

– Да. Потому что никто, мать твою, не должен связываться с моей семьей!

– Зато ваша жена будет страдать.

– Моя жена умерла, – сообщил он, и эти слова обрушились во тьму, словно ледяные камни. – Синтия умерла прошлой ночью. Все, чего она хотела, все, о чем мечтала, – это снова увидеть сына. Ты лишила ее этой возможности. Слава богу, что она так и не узнала правду. Хоть от этого я смог уберечь ее – от сознания, что наш мальчик убит. – Кимбалл глубоко втянул воздух, а затем выдохнул со спокойным чувством неизбежности. – Теперь мне осталось только это.

Медея видела, как во мраке поднялась его рука, и знала: пистолет нацелен на нее. Она понимала: то, что сейчас случится, должно было произойти уже давно, потому что началось двенадцать лет назад, той ночью, когда погиб Брэдли. Нынешний выстрел будет всего лишь отзвуком предыдущего, эхом, задержавшимся на двенадцать лет. В каком-то смысле все это – причудливая форма правосудия, и Медея понимала, почему это случится, ведь она сама была матерью и, если бы кто-нибудь причинил вред ее ребенку, тоже захотела бы отомстить.

Она не винила Кимбалла за то, что он собирался сделать.

Пока он нажимал на спусковой крючок, Медея чувствовала странную готовность, а потом пуля ударила ей в грудь.

Вот тут все могло бы закончиться, думаю я, лежа на полу. Моя грудь горит от боли, и я с трудом дышу. Кимбаллу нужно сделать всего несколько шагов, чтобы приблизиться ко мне и произвести финальный выстрел в голову. Но в коридоре слышатся шаги, и я знаю: он тоже слышит их. Спальня оказалась западнее – он застрял тут вместе с женщиной, в которую только что выстрелил. Они стучат в дверь, в дверь, которую я по глупости заперла, посчитав, что она защитит меня от преступника. Я даже и не предполагала, что закроюсь от собственных спасителей, от полицейских, которые ехали за мной к дому, от людей, которые наблюдали за мной всю прошедшую неделю, ожидая этого нападения. Сегодня мы все наделали ошибок, возможно, даже роковых. Мы не ожидали, что Кимбалл взлетит в мой дом, когда там никого не будет, мы не предполагали, что он будет ждать меня в спальне.

Но самую большую ошибку совершил сам Кимбалл.

Дерево ломается, и дверь с треском падает внутрь. Полицейские похожи на разъяренных быков. Они врываются с криком, топотом, резким запахом пота и враждебности. Звук такой, будто в комнату вломилась буйная толпа, но потом, щелкнув выключателем, кто-то зажигает свет, и я вижу, что в комнате всего четверо мужчин-детективов, и все они направили пистолеты на Кимбалла.

– Бросьте оружие! – велит один из них.

Кимбалл до того потрясен, что не может ответить. Его глаза – траурные впадины, а лицо вытянуто от удивления. Он привык отдавать приказы, а не подчиняться им и теперь стоит, беспомощно сжимая пистолет, словно оружие приросло к его ладони и он при всем желании не способен выпустить его из рук.

– Положите оружие на пол, господин Роуз, – велит Джейн Риццоли. – И тогда мы поговорим.

Я не видела, как она появилась. Не заметила ее за коллегами-мужчинами, гораздо более крупными, чем она. Но теперь она обошла их и оказалась в комнате, эта хрупкая и бесстрашная женщина, и даже гипс на правой руке не мешал ей передвигаться невероятно уверенной походкой.

Она посмотрела в мою сторону, но это всего лишь беглый взгляд – ей нужно было убедиться, что мои глаза открыты и что на мне нет крови. Затем она снова переключается на Кимбалла.

– Все упростится, если вы положите оружие на пол. – Детектив Риццоли произносит эти слова ровным тоном, словно мать, которая успокаивает взволнованного ребенка.

Другие детективы источают жестокость и тестостерон, а Риццоли кажется абсолютно спокойной, несмотря на то что только у нее нет пистолета.

– И так погибло слишком много народу, – говорит она. – Давайте закончим на этом.

Кимбалл качает головой, но это не отказ, это жест безразличия.

– Теперь уже все равно, – бормочет он. – Синтии больше нет. И ей не придется страдать из-за этого.

– Все эти годы вы скрывали, что Брэдли погиб?

– Когда это произошло, она болела. Так болела, что, я полагал, она не проживет и месяца. Вот я и решил: пусть умрет, не услышав этой новости.

– Но она выжила.

Кимбалл устало улыбнулся:

– У нее случилась ремиссия. И это чудо длилось двенадцать лет. Так что мне приходилось лгать и дальше. Я вынужден был помочь Джимми скрыть правду.

– Для опознания использовали тампон со слюной вашей жены. Там была ДНК вашей жены, а не Кэрри Отто.

– Нужно было убедить полицию, что тело принадлежало Джимми.

– Джимми Отто должен был сидеть в тюрьме. Вы защищали убийцу.

– Я оберегал Синтию!

Он избавил жену от зла, которое, как он считал, я причинила его семье двенадцать лет назад. Я отказываюсь признавать свою вину в каком-либо грехе, кроме инстинкта самосохранения, но понимаю: смерть Брэдли разрушила не одну жизнь. Я вижу, какое страдание написано на измученном лице Кимбалла. Нет ничего удивительного, что он жаждал мести, что он не прекращал искать меня все эти двенадцать лет и преследовал меня с одержимостью, достойной Джимми Отто.

Кимбалл по-прежнему не опускает оружия, несмотря на то что перед ним выстроился целый отряд детективов с наведенными на него пистолетами. То, что происходит дальше, не удивляет никого из присутствующих. Я читаю это по глазам Кимбалла. Джейн Риццоли тоже наверняка это видит. Осознание. Покорность. Без всяких преамбул, без

тени сомнения он сует ствол пистолета себе в рот и нажимает на спусковой крючок.

От выстрела на стену выплескивается фонтан алой крови. Ноги Кимбалла подкашиваются, и тело падает, словно мешок с камнями.

Я не впервые вижу смерть. Пора бы уже привыкнуть к этому зрелищу. Но, не в силах отвести взгляда от изуродованной головы, от крови, которая, вытекая из разнесенного черепа, скапливается на полу спальни, я вдруг понимаю, что не могу дышать. Рывком распахнув блузку, я хватаюсь за кевларовый жилет, который мне велела надеть Джейн Риццоли. Жилет задержал пулю, но грудь болит от удара. Наверняка останется синяк. Сняв жилет, я откладываю его в сторону. Меня не беспокоит, что четверо присутствующих в комнате мужчин видят мой лифчик. Я отдираю микрофон и провода, приклеенные к моему телу, – устройства, которые сегодня спасли мне жизнь. Не будь этих проводов, не слушай меня полиция, никто не узнал бы о нашем разговоре с Кимбаллом. Никто не понял бы, что он уже проник в мой дом.

С улицы доносится вой приближающихся сирен.

Я снова застегиваю блузку, поднимаюсь на ноги и, выходя из комнаты, стараюсь не смотреть на тело Кимбалла Роуза.

На улице царит теплая ночь, бубнит полицейское радио, на крышах патрульных машин мигают проблесковые маячки. Меня отлично видно в этом ярком, пульсирующем свете, но я от него не прячусь. Впервые за четверть века мне не нужно скрываться во тьме.

– Все хорошо?

Обернувшись, я вижу, что детектив Риццоли стоит рядом со мной.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Мне жаль, что так получилось. Он не должен был подобраться столь близко.

– Все уже позади. – Я вдыхаю сладкий воздух свободы. – Только это теперь имеет значение. Наконец все закончилось.

– Вам еще придется ответить на множество вопросов полицейского управления Сан-Диего. О смерти Брэдли. Обо всем, что случилось той ночью.

– С этим я справлюсь.

Повисло молчание.

– Да, справитесь, – согласилась Риццоли. – Я уверена, что вы справитесь с чем угодно.

В ее голосе чувствуется скрытая нотка уважения, такого же уважения, какое я научилась испытывать по отношению к ней.

- Теперь я могу уйти? – спрашиваю я.
- Только если мы будем знать, где вас найти.
- Вам известно, где меня искать.

«Там, где моя дочь», – добавляю я про себя. Жестом попрощавшись с Риццоли, я иду к своей машине.

Все эти годы я представляла себе этот момент – день, когда мне больше не придется бросать взгляды через плечо, когда я, не боясь последствий, наконец смогу откликаться на свое настоящее имя. В моих мечтах этот миг был наполнен искрящейся радостью, в это мгновение рассеивались тучи, рекой лилось шампанское, а я кричала от радости, задрав голову к небу. Однако я не ожидала того, что происходит сейчас. Вместо сумасшедшего, безудержного восторга я ощущаю лишь тихую радость. Я чувствую облегчение, усталость и отрешенность. Все эти годы моим постоянным спутником был страх, теперь я должна научиться жить без него.

Гоня машину на север, я чувствую, как страх сходит с меня, словно слои ветхого льна – его полоски, трепеща на ветру, отрываются и улетают в ночь. Я освобождаюсь от него. Оставляю его позади и еду на север, к маленькому домику в Челси.

К своей дочери.

notes

Примечания

Птолемеи – последняя династия Древнего Египта, правившая в IV–I веках до н. э. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Музей человека – антропологический музей в Сан-Диего, штат Калифорния. Основа экспозиции – история Египта и индейцев-мая.

«Живая помощь» (Live Aid) – международный благотворительный музыкальный фестиваль, проходивший 13 июля 1985 года одновременно в нескольких странах. Собранные средства пошли в помощь пострадавшим от голода в Эфиопии.

4

На своем месте (*лат.*).

Тамале – традиционное мексиканское блюдо из кукурузной каши, завернутой в кукурузные листья.

Доктор Пульчилло явно имеет в виду известную книгу Марка Твена «Простаки за границей» (1869).

«Л. Л. Бин» (L. L. Bean, Inc.) – частная компания, в розницу и по почтовым каталогам торгующая одеждой и оборудованием для отдыха на воздухе; находится в городе Фрипорт, штат Мэн.

Имеется в виду персонаж детской развивающей программы «Улица Сезам».

«Грейхаунд лайнс» – крупнейшая американская корпорация, занимающаяся междугородными автобусными перевозками. Основана в 1914 году.

НИКЦ (NCIC – National Crime Information Center) – Национальный информационно-криминологический центр.

Лорд Карнарвон – английский граф, египтолог и собиратель древностей. В ноябре 1922 года лорд Карнарвон и Говард Картер открыли гробницу Тутанхамона.

АСРОП (AFIS – Automatic Fingerprint Identification System) – автоматическая система распознавания отпечатков пальцев.

Лайнбекер – основной игрок защиты в американском футболе.